ISSN 2782-6511

Историко-географический журнал

№ 1 (том 5)
2026

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER «YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2026. Том 5. № 1
2026. Volume 5. Number 1

Екатеринбург 2026 Ekaterinburg

Historical Geography Journal. 2026. Volume 5. Number 1
Ekaterinburg
12+

Published since 2022
ISSN 2782-6511

Registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (ПИ № ФС77-83257, 2022, May 12)

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

Founder
Autonomous non-profit organization "Research center "Young historians of the Urals"

Publisher
Autonomous non-profit organization "Research center "Young historians of the Urals"

Institute of History and Archaeology
Ural Branch Russian Academy of Sciences

Editor
Mikhail V. Mikheev

Editorial board
Elena V. Borodina, Ekaterina A. Bulakova, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Andrey S. Mikhaylov, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Diana E. Nicoglo, Penka Iv. Peykovska, Aleksey A. Romanchuk, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slaschev, Elena K. Sozina, Vladimir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

Editorial council
Nikolay N. Baranov, Vladimir N. Zemtsov, Aleksandr I. Zyrianov, Vladimir A. Ivanov, Iskander L. Izmailov, Aleksandr A. Korablev, Marina Ch. Larionova, Draga Mastilović, Viachaslau I. Menkouski, Igor V. Poberezhnikov, Sergey Z. Chernov, Endre Sashalmi, Larisa G. Shepko, Andrey N. Shikhov

Editorial office address
620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
office@hist-geo.ru

The Journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, in which the basic scientific results of dissertations for the academic degrees of Doctor of Science and Candidate of Science must be published.

Историко-географический журнал. 2026. Том 5. № 1
Екатеринбург
12+

Выходит с 2022 г.
ISSN 2782-6511

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83257 от 12 мая 2022 г.)

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире

Учредитель
Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Издатель
Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук

Главный редактор
к. и. н. М. В. Михеев

Редакционная коллегия
к. и. н. Е. В. Бородина, Е. А. Булакова, Е. С. Гришин, к. и. н. А. В. Дедук, к. г. н. А. А. Зайцев, к. и. н. К. И. Зубков, к. и. н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д. и. н. А. А. Метельский, к. г. н. А. С. Михайлов, к. и. н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к. и. н. Д. Е. Никогло, д. и. н. П. Ив. Пейковска, PhD А. А. Романчук, к. и. н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д. филол. н. Е. К. Созина, д. г. н. В. Н. Стрелецкий, д. и. н. С. Н. Темушев

Редакционный совет
д. и. н. Н. Н. Баранов, д. и. н. В. Н. Земцов, д. г. н. А. И. Зырянов, д. и. н. В. А. Иванов, д. и. н. И. Л. Измайлов, д. филол. н. А. А. Кораблёв, д. филол. н. М. Ч. Ларионова, PhD Д. Мастилович, д. и. н. В. И. Меньковский, чл.-корр. РАН, д. и. н. И. В. Побережников, д. и. н. С. З. Чернов, DSc Э. Шашхалми, д. и. н. Л. Г. Шепко, д. г. н. А. Н. Шихов

Адрес редакции
620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414
office@hist-geo.ru

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРНОЗАВОДСКИЙ УРАЛ: ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Неклюдов Е. Г. Установление правил отвода земель к горным заводам Урала в XVIII — первой половине XIX в. 6

Беляев А. Г. Деятельность экспедиции Печорской Комиссии 1867 г. по поиску пути соединения бассейнов Печоры и Оби. Восстановление ее маршрута 16

ГЕОГРАФИЯ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Эскендеров Б. Э. Западные провинции древней Кавказской Албании (II в. до н. э — VI в. н. э.).... 32

Жиброва Т. В., Ляпин Д. А. Лес в повседневно-бытовом пространстве человека XVII в. (на материалах южных уездов России)..... 40

ИСТОЧНИКИ

Дедук А. В., Шеков А. В. Актовые источники 1520-х гг. по истории поземельных отношений в Великом княжестве Литовском и Русском из фонда 1603 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) 52

Шокарев С. Ю. Отчет горного инженера В. М. Борейши о геологической экспедиции на Чукотку летом 1921 г. 68

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Маштакова Л. В. Становление «поэта края»: случай Л. В. Исакова..... 90

СООБЩЕНИЯ

Монография «Историческая картография» 100

XVII Географические чтения им. профессора В. А. Витязевой «Города Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее». Сыктывкар, 2 апреля 2026 г. 103

VII Уральский неолитический семинар «Гребенчатая керамика — феномен неолитических и энеолитических культур Большого Урала». Екатеринбург — Нижний Тагил, 24–26 февраля 2026 г. 105

Call for Papers: Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Новое прошлое-8. Природные и культурные ландшафты в истории: пространственный поворот в современном гуманитарном знании». Ростов-на-Дону, 22–23 октября 2026 г. 109

CONTENTS

MINING URALS: LAND MANAGEMENT AND COMMUNICATION LINES

Neklyudov E. G. Establishment of Rules for Allocating Land to the Urals' Mining Plants in the 18th — First Half of the 19th Century 6

Belyaev A. G. The 1867 Pechora Commission Expedition to Find a Way to Connect the Pechora and Ob Basins: Restoring Its Route 16

GEOGRAPHY OF EURASIA IN THE MIDDLE AGES

Eskenderov B. E. Western Provinces of Ancient Caucasian Albania, 2nd Century BC — 6th Century AD....32

Zhibrova T. V., Lyapin D. A. The Forest in Everyday Space of 17th Century Man (The Case of Russia's Southern Borderlands) 40

SOURCES

Deduk A. V., Shekov A. V. The 1520s Deeds on the History of Land Relations in the Grand Duchy of Lithuania from the collection 1603 of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)..... 52

Shokarev S. Yu. Report of Mining Engineer V. M. Boreisha on the Geological Expedition to Chukotka in the Summer of 1921 68

GEOGRAPHICAL REMINISCENCES IN LITERATURE

Mashtakova L. V. Becoming a "Region's Poet": The Case of Lev V. Isakov..... 90

СООБЩЕНИЯ

The first monograph on historical cartography 100

17th Geographical Readings named after Professor V. A. Vityazeva "Cities of the Komi Republic: Past, Present, Future". Syktyvkar, 2 April 2026..... 103

7th Ural Neolithic Seminar "Comb Ceramics: A Phenomenon of Neolithic and Eneolithic Cultures of the Greater Urals". Ekaterinburg – Nizhny Tagil, 24–26 February 2026..... 105

Call for Papers: All-Russian (with international participation) scientific conference "The New Past-8. Natural and Cultural Landscapes in History: A Spatial Turn in Contemporary Humanities". Rostov-on-Don, 22–23 October 2026 109

Горнозаводский Урал: землеустройство и пути сообщения

УДК 94(470.5)"17/18" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-6-15

Неклюдов Евгений Георгиевич
д. и. н., главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
ORCID 0000-0002-9764-9468
E-mail: ntplant9@mail.ru

Установление правил отвода земель к горным заводам Урала в XVIII — первой половине XIX в.*

АННОТАЦИЯ. На основе законодательства, ведомственной делопроизводственной документации, картографических источников, а также сведений из научной литературы представлен процесс разработки и применения правил землеустройства и определения границ горнозаводских округов на Урале, растянувшийся на полтора столетия. В XVIII в. он происходил в основном путем отвода обширных казенных земель к заводам и был еще недостаточно отрегулирован, что затрудняло развитие промышленности и вызывало многочисленные споры между заводчиками. Первоначально были определены нормы рудничного и заводского отводов, отразившиеся в горном законодательстве. Особенно сложным и долгим оказалось установление правил отвода лесных участков, предназначенных для заготовки древесного топлива для металлургических печей, а также правил дистанцирования заводов разных владельцев, которые определялись по мере накопления практического опыта. Кодификация горного законодательства в первой половине XIX в. подтолкнула скоординированную работу регионального ведомственного учреждения, губернских органов и самих горнозаводчиков по межеванию территории округов и их картографированию на передовых для того времени научных принципах. В результате этих масштабных работ была очерчена мозаичная по своей пространственной организации территория Горнозаводского Урала — крупнейшего в России металлургического региона, состоявшего из казенных и частных округов. Он находился под автономным управлением горного ведомства и объединял около 12 млн десятин, или примерно 15 % площади трех уральских губерний — Пермской, Оренбургской и Вятской.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, XVIII — первая половина XIX в., горнозаводская промышленность, горнозаводские округа, земельные отводы, межевание

Для цитирования: Неклюдов Е. Г. Установление правил отвода земель к горным заводам Урала в XVIII — первой половине XIX в. // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 1. С. 6–15. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-6-15.

Поступила в редакцию 20.01.2025
Принята к публикации 19.09.2025

© Неклюдов Е. Г., 2026

* Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Модернизационные трансформации России Нового и Новейшего времени: общестрановые тенденции и региональная специфика», рег. номер 124032100050-2.

Mining Urals: Land Management and Communication Lines

UDC 94(470.5)"17/18" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-6-15

Evgeny G. Neklyudov
Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)
ORCID 0000-0002-9764-9468
E-mail: ntplant9@mail.ru

Establishment of Rules for Allocating Land to the Urals' Mining Plants in the 18th — First Half of the 19th Century

ABSTRACT. Based on legislation, departmental office documentation, cartographic sources, and information from scientific literature, the article considers the process of developing and applying land management rules and defining the boundaries of mining districts in the Urals, which lasted for one and a half centuries. In the 18th century, it occurred mainly through the allocation of vast state-owned lands to plants and was not yet sufficiently regulated, which hampered the development of industry and caused numerous disputes between plant owners. Initially the norms of ore and plant allotments were determined, which was reflected in the mining legislation. Particularly difficult and time-consuming was the establishment of rules for the allocation of forest areas intended for the procurement of wood fuel for metallurgical furnaces, as well as rules for the distancing of factories of different owners, which were determined as practical experience accumulated. The codification of mining legislation in the first half of the 19th century prompted the coordinated work of the regional departmental institution, provincial bodies and the plant owners themselves to survey the territory of the districts and map them using the advanced scientific principles of that time. These large-scale works resulted in outlining a mosaic in its spatial organization territory of the Mining Urals — the largest metallurgical region in Russia, consisting of state and private districts. It was under the autonomous management of the mining department and united about 12 million desiatinas, or approximately 15% of the area of 3 Ural provinces — Perm, Orenburg and Vyatka.

KEYWORDS: Urals, 18th — first half of the 19th century, mining industry, mining districts, land allotments, land surveying

For citation: Neklyudov E. G. [Establishment of Rules for Allocating Land to the Urals' Mining Plants in the 18th — First Half of the 19th Century]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 1, pp. 6–15. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-6-15 (In Russian).

Received 20 January 2025
Accepted 19 September 2025

© 2026 The Author

Особенностью горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX в., как известно, была ее окружная организация[1]. Экономическое пространство региона состояло из многочисленных территориально-хозяйственных и социоэкономических комплексов — горнозаводских округов, принадлежавших казне или частным лицам. Территория отдельного округа включала металлургические заводы и рудники, гидротехнические системы, необходимые для выработки водяной энергии, лесные дачи, где шла заготовка древесного топлива, тракты для транспортировки сырья и готовой продукции, а также заводские поселки и деревни, где проживало население, обслуживавшее все это многоотраслевое хозяйство.

Процесс формирования горнозаводских округов занял фактически весь XVIII в. Он протекал неравномерно по географическим зонам Урала. Сначала заводские комплексы появились в его срединной части, наиболее заселенной и освоенной в ходе русской колонизации, затем — распространились на южные и северные районы, где возникали благоприятные для этого условия. По нашим подсчетам, к началу XIX в. на обширной территории Урала функционировало 48 частных и шесть казенных горнозаводских хозяйств, которые уже приобрели основные характеристики округов как оптимальных по своей структуре и самодостаточных производственных комплексов. Стабилизация состава округов произошла в первой половине XIX в., когда сложилась «коренная» территория Горнозаводского Урала, получившая отдельное от общего губернского устройства управление.

Первостепенное значение в формировании округов приобрела их пространственная организация, которая складывалась по мере отвода земель к заводам. Установив «горную регалию» и имея в собственности обширные территории Урала, государство особенно не затруднялось в выборе мест под строительство собственных заводов и приписки к ним рудников и лесов. Оно же приходило на помощь горнозаводчикам — выходцам из различных слоев населения, за редким исключением (Строгановы) не имевших земельных владений в регионе. Разработка общих правил отвода земель в такой ситуации становилась важной задачей государства, решение которой заняло довольно продолжительный период.

Как известно, основы государственной политики в горном деле заложила Берг-привилегия Петра I (1719 г.). Она разрешила «всем, и каждому... какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы», но при этом установила лишь величину рудничного отвода. «На месте, где руда обретена будет, — записано там, — 250 сажень долготы, 250 сажень ширины отведено быть имеет, и на том отведенном месте… <получивший привилегию> всякую руду и минералия, что обрящет под землею, копать, и к тому потребное строение построить волен»[2]. Берг-регламент Анны Иоанновны (1739 г.) подтвердил площадь рудничного отвода, дополнив его предписанием «на построение заводов… охочим людям отводить места по усмотрению, сколько к которому заводу за потребно признано будет и сверх определеннаго по оной Берг-привилегии разстояния»[3]. Судя по актам середины XVIII в., под строительство «плавильного завода» отводилось, «смотря по пространству ситуации, свободности и по величине завода, плотины, фабрик и всякого заводского и хоромного строения, в длину и в ширину до 500 сажень и более… да на выпуск 50 десятин, сверх того при рудниках… к каждому в длину и в ширину по 250 сажень»[4].

В отношении же лесных отводов, не менее важных для функционирования металлургических предприятий, но больших по площади, чем рудничные и заводские, даже тогда не было дано «точных определениев и указов… каким порядком и на сколько верст оных лесов отводы чинить». Как было записано в указе 1744 г., «понеже до сего порядочнаго отводов под заводы мест, лесов и к поселению крестьян и на то установления (кроме что к рудникам) не было, а ныне оное требуется»[5].

---

[1] Адамов В. В. Об «оригинальном строе» и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256; Гуськова Т. К. О новых подходах к изучению уральской горнозаводской промышленности // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 231–234; Неклюдов Е. Г. Горнозаводские округа на Урале: формирование и состав в XVIII — первой половине XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 119–133.

[2] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3464, п. 5.

[3] Там же. Т. 10. № 7766, п. 5.

[4] Там же. Т. 13. № 10141.

[5] Там же. Т. 12. № 8921.

Между тем общие правила лесного отвода были прописаны в Инструкции обер-вальдмейстеру еще в 1723 г. В соответствии с ними, отвод лесов «ко всяким заводам» должен был производиться так, чтобы «всегда оных было довольно». «Сметясь сколько к заводу на строение, в дрова и на уголья надобно лесу… и сколько в год вырубят, — указывалось там, — то место смерять, и таких мест определить 25 или 30, из которых одно по другом погодно же рубить с ряду, и рубя паки лесною порослью запускать и уже отнюдь в тех местах недорослаго не рубить, дабы покамест последний вырубят, к тому ж времени первый поспел»[6]. Однако «по достоверному виду и примечанию бывших командиров на заводах в Сибири, что леса тамо к строению и на уголь годными нескоро растут», было замечено, что предписанный отвод не соответствовал потребностям горных заводов. Опыт показывал, что к таким предприятиям надлежало отводить столько лесов, «дабы оных… всегда было довольно так, чтоб их достало на 60 лет, а иные представляли и на 80; и так заводы могут стоять в действии своем многие годы, и всегда будет польза»[7].

Как следует из имеющихся данных по демидовским заводам, горные власти при отводах земель изначально ориентировались на их производственные показатели и увеличенный по времени оборот леса. В грамоте 1702 г. об отдаче Никите Демидовичу Демидову Невьянского завода было предписано «земель ему около тех заводов под дровяные грудные клади дать, и где мастерским и работным людям жить, и с порожних земель, а не крестьянских, двести или триста десятин, а буде за тем порожней земли сыщется, о том Нам Великому Государю бить челом ему Никите вольно, и о тех землях, которые порожни лежат, привесть в Сибирский приказ свидетельство, и под покосы сенные дать из порожних земель»[8]. Дополнительной грамотой в том же году ему разрешалось строить заводы «на Нейве реке, и буде приищет на той и иных реках и Тагиле у магнитной руды». Для этого предоставлялся более значительный отвод земель «во все стороны по 30 верст» с предписанием «иметь бдительное старание о сохранении заводских лесов»[9]. Не случайно, видимо, на ландкарте, «сочиненной» в 1734–1736 гг., «ведомство» сына и наследника Н. Д. Демидова — Акинфия Никитича — изображено в виде не совсем ровной окружности с центром в Невьянске, в границы которой вошли уже возведенные к тому времени девять металлургических заводов[10].

По сведениям Б. Б. Кафенгауза, к 1732 г. ко вновь построенным предприятиям Демидовых были отведены лесные пространства на 30, 60 и даже 90 верст вокруг. Однако если отметить эти территории на карте, то выяснится, что отводы пересекались и даже накладывались друг на друга. Так, 90-верстный отвод вокруг Нижнетагильского завода не только полностью включал 48-верстный отвод Выйского завода, но и первичный 30-верстный отвод Невьянского завода, который составлял основу демидовского «ведомства». Скорее всего, эти данные отражали не столько реально «приграниченные» к заводам пространства земель, сколько условные границы разрешенной конкретному заводчику вырубки леса на углежжение.

Исключительным можно признать случай с отводом к первому на Южном Урале Табынскому (Воскресенскому) казенному заводу, строительство которого началось в 1736 г., но не было завершено по выбранному месту на маловодной речке, в большом удалении от рудников и в окружении воинственных башкир. «Негодный медный завод… с обгорелой плотиной», тем не менее, вызвал горячий интерес у горнозаводчиков. Приобрести его желали такие известные на Урале предприниматели, как А. Н. Демидов, П. И. Осокин и И. Б. Твердышев. Скорее всего, их привлекло не столько само казенное предприятие, сколько выгодные условия его передачи вместе с рудниками и землями, которые назначались к отводу.

По предложению губернского начальства «окружность» земельного отвода простиралась «от Табынска прямо до Оренбурга, а в стороны от того же Табынска с одну на вершины… с другой рекою Белою от Табынска же на 200 верст, а от оной реки Башкириею на той же дистанции на 50 верст в сторону от Сакмарского городка рекою Сакмарою на 100 верст, а по Яику

[6] Там же. Т. 7. № 4379, п. 21.

[7] Там же. Т. 13. № 10141.

[8] Спасский Г. И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1877. С. 75–76.

[9] Там же. С. 80.

[10] Отметим, что термин «округ», получивший широкое распространение в XIX в. для обозначения сложившихся горнозаводских хозяйств, произошел от первоначального родственного слова «округа», «окружность», которые стали применяться в отношении отводов земель к заводам еще в начале XVIII в.

от Оренбурга в одну сторону до Илека, а в другую до Арска со включением между рек Сакмары и Белой на предписанных дистанциях». Такое огромное пространство отводилось к единственному медеплавильному предприятию ввиду того, что, как полагали начальники, «на тех местах, яко ближайших к Оренбургу, другого завода для скудости в лесах заводить никогда позволить будет невозможно, а убытка из того не будет, ибо и на одних заводах можно столько же выплавить, как и на многих»[11].

Однако уже после утверждения договора с И. Б. Твердышевым Берг-коллегия увидела в этом нарушение правил «горной свободы». Там признали, что «такое множественное число верст» одному заводу «отводить весьма… занеспособно, для того что те заводчики в такой немалой окружности рачения в бережении того лесу никакого иметь не будут, а наиболее для того, чтоб в такой большой окружности других к произведению заводов охотников к построению же заводов по величности отведенного ему места не допускать»[12].

Горные чиновники рекомендовали тогда «к вододействуемой одной домне и с принадлежащими к ней молотам… лесов отводить на рубку угольных дров и для заводскаго произведения в длину от завода, ежели где находиться будут довольные леса, 20 верст, а поперег, смотря по густоте и величине лесов, чтобы заводы достаточно на уголье и на прочия заводския надобности иметь могли». Если же «против той препорции лесов в близости не будет», то следовало «отводить в добавку… по близости к тому заводу и в иных порожжих местах по расчислению». Предпринимателям рекомендовалось возводить заводы друг от друга не ближе 50 верст, но в случае обнаружения «удобного места и реки к построению завода» с разрешения Берг-коллегии можно было начать строительство «и в 25 верстах во отведенных дачах». Отвод лесов к медеплавильным предприятиям следовало «чинить в длину по пять верст, а в ширину по тому же, по усмотрению густоты лесов, ибо оные медные заводы несравненно меньше угля и дров против железных заводов употребления требуют… и те медные заводы один от другого ближе 10 верст строить не допускать»[13].

Основываясь на этих предложениях, в 1753 г. Сенат постановил на Южном Урале «под строение… партикулярных заводов земли и лесов отводить такую препорцию, как в вышеписанном Берг-коллегии представлении и мнении написано, а излишние, отведенные до нынешняго положения от Оренбургской губернии к заводам дачи… отобрать и роздать другим охотникам, кто рудники приищут и заводы строить пожелают»[14].

В этом указе сообщалось и об иных возможностях приобретения земель для частных заводов посредством аренды или покупки у башкир — «вотчинников», основной ареал распространения которых концентрировался в этой губернии. Несколько преувеличивая свои заслуги по «усмирению» аборигенов, губернское начальство сообщало, что, поняв свою выгоду, «башкирцы с заводчиками так хорошо обошлись, что сами руды сыскивают, приносят им и возкою на их заводы с рудников разработанных руд и отдачею им в оброки своих земель и угодий охотно промышляют и пользуются; а некоторые и продажею к тем заводам из своих вотчин земель и угодий по добровольным договорам способствуют». При этом утверждалось, что губернской канцелярией «завсегда и крепко наблюдается, дабы те заводчики с ними башкирцами порядочно поступали и без договора б с ними лесом и никакими угодьями не пользовались, и так оное порядочно происходит, что от башкирцов никаких жалоб и от заводчиков неудовольствия не бывало»[15].

Известно, что договоры с башкирами и другими уральскими народами на аренду или продажу земель действительно заключались, но финансовые условия этих сделок не регламентировались властью и, как правило, были не в пользу неграмотного и нуждающегося местного населения. Так, в 1740 г. А. Н. Демидову было разрешено взять в кортом на 20 лет вогульские земли рядом с Нижнетагильским заводом, а в 1741 г. — «навечно» скупить у татар и черемисов земли к Ревдинскому заводу, хотя «сколько той земли мерою, того не <было> объявлено»[16].

[11] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 13. № 10141.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 203.

В соответствии с «определением» Берг-коллегии, отводы под строительство Катав-Ивановского завода И. Б. Твердышеву в 1757 г. давались уже по новым правилам. «Под заводское и хоромное строение» было отведено 50 дес. и 100 дес. «на скотской выпуск», «на рубку угольных дров на первой случай» назначалось «от заводу в длину и в ширину во все четыре стороны по три версты» с перспективой, «ежели находятся довольные леса — 20 верст, а поперек, смотря по густоте и величине лесов, чтоб стало на 60 лет». Сообщалось также, что у заводчиков «имеются покупные у вотчинников тех мест башкирцов <земли>, на которые они имеют… надлежащие купчие крепости». Были отведены также девять железных рудников, «под каждым по 250 сажен», из 304 рудников, «отысканных» и числившихся за Твердышевым в Оренбургской губернии. «Поблизости того места и в окружности оного завода других построенных и строящихся заводов никаких не имеетца», — констатировалось в документе[17].

В своих предложениях горные деятели не случайно акцентировали внимание на том, чтобы «в отведенных лесах к прежде построенным заводам вновь желающих строить заводы не допускать». Это правило должно было предотвращать земельные споры между конкурировавшими заводчиками. Но поскольку границы отводов четко еще не фиксировались, такие конфликты происходили довольно часто. Примером может служить спор между А. Н. Демидовым и Осокиными, возникший в 1745 г. Соперники Демидова жаловались императрице на то, что он построил Бымовский завод в Кунгурском уезде всего в 11 верстах от их Юговского завода, что делать «не подлежало… по горному и заводскому обыкновению для прочности заводов и в лесах»[18]. Известен также конфликт сына А. Н. Демидова, Никиты, вознамерившегося в 1758 г. построить железоделательный завод в удобном месте на речке Сулёмка, притоке Чусовой. Это вызвало протесты Строгановых, которые доказывали, что по «жалованным грамотам» им принадлежат все земли по течению Чусовой и ее притокам. Демидов был вынужден отказаться от своих намерений и перенести место строительства на реку Салда, в район, отдаленный от Чусовой, но богатый хвойными лесами. Это, в свою очередь, вызвало протест его брата, Прокофия, заявившего, что новый завод будет удален от принадлежавшего ему Невьянского завода всего на 30 верст[19].

Показательным в этом плане может послужить и пример со сложным отводом земель к Златоустовскому заводу Мосоловых. В 1751 г. по распоряжению Берг-коллегии Оренбургская губернская канцелярия предписала выделить для строившегося завода земли «в 50-верстной окружности» в трех башкирских волостях вниз по берегам Миасса до озера Аргазы. Лесов, которые росли на этой территории, должно было хватить для действия завода в течение 60 лет. Но прибывший на место шихтмейстер отмежевал только по 30 верст во все стороны, в результате чего «явилось в той… окружности чистых, безлесных, степных и болотных мест 409 квадратных верст и 67 десятин и в той же окружности оказалось отмежеванных до того к Чебаркульской крепости лесу 505 верст и 83 десятины». Из-за недостатка лесов впоследствии пришлось вновь приглашать казенного чиновника для дополнительного отвода, что еще более обострило отношения между соседями и привело к спорам не только с гарнизонным начальством и башкирами, но и с заводчиками А. С. Строгановым и Н. Н. Демидовым, тоже претендовавшими на эти земли[20].

Вопрос о границах владений обострялся не только при возведении новых предприятий, но и во время межпоколенческого транзита, когда заводы приходилось делить между наследниками. В XVIII в. практиковалось дробление первичных горнозаводских имений, чему способствовало наличие, как правило, нескольких перспективных заводских комплексов в их составе. Типичный пример этого представляет раздел «горной империи» крупнейшего заводчика первой половины XVIII в. А. Н. Демидова, включавшей 18 предприятий, которые действовали на территории Среднего Урала.

Как известно, в 1758 г. заводы были поделены между тремя его сыновьями: Прокофию отошла «невьянская», Григорию — «суксунско-ревдинская», Никите — «нижнетагильская» части, выделенные не только по количеству крепостных душ, но и с учетом сложившихся

[17] Мукомолов А. Ф. На южно-уральских заводах. М., 2001. Кн. 1. С. 251–268.

[18] Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 78–79.

[19] Там же. С. 92–93.

[20] Бочкарева Е. С. Формирование Златоустовского горнозаводского округа в период владения рода Лугининых (1769–1799 гг.): дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2027. С. 79–80.

производственных связей между заводами[21]. «Каждая часть была составлена так, что могла иметь действие самостоятельное и нисколько не зависящее от прочих, — свидетельствовал безымянный автор середины XIX в. — Все они имели свои чугуноплавильные заводы и были обеспечены вполне другими необходимыми для заводского действия потребностями. В разделе можно было даже предвидеть новые способы к распространению и улучшению хозяйственного состояния заводов. Их производительность и особенно пространство, ими занимаемое, были уже так велики и требовали такой сложной администрации, что единство владения, в применении к заводскому имению Демидовых, теряло свои преимущества и должно было уступить место другой, более дробной системе, которая открывала более способов к дальнейшему развитию естественных богатств каждой отдельной части»[22]. Этот раздел привел к распаду прежде единой территории «ведомства Акинфия Демидова» и других его владений на части, границы между которыми были четко проведены (с указанием не только верст и сажень, но и координат — минут, градусов и румбов) и зафиксированы особой комиссией в межевом журнале 1763 г.[23]

Однако подобное детальное межевание, проводившееся «частным порядком» нанятыми землемерами, было большой редкостью, и поэтому границы многих формирующихся округов оставались еще довольно условными. Даже при продажах заводских имений в договорах начала XIX в. чаще указывалось не количество принадлежавших им десятин земли, а количество заводов и крепостных душ. Характеризуя те времена, опытные землемеры сообщали, что «межевых знаков на некоторых границах ставлено не было; делались только в лесных местах одни просеки около ограниченного пространства, составлялись чертежи в уменьшенном масштабе с нанесением далеко не точно определенных границ и внутренней ситуации, при несовершенстве существовавших в то время инструментов и способов межевания»[24].

Земельные споры и все более ощущавшаяся необходимость наведения порядка в межевании подтолкнули власти к более ответственному подходу к определению границ горнозаводских округов с нанесением их на планы «заводских дач». Тем более что манифест Екатерины II от 28 июня 1782 г., утвердивший акцессию вместо «горной регалии», запретил «инако основывать заводы, как или на своей собственной земле, или же по добровольному условию с другим на принадлежащей сему последнему», а также «требовать отвода казенных лесов»[25]. Необходимость межевания дополнилась его возможностью в более стабильной, чем ранее, ситуации.

Задача межевания окружной территории стала важной составляющей реформы организационных основ российской горнозаводской промышленности, ставшей частью крупных административных преобразований начала XIX в. На Урале она была возложена на новое ведомственное учреждение — Пермское (с 1831 г. — Уральское, в Екатеринбурге) горное правление, которое должно было действовать совместно с губернскими межевыми канцеляриями, созданными в то время на Урале для организации пришедшего в регион Генерального межевания. В Оренбургской губернии оно открылось в 1797 г., в Вятской — в 1804 г. и в Пермской — в 1824 г.[26]

По Проекту горного положения, изданному в 1806 г., региональное горное правление было обязано «собрать и привести в ясность все планы лесов, приграниченных ко всякому заводу, и иметь оным описание». Межевая канцелярия осуществляла «наружное размежевание» с казенными или помещичьими землями, а горное правление — «внутреннее разграничение отводов одного завода от другого» в границах округов. Побочной целью этой операции было выяснение, насколько тот или иной завод обеспечен древесным топливом «на вечные времена». По ходу межевания горное правление должно было «уравнять казенные и частных людей заводы лесами по нынешнему их действию, дабы каждый завод имел оных количество известное и достаточное на всегдашнее действие». Казенные заводы, «удовлетворяющие государственные нужды флота, артиллерии и других мест», предполагалось наделять лесами «преимущественно» перед

[21] Кафенгауз Б. Б. Указ. соч. С. 234–241.
[22] РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 102. Л. 86 об.
[23] ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 19.
[24] Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. Прил. С. 164.
[25] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15447.
[26] Смирнов Г. С. Особенности генерального межевания восточных губерний европейской России // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35 (136). С. 24–30.

частными предприятиями. Последние «уравнивались» за счет «лесов от заводов, имеющих в оных видимый излишек», и только в случае неосуществимости этого варианта с разрешения министра финансов могли получить отвод «из пустопорожжых казенных лесов, ежели таковые имеются поблизости завода»[27]. В 1832 г. эти правила вошли в Горный устав, составленный на основе Проекта горного положения. Он переиздавался в 1842 и 1857 гг., обновляясь текущим законодательством.

Введение новых правил смягчило прежнее запрещение таких отводов, в результате чего несколько горнозаводских хозяйств, по каким-то причинам не наделенных лесами (в частности Авзяно-Петровские заводы Губиных, Кагинские заводы Демидовых, Холуницкие заводы Пономаревых, Шильвинский завод Подъячевых), получили возможность укрепить свою топливную базу, хотя и сталкивались при этом с серьезными трудностями. Так, по объяснению Н. Н. Подъячева, выделяемые для рубки дров участки казенных земель находились то далеко от его завода, то содержали один осиновый лес, не пригодный для металлургических печей, то назначались только «в зимнюю рубку», когда для этого не хватало рабочих рук[28]. Назначенное при межевании отграничение лесов к Ревдинскому заводу от соседних Билимбаевского, Верх-Исетского и Сысертского округов вызвало жалобы их владельцев и было отклонено министром финансов. Решение «топливной проблемы» для этого головного предприятия Ревдинского округа нашлось, когда в 1836 г. было разрешено пользоваться лесами, отведенными к другим заводам этого же округа[29]. В 1850 г. при подготовке к публичной продаже Кагинского округа Сенат разрешил «из числа земель башкирцов Темьянской и Тангаурской волостей» отвести ему 22 454 дес. в соответствии с количеством ревизских душ занятых там казенных «непременных работников»[30].

В 1828 г. Николай I утвердил границы строгановских владений по Чусовой, простиравшихся не на всё ее течение «с устья и до вершины», как полагали Строгановы, а только до реки Межевая Утка. В то же время он повелел министру финансов «во уважение к заслугам рода Строгановых» наделить их заводы, нуждавшиеся в лесах, «из казенных пустопорожних и казне не нужных земель». Это имело отношение в первую очередь к Билимбаевскому заводу, оказавшемуся за пределами установленной границы. В 1832 г. генеральный землемер обмежевал его заводскую дачу «в помещичье владение графини Строгановой»[31].

На основании узаконенных правил в 1815–1823 гг. проходило так называемое «горное межевание» заводских дач Пермской губернии «для установления ясных границ в натуре, приведения лесов в известность и уравнения заводов лесами». По свидетельству горных землемеров, границы дач казенных и частных заводов «обойдены были кругом по следам первоначального приграничения лесов к заводам со снятием внутренней ситуации… и с постановкой формальных межевых знаков». После этого «все планы и полевые журналы» передавались из горного правления в губернские межевые канцелярии. Внешние границы всех заводских дач были «обойдены кругом» генеральными землемерами и обмежеваны «по наружной черте», а внутренние — проверены по «журналам горного межевания». В 1854–1862 гг. по контракту с французскими инженерами-топографами Бержье и Аллори, приглашенными Демидовыми, была проведена еще и «топографическая съемка» казенных и некоторых посессионных дач и составлены подробные карты и планы[32].

В результате этих масштабных работ была очерчена мозаичная по своей пространственной организации территория Горнозаводского Урала — крупнейшего в России металлургического региона, состоявшего из казенных и частных округов. Он находился под автономным управлением и контролем Уральского горного правления в Екатеринбурге и представлял собой, как выражались современники, «полный строй отдельного управления», который включал «особые права и законы по имуществу, состоянию, общественному устройству, полиции, суду… имевшим свои горные города и селения, особую военную команду из нескольких батальонов» и представлявшим собой «все элементы особой губернии», во главе которой находилось «специальное

[27] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 29. № 22208. Ст. 883–900.
[28] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 225. Л. 36.
[29] Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 84–118.
[30] Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 475. Л. 6–7; Д. 1635. Л. 3–6.
[31] Там же. Оп. 23. Д. 6998. Л. 26, 67–68 об.; Д. 5056. Л. 2, 429, 762–785.
[32] Безобразов В. П. Указ. соч. Прил. С. 163–169.

административное лицо»[33]. Этим «лицом» в 1826 г. стал главный начальник заводов хребта Уральского, минуя губернаторов, напрямую подчинявшийся министру финансов. Обособление Горнозаводского Урала стало характерной чертой этого периода развития промышленности со сформировавшейся окружной организацией, базовыми признаками которой являлись самодостаточность и самообеспеченность, как бы перенесенные на региональный административный уровень.

По официальным сведениям, основная сеть казенных и частных округов объединяла около 12 млн десятин, или примерно 15 % площади трех уральских губерний — Пермской, Оренбургской и Вятской[34]. Центральное место занимала Пермская губерния, в границах которой размещалось основное количество горнозаводских хозяйств. Крупнейшими из них по территории и масштабам производства были Нижнетагильский (636 тыс. дес.), Суксунский (465 тыс.) и Ревдинский (257 тыс.) округа, принадлежавшие Демидовым, Верх-Исетский (733 тыс.), Алапаевский (578 тыс.) и Невьянский (158 тыс.) — Яковлевых, Кыштымский (426 тыс.) — Расторгуевых, Сысертский (239 тыс.) — Турчаниновых, Сергинско-Уфалейский (426 тыс.) — Губиных, Шайтанские (36 тыс.) — Ярцовых и акционированный Юго-Кнауфский округ (100 тыс.). В Прикамье на землях обширной Строгановской вотчины сложились заводские комплексы Строгановых (Билимбаевский — 200 тыс. дес. и Кыновский — 115 тыс.), Голицыных (Нытвенский — 274 тыс.), Шаховских (Лысьвенский — 379 тыс.), Лазаревых (Чёрмозский — 602 тыс.) и Всеволожских (Пожевский — 216 тыс.), где, кроме металлургии, еще с XVII в. развивалась солеваренная промышленность. В этой среднеуральской губернии были сосредоточены казенные Богословский (396 тыс.), Гороблагодатский (856 тыс.), Екатеринбургский (1120 тыс.) и Пермский (311 тыс.) округа.

К крупнейшим горнозаводским хозяйствам южноуральской Оренбургской губернии относились Симские заводы Бекетовых — Балашовых (255 тыс. дес.), Белорецкие — Пашковых (179 тыс.), Катавские — Белосельских-Белозерских (166 тыс.) и Юрюзанские — Сухозанетов (167 тыс.). В лесостепной полосе этой губернии действовали многочисленные медеплавильные заводы, принадлежавшие преимущественно тем же владельцам (общей площадью около 350 тыс. дес.), а также Авзяно-Петровские заводы Губиных (96 тыс.), Кагинские — Демидовых (пользовались арендованной землей у башкир), Троицкие — Курочкиных — Маликова — Бенардаки (74 тыс.), Каноникольский — Мосоловых (113 тыс.), Шильвинский — Подъячевых (без отвода лесов) и Богословский — Шелашниковых (16 тыс.). В северной части губернии располагался казенный Златоустовский округ (785 тыс. дес.). Небольшая группа горнозаводских округов (Холуницкий — Яковлевых — Пономаревых — 5,6 тыс. дес. без отвода казенных лесов, Омутнинский — Осокиных — Пастуховых — 92 тыс., Шурминско-Залазнинский — Мосоловых — 25 тыс. (видимо, без приписанной Козьмодемьянской лесной дачи) и Бемышевский — 16 тыс. дес.) размещалась в приуральской Вятской губернии. К ней же относилась территория казенного Камско-Воткинского округа (369 тыс. дес.). Несколько небольших частных хозяйств, подведомственных Уральскому горному правлению, располагались в Казанской и Вологодской губерниях.

Многие горнозаводские округа представляли собой компактные территории, соединенные «в одну межу», другие имели более сложную пространственную организацию, где «заводские дачи» перемежались с землями казны или других владельцев. Это, например, было характерно для округов «строгановской группы», располагавшихся на территории крупнейшего частного имения в России — Строгановской вотчины, разделенной к этому времени на несколько частей. Их владельцы (Строгановы, Голицыны, Шаховские, Всеволожские, Лазаревы) обязаны были приписать к заводам леса и земли по действовавшим нормативам и отделить их от остальных своих владений. Результатом отводов и сложной истории разделов и продаж и стала территориальная раздробленность этих горнозаводских хозяйств[35].

---

[33] Неклюдов Е. Г. Региональное горное управление в России: институциональная динамика XIX — начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2022. Т. 2021. С. 89–129.

[34] Округленные данные по землевладению частных заводов приводятся на 1840–1841 гг. (ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1691; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1839), по казенным заводам — за 1865 г. (Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 1. Прил. I и II к журн. № 59).

[35] Мезенина Т. Г. Пермские владения Строгановых в XVIII — первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Н. Тагил, 2011. С. 26–70.

Таким образом, одним из важнейших аспектов развития горнозаводских округов на Урале являлось обособление их территории и определение границ. В XVIII в. этот процесс происходил в основном путем отвода обширных казенных земель к заводам и аренды или покупки у местных владельцев и был еще недостаточно надежным. Установление общих правил отвода происходило по мере накопления практического опыта и заняло довольно продолжительное время, что затрудняло развитие промышленности и вызывало многочисленные споры и конфликты. Кодификация горного законодательства в начале XIX в. подтолкнула скоординированную работу регионального ведомственного учреждения, губернских органов и самих горнозаводчиков по межеванию территории округов и их картографированию на передовых для того времени научных принципах. Эта деятельность стала важнейшей составной частью реформирования организационных основ горнозаводской промышленности, растянувшейся до середины XIX в. В результате ее проведения были определены границы казенных и частных горнозаводских округов и очерчена территория обширного региона, получившего в историографии название Горнозаводской Урал.

References

Adamov V. V. [On the “Original Order” and Some Features of the Development of the Mining Industry of the Urals]. *Voprosy istorii kapitalisticheskoy Rossii. Problema mnogoukladnosti* [Questions of the History of Capitalist Russia. The Problem of Multi-Structure]. Sverdlovsk: S. n., 1972, pp. 225–256. (In Russian).

Bochkareva E. S. *Formirovaniye Zlatoustovskogo gornozavodskogo okruga v period vladeniya roda Lugininykh (1769–1799 gg.): kand. dis.* [Formation of the Zlatoust Mining District during the Ownership of the Luginin Family (1769–1799): Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2017, 227 p. (In Russian).

Guskova T. K. [On New Approaches to the Study of the Ural Mining Industry]. *Ural v proshlom i nastoyashchem* [The Urals in the Past and Present]. Ekaterinburg: NISO UrO RAN Publ.; Bank kul’turnoy informatsii Publ., 1998, part 1, pp. 231–234. (In Russian).

Kafengauz B. B. *Istoriya khozyaystva Demidovykh v XVIII–XIX vv.* [History of the Demidov Economy in the 18th–19th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1949, vol. 1, 524 p. (In Russian).

Mezenina T. G. *Permskiye vladeniya Stroganovykh v XVIII — pervoy polovine XIX v.: osobennosti prostranstvennoy i sotsial’no-ekonomicheskoy organizatsii* [Perm Possessions of the Stroganovs in the 18th — First Half Of the 19th Century: Features of Spatial and Socio-Economic Organization]. Nizhny Tagil: NTGSPA Publ., 2011, 226 p. (In Russian).

Mukomolov A. F. *Na yuzhnoural’skikh zavodakh* [At the South Ural Plants]. Moscow: Territoriya Publ., 2001, book 1, 352 p. (In Russian).

Neklyudov E. G. [Mining Districts of the Urals: Establishment and Structure in the 18th — Early 20th Century]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2015, no. 2 (139), pp. 119–133. EDN: TZWMXN (In Russian).

Neklyudov E. G. [Regional Mining Administration in Russia Institutional Dynamics of the 19th — Early 20th Centuries]. *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic History: A Yearbook], 2022, vol. 2021, pp. 89–129. EDN: XMRKLC (In Russian).

Pavlenko N. I. *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII v. Zavody i zavodovladel’tsy* [History of Metallurgy in Russia in the 18th Century. Factories and Factory Owners]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1962, 566 p. (In Russian).

Smirnov G. S. [Features of the General Land Surveying of the Eastern Provinces of European Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, no. 35 (136), pp. 24–30. EDN: KKNMQX (In Russian).

УДК 94(47)"1867" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-16-31

Беляев Андрей Геннадиевич
научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Югыд ва» (Россия, Вуктыл)
ORCID: 0000-0003-1678-7429
E-mail: andrey.optic@gmail.com

Деятельность экспедиции Печорской Комиссии 1867 г. по поиску пути соединения бассейнов Печоры и Оби. Восстановление ее маршрута

АННОТАЦИЯ. В XIX в. в России растет понимание необходимости развития транспортных коммуникаций страны, создания новых путей сообщения между центральными губерниями и Сибирью с целью упрочения экономических связей в стране. Ряд проектов направлен на строительство дорог, идущих через всю страну, которые в дальнейшем послужат основой для Транссиба. Другие, хотя и направлены также на развитие связей Европейской России с Сибирью, имеют более локальный пространственный характер, организуя транспортные коммуникации между Обским и Печорским речными бассейнами. Среди второй группы проектов присутствуют как разработанные по инициативе правительственных структур, так и представленные частными лицами. Подавляющее большинство этих проектов не были реализованы, но каждый из них внес свою лепту в дело познания малоисследованных территорий. О некоторых из этих планов достаточно хорошо известно, другие были незаслуженно забыты вместе с их авторами. В статье предпринята попытка рассказать об одном из таких проектов — экспедиции Комиссии по исследованию Печорского края 1867 г., организованной по указанию архангельского губернатора князя Гагарина. Среди целей этой экспедиции, помимо изучения экономических условий на восточной окраине Архангельской губернии, демографической ситуации в ней, возможности развития здесь промышленности, одной из основных значилось изучение возможности соединения дорогой конечных судоходных пунктов Обского и Печорского бассейнов. Работе экспедиции в части, касающейся изыскания вариантов создания такой дороги, и посвящена предлагаемая статья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, Сибирь, Печора, Обь, Печорский край, Дорога, Комиссия, 1867 г.

Для цитирования: Беляев А. Г. Деятельность экспедиции Печорской Комиссии 1867 г. по поиску пути соединения бассейнов Печоры и Оби. Восстановление ее маршрута // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 1. С. 16–31. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-16-31.

Поступила в редакцию 14.07.2025
Принята к публикации 19.09.2025

© Беляев А. Г., 2026

UDC 94(47)"1867" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-16-31

Andrey G. Belyaev
«Yugid va» National Park (Russia, Vuktyl)
ORCID: 0000-0003-1678-7429
E-mail: andrey.optic@gmail.com

The 1867 Pechora Commission Expedition to Find a Way to Connect the Pechora and Ob Basins: Restoring Its Route

ABSTRACT. In 19th century Russia, there was a growing understanding of the need to develop the country's transport communications, to create new communication routes between the Central provinces and Siberia, with the aim of strengthening economic ties in the country. Some projects are aimed at building roads running across the country, which will later serve as the basis for the Trans-Siberian Railway. Others, although they are also aimed at developing ties between European Russia and Siberia, have a more local spatial character, organizing transport communications between the Ob and Pechora river basins. Among the second group of projects, there are both those developed on the initiative of government agencies and those presented by private individuals. The vast majority of these projects have not been implemented, but each of them has contributed to the exploration of unexplored territories. Some of these projects are well known, while others have been undeservedly forgotten along with their authors. Among these projects there was the 1867 expedition of the Commission for the Exploration of the Pechora Region, organized at the direction of Prince Gagarin, Governor of Arkhangelsk. In addition to studying the economic conditions on the eastern edge of the Arkhangelsk province, its demographic situation, and the potential for industrial development there, the expedition aimed at exploring the possibility of connecting the Ob and Pechora river basins by water. The expedition's activities on exploring options for creating a road between the basins of these rivers, is the subject of this article.

KEYWORDS: Urals, Siberia, Pechora, Ob, Pechora region, Road, Commission, 1867

For citation: Belyaev A. G. [The 1867 Pechora Commission Expedition to Find a Way to Connect the Pechora and Ob Basins: Restoring Its Route]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 1, pp. 16–31. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-16-31 (In Russian).

Received 14 July 2025
Accepted 19 September 2025

© 2026 The Author

Введение

Исторически население на территории России было распределено крайне неравномерно: относительно плотно были заселены центральные губернии Европейской России, но азиатская часть, в частности Сибирь, была практически безлюдна. С начала XIX в. правительство предпринимает ряд мер для привлечения населения в Сибирь[1], а после отмены крепостного права за короткий срок туда переселились миллионы крестьян.

Рост населения влек за собой рост производительных сил Сибири. Развивалось сельское хозяйство, посевные площади, по сравнению с концом XVIII в., выросли в два раза[2]. Но при этом, не имея «обеспеченного внешнего сбыта своим произведениям, Сибирь находится в тяжких условиях»[3]. Существовавший Сибирский тракт все меньше мог удовлетворять транспортные потребности российской экономики. Поиск новых транспортных коммуникаций, которые помогли бы преодолеть изолированность Сибири, становился все более актуальным.

Опять же, рост экономики России в целом стал порождать спрос на качественно иную транспортную инфраструктуру. До середины XIX в. основными видами транспорта в России являлись водный и гужевой, однако они перестали обеспечивать насущные потребности растущего промышленного производства и торговли. Развитие парового судоходства и начавшееся строительство железных дорог ознаменовали собой транспортную революцию. В частности, со второй половины XIX в. строительство железных дорог становится приоритетным направлением российской национальной политики[4], например, растет количество проектов железных дорог из европейской части страны за Урал.

В XIX в. неоднократно разрабатывались проекты дорог, связывающих центральные губернии Европейской России с Сибирью. Причем большинство проектов исходило из необходимости связать центральные губернии Европейской России с югом Сибири, уже более-менее освоенной ее частью. Переходы из европейской в азиатскую часть империи искали на Среднем Урале, наиболее низкой части Уральского хребта, где проходили Бабиновская дорога и Сибирский тракт.

Так, в 1861 г. горный инженер В. К. Рашет предлагал построить железную дорогу от Перми до Тюмени. В 1869 г. полковник Министерства внутренних дел Е. В. Богданович разработал детальный план строительства железной дороги Казань — Екатеринбург — Тюмень. В эти же годы пермский промышленник И. И. Любимов профинансировал изыскания по трассе железной дороги Пермь — Екатеринбург. Работы были выполнены инженером В. П. Соболевским и профессором Н. А. Головкинским[5]. Ни один из этих проектов не был реализован непосредственно, однако все они дали определенные знания и опыт, которые были использованы в конце века при проектировании и строительстве Транссиба.

Упомянутые проекты подходили к решению проблемы транспортного сообщения в Российской империи в целом, но существовали и региональные проблемы, которые и решать пытались не так масштабно. Одним из основных сибирских товаров в XIX в. являлся хлеб, и его здесь «производится до того много, что во многих удаленных местностях сеют его только для своего продовольствия — по неимению на него ни какого сбыта»[6]. Более того, в Сибири «сельское население систематически истребляло хлеб… до двух миллионов пудов зерна стравили свиньям»[7]. В то же время за Уралом, на севере Архангельской губернии и в Припечорском крае, хлеб не родился и, следственно, был дорог. Возможность доставить хлеб в Припечорье, а также дать новый торговый путь для фабричных товаров из Европейской России за Урал[8] предполагалось найти при организации транспортного сообщения между Северо-Западной Сибирью и Европейским Севером, между Обским и Печорским бассейнами. Например, Л. А. Прушакевич, глава архангельской конторы Государствен-

[1] Волчек В. А. Правительственная политика по заселению Сибири в середине XIX века // Вестник КемГУ. 2012. № 3 (51). С. 44.
[2] Алафьев М. К. Экономическое развитие Сибири в административно-правовой политике коронной власти в первой половине XIX века // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 10.
[3] Богданович Е. В. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. [СПб.],1868. С. 15.
[4] Чжан Гуансян. Транспорт и экономическое развитие России в XIX — начале XX века / Чжан Гуансян; пер. с кит., науч. ред. А. М. Курышов // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17, № 4. С. 653.
[5] Смышляев Д. Д. Записка к проекту Пермско-Уральской железной дороги И. И. Любимова. СПб., 1870. С. 3.
[6] Колмогоров Г. В. О морской торговле Сибири прямо с Западною Европой. СПб., 1857. С. 19.
[7] Богданович Е. В. Указ. соч. С. 16.
[8] Смоленский М. А. О предполагаемом сообщении между реками Печорою и Обью // Тобольские Губернские Ведомости, 1857. 2 нояб. (№ 28). С. 270.

ного Коммерческого Банка, писал в 1865 г.: «Одно обстоятельство могло бы устранить совершенный упадок здесь торговли и даже усилить ее значительно — это сближение Архангельска, посредством железных дорог, с присибирским краем и соединение Печоры с Обью».[9]

На протяжении XIX в. был предложен ряд проектов дороги через северную часть Уральского хребта. В 1806–1808 гг. состоялась экспедиция Департамента водяных сообщений, возглавляемая подполковником И. Д. Поповым, результатом которой явился подробный проект водного соединения бассейнов Оби и Печоры[10]. В 1843 г. западную часть маршрута Попова повторил В. Н. Латкин, золотопромышленник, автор книг по географии и статистике, о чем подробно написал в своих дневниках, вновь предложив этот маршрут трансуральского перехода[11]. В 1853 г. ижемские крестьяне Акакий и Иосиф Артеевы предложили свой вариант водного пути между Обью и Печорой[12]. Опираясь на исследования Попова и Артеевых, в 1876 г. проект водного маршрута между этими реками составил П. И. Крузенштерн[13].

Существовал ряд сухопутных проектов северного трансуральского пути. Так, в изданной в 1857 г. книге Г. В. Колмогорова «О морской торговле Сибири прямо с Западною Европою» есть краткая сноска: «В недавние времена, кажется, один Усть-Сысольский почетный гражданин добивался, своим капиталом, построить железную дорогу между Сосвой и Щугуром, т. е. чрез Уральские Горы»[14]. Кто был автор этого проекта, неизвестно. В 1864 г. золотопромышленник М. К. Сидоров предложил свой сухопутный маршрут: «Устроить шоссейные, а впоследствии, где укажет надобность, и железные дороги… чрез Уральский хребет от р. Оби к Печоре… от устья р. Лемвы, впадающей в Усу, чрез вершину (реки) Войкара к ее устью»[15] на Оби. В 1866 г. он же предлагает второй, Березовский вариант трансуральской дороги: «Направление дороги обозначено от р. Маньи, в округе Березовском, где она впадает в р. Сосву, прямо чрез хребет к р. Печоре, в д. Концеборской»[16]. Тогда же аналогичный маршрут предлагают и упомянутые выше Артеевы. В том же 1866 г. Архангельским губернатором С. П. Гагариным принимается решение о создании комиссии для исследования Запечорского края, и в том числе для изыскания пути соединения Печоры с Обью[17]. В следующем году сотрудниками этой комиссии были проведены изыскательские работы по данному маршруту. В 80-х годах два варианта пути через Северный Урал предложил золотопромышленник А. М. Сибиряков и получил разрешение на их реализацию: 13 июня 1886 г. ему было высочайше разрешено строительство Ляпин-Печорской, а 7 апреля 1889 г. — Илыч-Сосьвинской дороги[18]. Ляпин-Печорская дорога, идущая от Саранпауля на р. Ляпин до Усть-Щугора на Печоре, ставшая известной как Сибиряковский тракт, фактически начала действовать в 1885 г.

Помимо проектов создания трансуральских путей сообщения на Северном и Приполярном Урале, предлагались варианты организации прокладки железных дорог и на Крайнем Севере, через Полярный Урал. Так, в 1887 г. было дано «разрешение на постройку и эксплуатацию Обской железной дороги, соединяющей Обь с берегом Ледовитого океана, лежащего западнее Карского моря»[19], промышленнику А. Д. Голохвастову. Впервые этот проект он опубликовал в 1879 году[20]. В 1899 г. проект по схожему маршруту представил в Министерство путей сообщения инженер

---

[9] Прушакевич Л. А. Краткий обзор деятельности Архангельской Конторы Государственного Коммерческого Банка за все время существования ее с 1 января 1820 по 1 июля 1860 года // Труды Архангельского Статистического Комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Кн. 2. С. 10.

[10] Беляев А. Г. Иван Дмитриевич Попов и его экспедиция 1806–1808 гг. по изысканию пути соединения Оби с Печорой // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3, № 1. С. 36–45.

[11] Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах. СПб., 1853. С. 140, 142.

[12] Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. С. 72.

[13] Крузенштерн П. И. Путешествия П. И. Крузенштерна к Северному Уралу в 1874–76 годах. СПб., 1879. С. 5–32.

[14] Колмогоров Г. В. О морской торговле Сибири прямо с Западною Европой. СПб., 1857. С. 44.

[15] Сидоров М. К. Проект купца Сидорова «Заселение Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири». Тобольск, 1864. С. 1.

[16] Беседы о Севере России в 3 отделении Императорского Вольного Экономического Общества. СПб., 1867. С. 447.

[17] Отчет о деятельности Архангельского губернского Статистического Комитета за 1866 год. Архангельск, 1867. С. 57–59.

[18] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. С. 121.

[19] Там же. С. 273

[20] Голохвастов А. Д. Проект соединения р. Оби железной дорогою с Хайпудырскою губою Северного океана. СПб., 1879.

П. Э. Гетте. Предложенная им линия начиналась на Оби около устья речки Собь, а заканчивалась на Ледовитом океане, в районе полуострова Медынский заворот[21]. В 1900 г. экспедиция под его руководством провела полевые изыскания по предполагаемому маршруту, а в 1901-м им была напечатана брошюра: «Полярно-Уральская железная дорога и Северный сибирский торговый путь»[22].

Из всех упомянутых проектов был реализован только один, составленный А. М. Сибиряковым, — его Ляпин-Печорская дорога (Сибиряковский тракт) активно использовалась до 1898 г. С постройкой железной дороги из Западной Сибири через Урал в Европейскую Россию сибирский хлеб подорожал, и тракт потерял свою значимость.

Причины, по которым не были реализованы другие проекты, были различны, но в основном это отсутствие правительственной поддержки. Прежде всего, центральная власть, в лице Министерства Путей Сообщения, своей основной задачей считала строительство железных дорог в Европейской России и устройство шоссе подъездного значения к ним[23]. Начавшееся массовое железнодорожное строительство, в силу неурегулированности на первых этапах, приносило казне убытки: «...железные дороги, конкурируя между собою, страшно понижали тарифы, а так как сами железные дороги были гарантированы казною… то… казна приплачивала по гарантии более 40 000 000 рублей в год»[24]. Проектам дорог на северной окраине империи трудно было рассчитывать на поддержку государства.

Из упомянутых проектов по организации торговых путей между Европейским Севером России и Северо-Западной Сибирью наиболее широко известны маршруты, предлагавшиеся М. К. Сидоровым и А. М. Сибиряковым. Прежде всего, благодаря широкой известности самих личностей, а также благодаря их собственным книгам и статьям. Многократно писал о своем проекте А. Д. Голохвастов. Были опубликованы материалы о своих предложениях по организации трансуральских дорог В. Н. Латкиным, П. И. Крузенштерном, П. Э. Гетте. Об экспедиции и проекте И. Д. Попова знали и упоминали кратко современники, но затем он практически был забыт. Подробное описание маршрута Акакия и Иосифа Артеевых приводит А. А. Жилинский[25]. Практически нет никакой информации об экспедиции, организованной Печорской комиссией в 1867 г.

Целью данного исследования является изучение деятельности Печорской Комиссии 1867 г. по проектированию трансуральской дороги между Обским и Печорским водными бассейнами. При этом необходим анализ причин отклонения других существовавших в этот период проектов дорог через Урал, требуется показать отношение центральной власти к работе экспедиции, восстановить как маршрут, пройденный экспедицией с нивелировкой и инструментальной съемкой, так и той части, где предстоящая дорога была только намечена.

Основным инструментом при выполнении данной работы был библиографический поиск. Основным источником являлся «Отчет комиссии по исследованию Печорского края». Помимо упомянутого отчета, исследовались и другие источники XIX в. Это позволило понять обстановку, сложившуюся между группами, продвигавшими различные проекты трансуральских дорог, отношение к этим группам центральной власти, уточнить информацию по климатическим условиям в данный период и ряд других моментов.

При восстановлении маршрута, пройденного экспедицией, использовался картографический метод и ландшафтный анализ, что позволило при сопоставлении данных экспедиции, сведений с топографических карт и геоинформационной программы «Google Earth Pro» построить трек проектируемой дороги.

Комиссия по исследованию Печорского края

Созданная архангельским статистическим комитетом «Комиссия по исследованию Печорского края» (далее — Печорская Комиссия) являлась комплексной, изыскание направлений для

[21] Дунин-Горкавич А. А. Указ. соч. С. 273.
[22] Северный Сибирский торговый путь и Полярно-Уральская железная дорога. Часть 1 // Мир транспорта. 2023. Т. 21, № 2 (105). С. 135–136.
[23] Лихорадова И. Н., Бочарова И. М., Шевченко В. М. Развитие дорожного строительства в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (291). С. 136.
[24] Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л., 1923. Т. 3. С. 165, 166.
[25] Жилинский А. А. Указ. соч. С. 72.

соединения бассейнов Печоры и Оби являлось лишь одним из направлений ее деятельности. Остальные ее задачи (описание Припечорского края, этнографические исследования, изучение экономического быта населения) остались за пределами данного исследования.

Рассказывая о деятельности Печорской Комиссии по «изысканию направлений для соединения бассейнов Печоры и Оби», нельзя не упомянуть о М. К. Сидорове.

Михаил Константинович в те годы был тесно связан с Архангельской губернией, в частности, он с 1866 г. являлся почетным членом архангельского губернского статистического комитета[26],[27], как раз создавшего в 1867 г. Печорскую Комиссию.

Первый вариант трансуральского пути от устья Войкара до р. Усы, предложенный в 1864 г. Сидоровым, получил одобрение архангельского губернатора Н. М. Гартинга. Однако проект был отклонен по требованию управляющего палатой государственных имуществ Л. И. Любовидского. Причиной явилось одно из экономических условий Сидорова: «...отмежевать по обеим сторонам этой дороги по 5 верст земли, с лугами, лесами и со всеми угодьями, какие на этих местах находятся»[28]. По мнению Любовидского, это означало, что у местных оленеводов отнимается десятиверстная полоса на всем протяжении дороги, а он в этих местах «не согласен уступить и пятисаженной полосы, так как на ней растет мох, необходимый для питания оленей»[29].

В 1866 г. Сидоров предлагает второй, Березовский вариант трансуральской дороги. Однако к этому моменту губернатором в Архангельске становится князь С. П. Гагарин, отношения с которым у Сидорова, видимо, сразу же не сложились. По крайней мере, уже в Отчете Архангельского Статистического комитета за 1866 г. (который возглавляет губернатор) идет критика книги Михаила Константиновича «Север России», хотя автора благодарят за привлечение внимания к Северу, но одновременно упрекают его за недостоверность приводимых им сведений. В Отчете сообщается о принятом новым губернатором решении о создании комиссии для исследования Запечорского края, изучении возможности общения с Сибирью через Печорский порт, изыскании пути соединения Печоры с Обью[30]. Подчеркивается, что серьезное внимание губернатор обратил на «труды Акакия и Осипа Артеевых по изысканию пути, по которому могло бы устроиться скорое и удобное сообщение Оби с Печорой»[31]. При этом ничего не говорится о проектах Сидорова.

Точная причина конфликта с губернатором неизвестна, но, возможно, она кроется в весьма непростом характере Сидорова, который легко наживал врагов в лице как других предпринимателей, так и высокопоставленных чиновников. Об этом говорится в характеристике, данной ему жандармским управлением: «…замечателен по многостороннему уму, предприимчивости, деятельности, неистощимой изобретательности, благотворительный до расточительности, истощающий все свои средства для разведки и открытия новых отраслей отечественной промышленности в видах не столько собственной, как общественной пользы. Мог сделаться человеком замечательным, даже историческим в государстве, если бы все эти достоинства не были парализованы отчасти его страстью к спорам, тяжбам и процессам, причем он не останавливается ни перед какими средствами для поражения и даже оскорбления противников, что и сделало ему многих непримиримыми врагами, в том числе и начальника губернии»[32].

У Печорской Комиссии были разноплановые задачи, которые решались одновременно и в разных местах. Собственно проверкой пути между Печорой и Обью, указанного Артеевыми (Сидоровым), не считая нанятых рабочих, занималось два человека — губернский архитектор Дмитрий Васильевич Васильев и Пинежский уездный землемер Алексей Петрович Сонин[33].

---

[26] Губернский адрес-календарь лиц, служащих в Архангельской губернии на 1866 г. Архангельск, 1866. С. 20.

[27] Справочная книжка Архангельской губернии 1868. Архангельск, 1868. С. 295.

[28] Сидоров М. К. Проект купца Сидорова «Заселение Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири». Тобольск, 1864. С. 5.

[29] Жилинский А. А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М. К. Сидорова). Архангельск, 1918. С. 84.

[30] Отчет о деятельности Архангельского губернского Статистического Комитета за 1866 год. Архангельск, 1867. С. 57–59.

[31] Там же. С. 120.

[32] Комлева Е. В. Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов российского государственного исторического архива // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 49.

[33] Губернский адрес-календарь лиц, служащих в Архангельской губернии, на 1866 г. Архангельск, 1866. С. 4, 9.

Несмотря на то, что Печорская Комиссия была организована высшей региональной властью, особой поддержки она не получила. Так, на заседании Совета ИРГО, состоявшемся 30 мая 1867 г., просьба Гагарина «оказать денежную поддержку Печорской Комиссии, в размере до 1000 рублей» была вежливо отклонена: «...выразить князю Гагарину сожаление Общества, что оно, вполне сочувствуя снаряжению экспедиции в Печорский край, которая может дать неоспариваемые результаты как в географическом, так и экономическом отношениях… не может отделить из своих сумму потребных на поддержку экспедиции 1000 рублей»[34]. ИРГО отказало даже в просьбе «о содействии в снаряжении Печорской экспедиции астрономическими инструментами и предоставлении сочинения под названием “Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой”»[35].

Экспедицией было изучено два маршрута между Печорским и Обским бассейнами. Южный, Березовский, маршрут был исследован подробно, по северному, Войкарскому, был проведен предварительный осмотр. По итогам проведенной экспедиции была издана книга «Отчет Комиссии по исследованию Печорского края»[36]. Благодаря этой книге маршрут экспедиции по Березовскому пути, его первую часть, можно достаточно точно восстановить (*см. цв. вклейку, рис. 1*), т. к. Васильевым и Сониным были «произведены инструментальная съемка и нивелировка, по пройденному пространству сделана просека и на каждом повороте поставлены столбы, с обозначением числа градусов румбических углов и мер линий»[37]. Были составлены планы и профили изученной местности. Маршрут прокладывался исходя из требований плавности поворотов, минимизации и пологости подъемов и спусков, по возможности обходились болота. По встречающимся водным преградам были определены мосты с указанием необходимого количества пролетов, даны параметры необходимых насыпей[38]. То есть, по сути, задача решалась с инженерных позиций. Этим работа Печорской Комиссии выгодно отличалась от работ, проведенных по заданию Сидорова.

Полностью заявленный маршрут в 1867 г. пройти не удалось. Подробная съемка была осуществлена только на участке от д. Конецбор до точки выхода экспедиции к реке Вой-Вож-Паток (ныне верховья Большого Патока, см. далее — «Разночтения в топонимике», Приложение 1). Здесь работы были прекращены из-за отказа нанятых рабочих от дальнейшей прокладки линии, и Васильев и Сонин с рабочими сплавились по Патоку и Щугору до деревни Усть-Щугор и затем вниз по Печоре до впадения в нее Усы.

Далее, в соответствии с намеченными планами, Васильев и Сонин провели предварительный осмотр второго варианта пути через Урал. Поднявшись по Усе и Лемве до Юнь-яги, откуда, собственно, предполагалось строительство дороги, экспедиция продолжила путь на оленях. Преодолев «не представляющий по пологости своей затруднений перевал»[39] через Уральский хребет, Васильев и Сонин по восточному склону спустились до Оби неподалеку от села Мужи. Расстояние от устья Юнь-яги до Оби, на котором предполагалось строительство возможной дороги, было оценено в 157 верст. Подробной съемки маршрута здесь не производилось, велось только описание местности.

Из села Мужи Васильев и Сонин через Березов перебрались в Ляпин, для осмотра оставшегося участка Березовского маршрута. Отсюда, вновь вместе с проводником Леонтием Артеевым, они отправились к Вой-Вож-Патоку, к точке, где была прекращена прокладка первой части маршрута. Этот участок пути был приблизительно намечен Васильевым и Сониным, без подробной съемки.

По окончании экспедиции Комиссия пришла к выводу о предпочтительности Березовского варианта прокладки дороги от Оби к Печоре. Основным его преимуществом являлся более короткий путь, от точки разделения маршрутов для грузов, сплавлявшихся с юга Сибири по Оби[40].

---

[34] Журнал заседания Совета ИРГО — 30 мая 1867 года // Известия ИРГО 1867. СПб., 1868. Т. 3. С. 120.

[35] Шунина О. А. Роль губернского статистического комитета в изучении географии Архангельской губернии в первой половине XIX века // Вестник Поморского университета. Серия: Естественные науки. 2009. № 2. С. 66.

[36] В книге «Отчет Комиссии по исследованию Печорского края» отсутствует нумерация страниц. В связи с этим в данной работе за страницу № 1 принята первая страница после форзаца, содержащая название книги, место и год издания. Далее идет последовательная нумерация страниц без пропусков.

[37] Отчет о деятельности Архангельского губернского Статистического Комитета за 1867 и 1868 годы. Архангельск, 1869. С. 110.

[38] Отчет Комиссии по исследованию Печорского края. Архангельск, 1867. С. 174, 175.

[39] Там же. С. 179.

[40] Там же. С. 180.

Всего экспедицией Печорской Комиссией по Березовскому маршруту было «снято на план и пронивелировано 71 верстное протяжение»[41], остальная часть дороги была намечена только примерно. В следующем, 1868 г., работы продолжены не были, проект остался незавершенным.

Восстановление пройденного маршрута на участке Конецбор — Вой-Вож-Паток

Для восстановления маршрута, пройденного экспедицией Печорской Комиссии, использовались книга «Отчет Комиссии по исследованию Печорского края» (далее — ОК) и геоинформационная программа «Google Earth Pro» (далее — GEP). Текст ОК содержит информацию о направлении движения, пройденном расстоянии, сведения о ландшафте. По этим данным программа GEP позволяет определять контрольные точки маршрута, строить треки, отслеживать, видеть профиль местности по направлению движения экспедиции. В большинстве случаев для этого необходимо было точно следовать тексту, однако из-за большого количества опечаток[42] в некоторых случаях приходилось привлекать дополнительную информацию, такую как требования к отсутствию резких поворотов, к плавности подъемов и спусков, обход болот, иногда при переправах — указание на разность высот берегов.

Васильев и Сонин в ОК отмечают «холодную и позднюю весну… разлитие рек, от постоянных, почти ежедневных дождей»[43]. Вероятно, с этим связано то, что ширины рек, указанные ими в ОК: Аранец (ныне Большой Аранец) в районе переправы шириной 33 сажени (70 м), Верхняя (Вертный) в районе переправы шириной 45 саженей (96 м), Седъю в районе переправы шириной 34 сажени (73 м)[44] — существенно больше, чем приведенные на современных картах (Большой Аранец — 40 м, Вертный — 25 м, Седъю — 60 м). Возможно, гидрологический режим данной местности в середине XIX в. существенно отличался от современного.

Выход на маршрут состоялся 1 августа 1867 г. Проводником был выбран оленевод Леонтий Артеев, который всю жизнь кочевал по этой местности и был проводником у М. К. Сидорова[45]. Первоначально предполагавшаяся начальная точка маршрута в д. Аранец была перенесена на 5 верст ниже по течению Печоры, в деревню Конецбор, где было обнаружено удобное место для стоянки судов[46].

Работы при прокладке маршрута велись следующим образом: сначала определялась магистральная линия вехами, потом шли промеры и описание местности, а затем — нивелировка[47].

Точка 1 (д. Конецбор) — 64°50'40.62" с. ш., 57°43'38.57" в. д.

«В ясную погоду, из деревни Конецборской, по направлению ZO[48] 87°, видна… гора Сабля, от оконечности которой южнее на ½ версты[49]… должен быть перевал чрез пологую гору Пом-Сабля; поэтому общее прямолинейное направление дороги должно идти по этому азимуту, но для обхода болот… необходимо было уклоняться в сторону»[50].

В приведенном в ОК направлении на г. Сабля присутствует ошибка: в румбах нет четверти ZO. Запись должна выглядеть либо как NO 87°, либо как SO 87°. В первом случае измеренный азимут равен 87°, во втором 93° (180°–87°). Фактическое направление от деревни Конецбор на гору Сабля — 97°, или в румбах — SO 83°. Разница между фактическим направлением и направлением, указанным в ОК, составляет комбинацию из величины магнитного склонения для деревни Конецбор на август 1867 г. и величины возможной ошибки измерений. (Магнитное склонение в ОК не упоминается и, видимо, не учитывается.)

---

[41] Там же. С. 4.
[42] Там же. С. 185.
[43] Там же. С. 161.
[44] Там же. С. 165, 169, 172.
[45] Там же. С. 163.
[46] Там же. С. 164.
[47] Там же.
[48] Здесь и далее в Отчете Комиссии при указании направлений всегда приводятся румбы (румбические углы). Румб в геодезии — острый угол, который отсчитывается от ближайшего (северного или южного) меридиана до данного направления. Румб изменяется от 0 до 90° и сопровождается наименованием четверти. В XIX в. использовались следующие наименования четвертей: NO (северо-восток), SO (юго-восток), SW (юго-запад), NW (северо-запад). Обозначения четверти ZO не было.
[49] 1 верста = 1066,8 м (500 саженей), 1 сажень = 2,134 м.
[50] Отчет Комиссии по исследованию Печорского края. Архангельск, 1867. С. 165.

В феврале 1848 г. в деревне Аранец, в 5 км от деревни Конецбор, производил измерения магнитного склонения участник экспедиции Гофмана астроном М. А. Ковальский. Полученная им величина магнитного склонения составила около 12°[51]. Для той же даты, по калькулятору магнитного склонения, результат — 11,44°, для 1 августа 1867 г. составляет 13,4°[52].

С учетом магнитного склонения (13°) в экспедиции 1867 г. при измерении направления на г. Сабля из деревни Конецбор должен был быть получен азимут 84° (в румбах NO 84°). Дополнительные +3° могла дать ошибка измерений.

Точка 2 (переход р. Большой Аранец) — 64°50'23.54" с. ш., 57°49'43.07" в. д.

«От деревни Конецборской… направление магистральной линии идет вверх по правому берегу р. Печоры, уклоняясь от него на восток… на протяжении 4 вер. 450 с., с средним подъемом в 0,003 до спуска на р. Аранец, имеющей в ширину 33 саж... Берега крепко песчаны: правый обрывистый… возвышен… от горизонта воды на 3,08 саж., а левый ниже правого на 1,66 сажени»[53].

Точка 3 (пересечение ручья, вытекающего из болота) — 64°50'14.59" с. ш., 57°53'21.91" в. д.

Точка 3а («отклоняясь более к северу») — 64°50'12.28" с. ш., 57°54'41.18" в. д.

Точка 4 (переход р. Черной) — 64°52'25.37 с. ш., 58°04'28.53" в. д.

«Переправясь чрез р. Аранец, направление линии дороги отклоняется более к северу и идет… до речки Черной, на протяжении 8 верст 161 сажени…

На этом протяжении была пересечена нами в трех местах оленья остяцкая дорога, из-за Камня в деревню Аранец. Дорога эта проходит почти на всем своем протяжении болотами... Поэтому направление вновь предполагаемой дороги избрано по более крепкому грунту и преимущественно лесами.

На этом протяжении встречаются: 2 безымянных ручья шириной 1 сажень… второй из них берет начало из большого глубокого болота с левой стороны линии.

Перейдя речку Черную, шириною 8 сажень, глубиною 12 вер., линия идет по тому же направлению, левым берегом вверх по течению речки»[54].

После переправы через реку Большой Аранец направление прокладываемой дороги из-за болота не может сразу существенно отклониться к северу: некоторое время дорога должна идти практически на восток и лишь после обхода болота поворачивать к северу.

Еще одним фактором, указывающим на обход болота с юга, является упоминание о пересечении ручья, вытекающего «из большого глубокого болота с левой стороны линии». Далее, огибая указанное болото, линия, как сказано в ОК, отклоняется к северу.

На современных картах в междуречье рек Большой Аранец и Вертный реки с названием Черная (или с коми топоосновой *сьӧд* — черный) нет. Достаточно большой водоток шириной 8 сажень (17 м), как сказано про речку Черную в ОК[55], должен быть показан на картах масштаба 1 : 100 000. Единственный подходящий кандидат — безымянный правый приток р. Вертный. Он вытекает из болота Островное, как правило, вода в таких водотоках темная. За такой цвет воды подобные речки часто получают название Черная.

Моделируя участок «р. Аранец — р. Черная» в GEP, получаем длину пути 12 775 м (11 верст 486 саженей), что значительно больше, чем величина, указанная в ОК (8 верст 161 сажень). Вероятно, указанная в ОК протяженность пути относится не ко всему участку р. Аранец — р. Черная, а к той его части, когда прокладываемый путь «отклоняется более к северу». Длина этой части пути при моделировании в GEP составляет 8 813 м (8 верст 125 саженей), что практически совпадает с данными ОК.

Точка 5 (поворот от р. Черной) — 64°52'56.05" с. ш., 58°06'00.72" в. д.

Точка 6 (переход р. Вертной) — 64°52'38.27" с. ш., 58°08'59.94" в. д.

«Перейдя р. Черную… линия идет по тому же направлению, левым берегом вверх по течению речки… От р. Черной дорога идет тем же возвышенным местом… на 2 вер. 191 саж.

---

[51] Ковальский М. А. Северный Урал и береговой хребет Пай-ХойСПб., 1853. Т. 1. Географические наблюдения мест и магнитные наблюдения М. Ковальского. С. 259–263.

[52] Magnetic Field Calculators // NOAA. National centers for environmental information. National Oceanic and Atmospheric Administration. URL: https://www.ngdc.noaa.gov/geomag/calculators/magcalc.shtml (дата обращения: 15.05.2025).

[53] Отчет Комиссии по исследованию Печорского края. Архангельск, 1867. С. 165.

[54] Там же. С. 165–167.

[55] Там же. С. 167.

до самой р. Верхней. Крутой склон правого берега ее в 106,5 саж. длины, по направлению линии тянется подъемом 16,09 саж., т. е. образует уклон в 0,151… по обе стороны линии»[56].

Из текста следует, что после перехода через р. Черную трасса некоторое время идет параллельно руслу реки, избегая раннего поворота в сторону р. Вертный. Конкретная точка переправы через р. Вертный определялась исходя из приведенных в цитате расстояния от р. Черной, перепада высот и среднего уклона.

В результате моделирования участка пути в GEP между точками 5 и 6 получена протяженность пути 2 532 м (2 версты 187 саженей против 2 верст 191 сажени в ОК), высота склона правого берега 35 м (16,4 сажени против 16,09 в ОК).

Точка 7 (поворот на NO 75°) — 64°52'05.36" с. ш., 58°10'55.12" в. д.

Точка 8 (окончание отрезка 945 сажень) — 64°52'07.25" с. ш., 58°13'28.06" в. д.

«Перейдя реку Верхнюю, имеющую здесь 45 сажень ширины, мы прошли… низменную местность… где на 193 саж. нужно было отклониться от первоначального направления на юго-восток (SO 61°)… С этого места начинается подъем в 0,05 на возвышенную местность… пройдя 693 сажени, магистральная линия отклонилась к первоначальному направлению на NO 75°, на 945 сажень»[57].

«Дорога… принимает вновь юго-восточное направление, протяжением в сложности более шести верст… Далее, магистральная линия, длиною 18 верст 287 саженей, имея юго-восточное направление, проходит по местности ровной, с незначительными покатостями к рекам и ручьям, из которых более значительны по ширине: Паш-шор 2 саж., Лун-вож 1 саж., Гордъ-ю (Красная река) 2 с., безымянный ручей — 2 с.; остальные же три безымянные ручья, в том числе и Бадь-ю, шириною менее ½ сажени»[58].

В приведенном фрагменте недостаточно информации для восстановления прокладываемой линии, поэтому первоначально устанавливаются координаты точек 12 и 13, а затем уже точки 9–11.

Из текста ОК следует, что прокладываемая линия должна выйти к перевалу «*чрез пологую гору Пом-Сабля*»[59], а судя по картам, перед перевалом маршрут должен пересечь истоки реки Лунвож-Сыня (в ОК — Сыня) и небольшую гряду.

«*Подъема на южную оконечность горы Сабли обойти нельзя; он начинается от Бадью и имеет протяжение 3 версты 27 саженей, с подъемом против горизонта воды ручья — на 68,33 сажени, т. е. с уклоном 0,04… Отсюда начинается спуск на протяжении 2 верст 102 сажен с падением 0,016, а далее вновь подъем (на пространстве 1-й версты 450 сажень) на 14,14 сажени, т. е. с уклоном 0,015… перешли мы вершину реки Сыньи, вытекающей из небольшого болота тремя ручьями»*[60].

Точка 12 (конец отрезка 2 версты 102 сажени) — 64°43'59.90" с. ш., 58°49'44.01" в. д.

Точка 13 (Аранецкий перевал) — 64°43'38.33" с. ш., 58°52'07.39" в. д.

Точка 12 — это исток р. Лунвож-Сыня (Сыня в ОК), как его определяли Васильев и Сонин. Тогда при моделировании в GEP участка подъема, ориентируясь на приведенные в цитате расстояние и уклон, получили путь в 1 версту 482 сажени (2 096 м) с уклоном 0,016.

Точка 9 (окончание отрезка «более 6 верст») — 64°49'49.02" с. ш., 58°19'45.42" в. д.

На участке протяженностью «более шести верст» маршрут пересекает «два безымянных ручья незначительной ширины». Скорее всего, это два правых притока р. Южный Вертный, впадающие в него на 7 и 12 километрах от его устья. Второй из них на современных картах подписан как ручей Крученый. Окончание данного отрезка пути находится там, где еще один правый приток р. Южный Вертный (Паш-шор в ОК), впадающий в него на 20 км, круто поворачивает на 90° к югу. Моделируя этот участок линии в GEP, получаем путь длиной 6 верст 43 сажени, с уклоном около 1 %.

Точка 10 (окончание отрезка «18 верст 287 сажень») — 64°44'51.82" с. ш., 58°42'40.46" в. д.

Моделируя этот участок линии от ручья Паш-шор до предполагаемого пересечения с Бадью в GEP, получаем путь длиной 21 167 м, или 19 верст 419 саженей.

---

[56] Там же.
[57] Там же. С. 169.
[58] Там же. С. 169, 170.
[59] Там же. С. 165.
[60] Там же. С. 171.

Точка 11 (окончание отрезка 3 версты 207 саженей) — 64°44'13.70" с. ш., 58°47'05.12" в. д.

«Подъема на южную оконечность горы Сабли обойти нельзя; он начинается от Бадью и имеет протяжение 3 версты 27 саженей, с подъемом против горизонта воды ручья — на 68,33 сажени, т. е. с уклоном 0,04»[61].

В приведенных во фрагменте цифрах присутствуют ошибки. При указанных расстоянии и подъеме уклон составил бы 0,045. Как правило, в ОК указывается уклон с точностью до 3-го знака после запятой; если третья цифра отсутствует, то подразумевается, что она «0». То есть в ОК в данном месте указан уклон 0,040. Тогда какая-то из величин — расстояние или подъем — дана с ошибкой. Вероятнее всего, ошибка в приведенном расстоянии: оно должно быть 3 версты 207 саженей (3 643 м), а не 3 версты 27 саженей. В таком случае при подъеме на 68,33 сажени уклон как раз составит 0,040.

Тогда начало подъема фиксируется не от Бадью, а от безымянного ныне ручья, одного из левых притоков Гордъю, в точке 10.

Моделируя этот участок линии в GEP, получаем путь длиной 3 версты 228 саженей (3 687 м), с подъемом на 67,48 сажени (144 м) и уклоном 0,039, что хорошо совпадает с цитируемым фрагментом. По современной карте масштаба 1 : 100 000 подъем на данном участке составляет приблизительно 140 м.

Точка 14 (переход реки Седъю) — 64°41'55.77" с. ш., 58°56'38.73" в. д.

«От вершины реки Сыньи направление идет косогором… имея возвышенности слева, а справа — озера Сабля-Пом и ручей Черный... По переходе на правый берег Черного ручья, направление линии идет по распадкам: сначала Черного ручья, а далее — реки Ичид-Седь-ю (Большой Черной) (так в тексте ОК. — Прим. авт.)*, оставляя ее влево … Поднявшись против горизонта воды Черного ручья на 3,24 саж., местность понижается в долину реки Седь-ю… Река Черная (Седью) шириною 34 саж., глубиной 1 арш… на линии перехода лежат два острова, покрытые густым тальником»*[62].

Здесь в тексте ОК присутствует ошибка (повторяющаяся далее), связанная с плохим знанием коми языка. Большая Черная река на коми будет Ыджыд-Седъ-Ю. Ичет-Седъ-Ю на русский переводится как Малая Черная река. На современных картах это река Седъю.

Точка перехода реки Седъю находится в районе двух относительно больших островов, отмеченных на карте ГГЦ масштаба 1 : 50 000. Согласно условным обозначениям, острова покрыты сплошными кустарниковыми зарослями, как и указано в ОК.

Точка 15 (точка перехода Ичет-Седъю) — 64°41'15.13" с. ш., 58°59'51.30" в. д.

Точка 16 (точка выхода к Вой-Вож-Патоку) — 64°40'22.49" с. ш., 59°05'33.88" в. д.

«За рекою Седь-ю идет сначала возвышенность… пройдя ее на протяжении двух верст, начинается спуск в долину реки Малой Черной (Седь-ю Ижыдъ) (так в тексте ОК. — Прим. авт.)*… Ширина Малой Черной реки — 3 саж… берега маловозвышенные, из коих левый… возвышается подъемом, называемым Черная Парма, длиною с небольшим в три версты, с уклоном 0,012; отсюда местность спускается в долину речки Вой-Вож-Паток, горизонт которой ниже Черной Пармы на 35,65 саж., что составляет, при протяжении 2 верст, уклон в 0,035… Дойдя до р. Вой-Вож-Паток, рабочие решительно отказались более работать… они начали собираться в дорогу»*[63].

Здесь в тексте ОК присутствует ошибка (смотри выше), связанная с незнанием коми языка. Малая Черная река на коми будет Ичет-Седъ-Ю, Ыджыд-Седъ-Ю — это Большая Черная река. На современных картах это река Левый Седъювож. В настоящее время Большая Седъю с карт XIX в. обозначена как Седъю, Малая Седъю с карт XIX в. — это, вероятнее всего, Гэрдъю.

При дальнейшем движении предполагался переход с Вой-Вож-Патока на Лун-Вож-Паток[64]. То есть, огибая Черную Парму, линия движения должна отклоняться к югу, а не в верховья Большого Патока. Тогда точка выхода к Вой-Вож-Патоку (Большому Патоку) должна находиться неподалеку от точки линии уреза воды 173,8 м. По картам масштаба 1 : 100 000 можно примерно определить уровни уреза воды рек Седъю, Ичет Седъю (Левый Седъювож) и Вой-Вож-Паток

[61] Там же.
[62] Там же. С. 171–172.
[63] Там же. С. 172–173.
[64] Там же. С. 181–182.

(Большой Паток) в местах их перехода экспедицией. Они составляют соответственно ~180 м, 164 м и 173,8 м. Близкие цифры дает моделирование этого участка в GEP. В цифрах, приведенных в данном фрагменте ОК, явно присутствуют ошибки. Указанное расстояние пути подъема на Черную Парму (3 версты) близко к полученному при моделировании. Высота подъема на Черную Парму, вычисленная из приведенных расстояния и уклона, составляет 38,4 метра, что совпадает с полученным при моделировании — 39 м. Длина спуска к Вой-Вож-Патоку (2 версты) совпадает с полученным при моделировании. А вот разности высот участка, проходящего по Черной Парме, и горизонта Вой-Вож-Патока (35,65 саж.), и величина уклона этого участка (0,035) — явно ошибочны. Из приведенных в ОК данных, опираясь на высоту точки перехода Ичет Седъю (Левый Седъювож), мы получим для уровня Вой-Вож-Патока в точке выхода к нему: 164 + 38 – 76 = 126 м, что не соответствует действительности. Причины такой ошибки в отчете могут быть различны. Возможно, это те самые опечатки, на которые сетуют авторы ОК. Но к этому могла привести и поспешность на заключительном этапе экспедиции, вызванная ожидаемым скорым уходом рабочих. На это косвенно указывает точность приводимых расстояний: если на предыдущих участках расстояния указывались с точностью до сажени, то здесь не очень большие расстояния приводятся с точностью до версты.

«*Исследованная местность имеет протяжение от д. Конецборской до реки Паток 74 версты 438 саж., и проходит землями д. Конецборской по правому берегу р. Печоры 103 саж.; сенными покосами 363 саж.; лесом с сенными покосами 8 верст 492 сажени; сосновыми борами 4 версты 405 саж.; лесами по суходолу 29 верст 481 саж.; лесами по болоту 11 верст 303 саж.; чистыми болотами по твердому грунту 12 верст 275 саж.; высохшим болотом 148 саж.; горелым лесом 280 саж.; топкими болотами 325 саж.; насыпным камнем 70 саж.; ручьями при переходе их 62 саж.; при переходе рек и речек 121 саж., и при переходе дорогами 10 саж.*»[65]

Указана общая длина пути в 74 версты 438 саженей — это очередная опечатка: если просуммировать приведенные составляющие пути, то получится 70 верст 438 саженей. Во вводной части ОК сообщается, что было «снято на план и пронивелировано 71 верстное протяжение»[66], что практически соответствует расстоянию в 70 верст 438 саженей. При моделировании всей проложенной линии в GEP получаем путь длиной в 75 833 м или 71 версту 35 саженей, что практически совпадает с приведенной в ОК величиной; расхождение составляет 0,3 %.

Восстановление пройденного маршрута на участке Ляпино — Вой-Вож-Паток

«…Мы отправились на оленях в обратный путь с бывшим нашим проводником, крестьянином Леонтием Артеевым для осмотра направления дороги, которая идет сначала по лесистому берегу реки Маньи… до единственных на всем протяжении не глубоких и не топких Маньинских болот, тянущихся на протяжении 10 верст…

Оттуда направление дороги сворачивает в широкую и лесистую долину р. Пульи, а далее — через гору Кошем-нер, в долину р. Сукорьи… Направление дороги должно идти по левому берегу… При переходе вершины этой реки… нужно будет устроить насыпь, высотою 1½ саж., при длине около полуверсты; далее же идет возвышенная лесистая местность с пологим подъемом до самой вершины Седла — перевал через хребет; западный же спуск с него не представляет затруднений, развить линию дороги с надлежащим уклоном… По спуску Седла линия идет правой стороною распадка реки Лун-Вож-Паток… обогнув сопровождающие ее с правой стороны возвышенности, не доходя около трех верст до впадения ее в реку Вой-Вож-Паток, переходит на эту реку к тому месту, где остановлены были работы в настоящем году[67].

Данное описание позволяет определить намеченный Комиссией маршрут от точки выхода к Большому Патоку (Вой-Вож-Паток), далее за Уральский хребет. От места окончания работ в 1867 г. предполагалось спуститься вниз по Большому Патоку примерно на 3 версты и перейти на Патоквож (Лун-Вож-Паток), где у мыска, «образующегося от слияния этих двух рек, находятся

[65] Там же. С. 174.
[66] Там же. С. 4.
[67] Там же. С. 181–182.

очень хорошие сенокосные луга»[68]. Далее подняться к верховьям Патоквож и через невысокий перевал (Седло) перейти в долину р. Щекурьи (Сукоръя). Отсюда же долинами рек Польи и Маньи добраться до Ляпино.

Заключение

Экспедиция, организованная Печорской Комиссией, прошла по одному из древних трансуральских переходов, оставив подробное описание пройденного пути. На то, что Васильеву и Сонину не удалось пройти намеченный маршрут полностью, несомненно, оказали влияние метеорологические аномалии 1867 г. По всей Северной Европе этот год известен поздней весной, коротким и холодным летом и ранней осенью. Вплоть до июня в Хельсинки на реках и озерах был лед, в ряде районов Швеции невозможно было начать сев до середины лета. И в Финляндии, и в Швеции случился последний в исторический период массовый голод, вызванный естественными причинами. В Печорском крае позднюю весну и дождливое лето отмечают в отчете Васильев с Сониным.

Но помимо сложных погодных условий, на достигнутых результатах не могла не сказаться и слабая организация экспедиции. Васильев пишет о задержке, связанной с опозданием на встречу Сонина, об отсутствии в Аранце, несмотря на посланное распоряжение о найме, рабочих и лошадей для перевозки клади и инструментов[69]. В результате экспедиция смогла начать движение лишь 1 августа, что для данной местности, несомненно, поздно, если надеяться провести прокладку всего маршрута с вырубкой просеки и нивелировкой вплоть до восточного склона Уральского хребта (на соседних с линией маршрута горах 21 августа выпал снег[70]). Для сравнения можно сказать, что полевой сезон у П. И. Крузенштерна при исследованиях в 1876 г. в более северной части Припечорья уложился в период с 20 июня по 19 августа. Вероятнее всего, причина таких ошибок крылась в отсутствии экспедиционного опыта у Васильева и Сонина, по крайней мере, о таковом нигде не упоминается.

Несмотря на это, нельзя считать экспедицию неудачной. Предполагаемый маршрут составлял около 160 верст, из которых на 71 версте была произведена подробная съемка. На этом участке была проведена инженерная проработка маршрута, определено количество и типы мостовых переходов, оценен объем земляных работ, сделана предварительная верхняя оценка стоимости мостов и работ за версту. Такие результаты, несомненно, являются успехом.

На оставшейся части Васильевым и Сониным был произведен осмотр по пути из Ляпино в Конецбор. Была намечена линия движения экспедиции на 1868 г., сделана первичная оценка прочности грунтов, отмечены места, где потребуются насыпи, оценена длительность предстоящих исследований при правильной подготовке. В организационном плане были заключены предварительные соглашения с остяками на поставку оленей для передвижения клади и инструментов при предстоящих работах[71]. Такая подготовка должна была помочь при проведении работ в следующем году.

Почти все попытки соединения бассейнов Оби и Печоры в XIX в. через северную часть Уральского хребта водным или сухопутным путем так и не были реализованы. Единственным исключением являлся проект А. М. Сибирякова. Из-за степени своей инженерной проработки, пусть только части линии, результаты, достигнутые экспедицией Печорской Комиссии, выгодно отличаются от остальных нереализованных проектов. При этом эта экспедиция, ее результаты долгое время оставались неизвестными.

Помимо сведений по основной теме, отчет Печорской Комиссии в этой своей части содержит новую топонимическую информацию — в частности, такие топонимы, как Пом-Сабля (самая южная вершина Саблинского хребта) и Черная Парма, ранее нигде не упоминались.

Как и другие упомянутые проекты, экспедиция Печорской Комиссии внесла свой вклад как в попытку решения вопроса коммуникации между Западной Сибирью и Севером Европейской части России, так и в дело исследования Северного и Приполярного Урала.

---

[68] Там же. С. 182.
[69] Там же. С. 163.
[70] Там же. С. 176.
[71] Там же. С. 181.

Приложение 1

Разночтения в топонимике середины XIX в. и современных карт

Appendix 1

Discrepancies in toponymy from the mid-19th century and modern maps

Современные карты	Отчет 1867 г.	Примечания
р. Большой Аранец	р. Аранец	В документах экспедиции Кейзерлинга-Крузенштерна[72], на итоговой карте экспедиции Гофмана, в дневнике Латкина[73] — река *Оранец*; в ВСО Вологодской губернии[74] — река *Большой Оранеч*; у Пушкарева[75] — *Иджид-Аранеч*
р. Вертный	р. Верхняя	р. Вертный на протяжении XIX в. большинство исследователей записывали как р. *Верхняя*[76, 77]. Только в ВСО река записана как *Вертлю*[78]. Река очень извилиста, возможно, исходное название реки было именно ***Вертл-ю*** (*ю* — река на коми), от усвоенного коми русского глагола «вертеть», «вертеться». В коми языке есть слово *вертлян*/*верклян* (*-ан* — словообразовательный суффикс) — вёрткий, вертлявый; *верклясьны* — извиваться[79, 80, 81]
отметка 931 м	г. Пом-Сабля	*Пом* на коми языке означает крайний — ***Крайняя Сабля***
р. б. н.	р. Черная	Правый приток р. Вертный с истоком в болоте Островное
р. Крученый	р. б. н.	Правый приток р. Южный Вертный, впадающий в него на 12-м км от устья
р. б. н.	р. Паш-шор	Правый приток р. Южный Вертный, впадающий в него на 20-м км от устья. ***Паш-шор*** (*пӧш* — место, поросшее хвойным молодняком, на коми). ***Ручей, поросший хвойным молодняком***
р. Южный Вертный	р. Лун-вож	*Лун* — южный; *вож* — приток (коми). ***Южный приток***
р. Левый Гэрдъю	р. Гэрдъю	*Гӧрд* — красный (коми). ***Красная река***. Современная р. Гэрдъю, правый приток Большого Патока, имеющая истоки неподалеку от прокладываемой трассы, на картах вплоть до 20-х гг. XX в. не изображена. Прокладываемая линия пересекает верховья современной реки *Левый Гэрдъю*, которая в ОК именуется *Гэрдъю*
р. Бадьяель	р. Бадь-ю	р. *Бадью* (коми *бадья* — ива), ныне *Бадьяель*. ***Ивовая река***. На картах XIX в. — *Малая Седъ-ю*
р. Лунвож-Сыня	р. Сынья	*Сыня* — сырое место (коми), Лунвож-Сыня — ***Южный приток Сыни***
озера б. н.	озера Сабля-Пом	Группа малых озер на Аранецком перевале, самое большое из них в длину около 250 м, в ширину — 80 м

[72] Krusenstern P., Keyserling A. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-land, im Jahre 1843. St. Petersburg, 1846. S. 430.
[73] Латкин В. Н. Указ. соч. С. 76.
[74] Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1850. Т. 2, ч. 3: Вологодская губерния. С. 99.
[75] Пушкарев И. И. Описание Вологодской губернии. СПб., 1846. С. II, 19.
[76] Латкин В. Н. Указ. соч. С. 76.
[77] Krusenstern P., Keyserling A. Op. cit. S. 376, 430.
[78] Военно-статистическое обозрение Российской Империи. С. 99.
[79] Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукӧр / Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000. С. 88, 89.
[80] Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 53.
[81] Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. С. 17, 18.

р. б. н.	р. Черный	На современных картах безымянный правый приток реки Седъю, стекающий с Аранецкого перевала
р. Седью	р. Седь-ю, р. Ичид-Седь-ю (Большая Черная) *(так в ОК)*	В тексте ОК присутствует ошибка, связанная с плохим знанием коми языка. *Большая Черная река* на коми будет *Ыджыд-Седъ-Ю*. *Ичет-Седъ-Ю* на русский переводится как *Малая Черная река*. На современных картах река *Седью*
р. Левый Седъювож	р. Малая Черная (Седь-ю Ижыд) *(так в ОК)*	Здесь в тексте ОК аналогичная ошибка в языке коми. ***Малая Черная река*** на коми будет *Ичет-Седъ-Ю*. *Ыджыд-Седъ-Ю* — это *Большая Черная река*. На современных картах река *Левый Седъювож*
б. н., высотные отметки 503,1–527,0	Черная Парма	Возвышенность в междуречье Левого Седъювожа и Большого Патока
р. Большой Паток	р. Вой-Вож-Паток	В XIX в. считалось, что Большой Паток образовывается слиянием рек Вой-Вож-Паток и Лун-Вож-Паток — ***Северный Приток Паток*** и *Южный Приток Паток* (коми). Такая традиция изображения Большого Патока сохранялась до 20-х гг. XX в. На современных картах Вой-Вож-Паток — это *Большой Паток*, его верховья
р. Патоквож	р. Лун-Вож-Паток	См. примечание к р. Большой Паток. На современных картах Лун-Вож-Паток — это *Патоквож*, ***Приток Паток*** (коми)
р. Большая Полья, р. Полья	р. Пулья	*Пӧль-Я* — ***Студеная река*** (манси)
г. Косумнер	г. Кошим-нер	*Коссум-Нер* — ***Гора берестяного короба*** (манси)
р. Щекурья	р. Сукорья	*Сукур-Я* — ***[Нерестовая] река щёкура*** (манси). Щёкур (чир) — пресноводная рыба из рода сигов
перевал б. н.	Седло	Перевал между реками Щекурья и Патоквож

References

Alafyev M. K. [Economic Development of Administrative and Juridical Policy of Czarist Autocracy in Siberia in the 1st Half of the XIX Century]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2013, no. 3 (119), pp. 8–10. EDN: RCONOJ (In Russian).

Belyaev A. G. [Ivan Dmitrievich Popov and His 1806–1808 Expedition to Find a Way to Connect the Ob and Pechora]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 1, pp. 36–45. EDN: OIMRNH. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-36-45 (In Russian).

Komleva E. V. [Entrepreneurial and Social Activity of the Krasnoyarsk Merchant Mikhail K. Sidorov in the Reflection of the Materials of the Russian State Historical Archive]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya* [Tomsk State University Journal of History], 2022, no. 75, pp. 45–52. EDN: JFDQZR. DOI: 10.17223/19988613/75/6 (In Russian).

Likhoradova I. N., Bocharova I. M., Shevchenko V. M. [Development of Road Construction in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia Voronezh State Pedagogical University], 2021, no. 2 (291), pp. 136–139. EDN: CJJONX. DOI: 10.47438/2309-7078_2021_2_136 (In Russian).

[Northern Siberian Trade Route and Polar Urals Railway. Part 1]. *Mir transporta* [World of Transport and Transportation], 2023, vol. 21, no. 2 (105), pp. 132–136. EDN: WWIRDF. DOI: 10.30932/1992-3252-2023-21-2-15 (In Russian).

Shunina O. A. [Role of Provincial Statistical Committee in Studying The Arkhangelsk Province Geography In First Half of the XIX Century]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Yestestvennyye nauki* [Vestnik of the Pomor University. Series: Natural Sciences], 2009, no. 2, pp. 64–67. EDN: KPTYLZ (In Russian).

Volchek V. A. [Government Policy on the Issue of Settlement of Siberia in the Middle of the XIXth Century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2012, no. 3 (51), pp. 44–46. EDN: PEVMED (In Russian).

Zhang G. [Transportation and Economic Development of Russia in 19th — Beginning of 20th Century]. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya* [Journal of Economic History & History of Economics], 2016, vol. 17, no. 4, pp. 645–696. EDN: YJVZKP. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(4).645-696 (In Russian).

Zhilinsky A. A. *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatel'nosti M. K. Sidorova)* [Russia in the North (Towards a Description of the Life and Work of M. K. Sidorov)]. Arkhangelsk: Izd. Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M. K. Sidorova Publ., 1918. (In Russian).

Zhilinsky A. A. *Krayniy Sever Evropeyskoy Rossii. Arkhangel'skaya guberniya* [The Far North of European Russia. Arkhangelsk Province]. Petrograd: Tipo-litografiya Severo-Zapadnogo okruga putey soobshcheniya Publ., 1919. (In Russian).

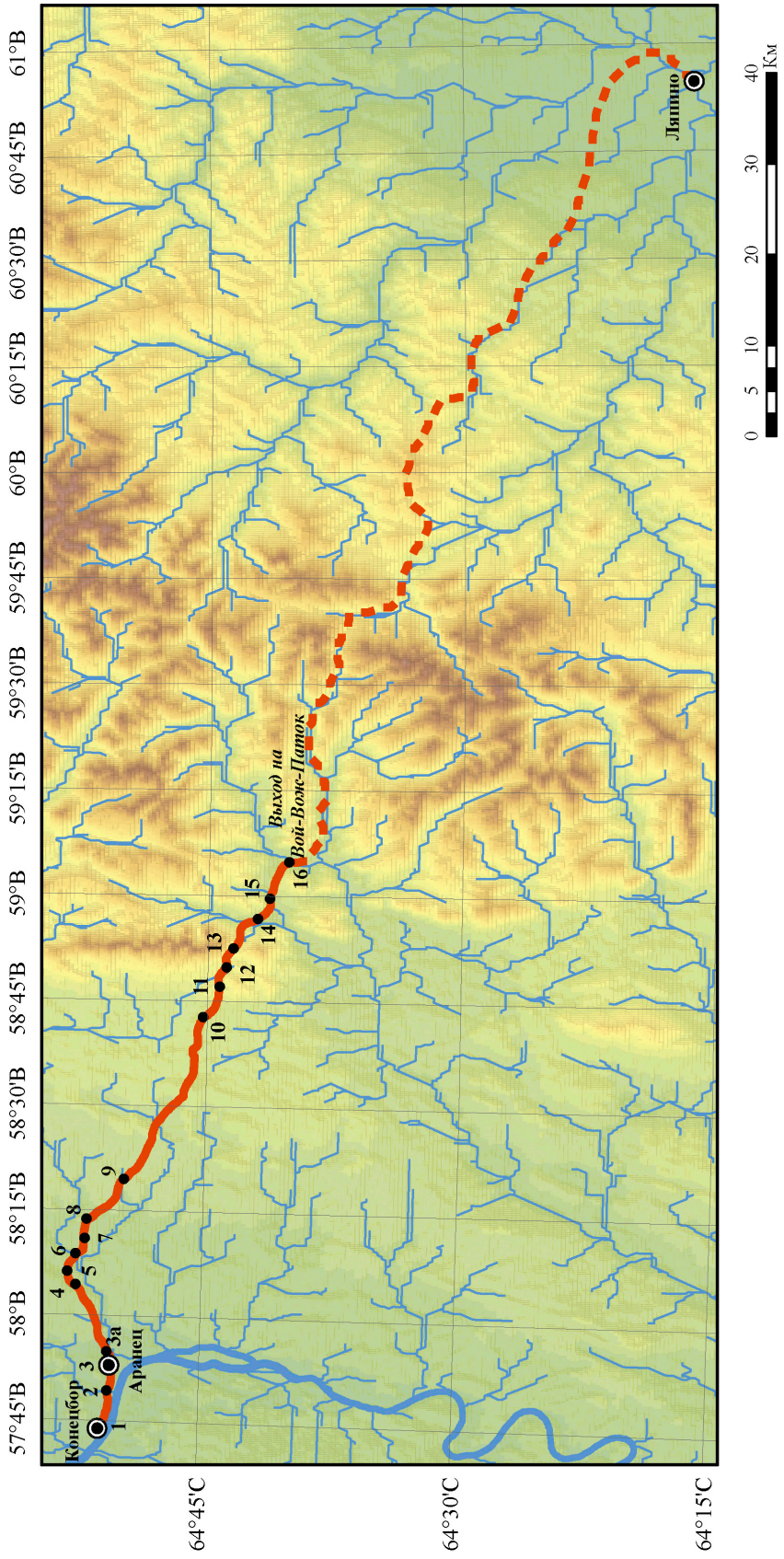

Рис. 1. Маршруты экспедиции Печорской Комиссии в 1867 г.
Fig. 1. Routes of the Pechora Commission expedition in 1867

География Евразии эпохи средневековья

УДК 94(395.6) DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-32-39

Эскендеров Бедирхан Эмирулахович
свободный исследователь (Россия, Каспийск)
ORCID: 0000-0001-7556-8440
E-mail: b.eskenderov@mail.ru

Западные провинции древней Кавказской Албании (II в. до н. э. — VI в. н. э.)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена истории Кавказской Албании, конкретнее — ее северо-западных территорий. Кавказской Албании в науке вообще уделяется мало внимания, в первую очередь из-за скудности дошедших до наших дней исторических материалов. Исследуемые же в статье северо-западные провинции, а именно Эрети, Мовакани и Камбисена-Камбечани, даже на таком скудном фоне выделяются минимумом имеющихся о них сведений. Анализ и исследование имеющихся данных, изложенных в историографии и опубликованных источниках, приводят, помимо уточнения территориальных границ, корректировки некоторых вех политической и социальной истории этих провинций, и к неожиданным выводам. Так, область Камбисена-Камбечани, возможно, на ранних этапах была принадлежащей древней Армении, но поздние авторы указывают ее как провинцию Кавказской Албании. Зато область Эрети, изначально являвшейся частью Албании, в какой-то момент вышла из состава Албанского царства и перешла в подданство соседнего грузинского княжества и перешла на грузинский язык. Но, что интересно, само население Эрети — эры, собственно, и породившие этнотопоним Эрети, — сохранились до наших дней под другим названием — ингилойцы. Потеряв в ходе своей непростой истории и свой язык, и свою исконную культуру, у них в своей среде до сих пор сохранилась своя этническая идентичность и даже свое самоназвание. Но самое интересное — наше исследование выявило, что, возможно, сохранился и их язык. Некоторые письменные артефакты позволяют предположить, что они написаны на считавшемся исчезнувшем языке народа эров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кавказская Албания, Эрети, Мовакани, Камбисена, эры, ингилойцы, Синайские палимпсесты

Для цитирования: Эскендеров Б. Э. Западные провинции древней Кавказской Албании II в. до н. э. — VI в. н. э. // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 1. С. 32–39. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-32-39.

Поступила в редакцию 09.03.2025
Принята к публикации 19.09.2025

© Эскендеров Б. Э., 2026

Geography of Eurasia in the Middle Ages

UDC 94(395.6) DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-32-39

Bedirkhan E. Eskenderov
Independent Researcher (Russia, Kaspiysk)
ORCID: 0000-0001-7556-8440
Email: b.eskenderov@mail.ru

Western Provinces of Ancient Caucasian Albania, 2nd Century BC — 6th Century AD

ABSTRACT. The article is devoted to the history of Caucasian Albania, specifically its northwestern territories. Caucasian Albania has generally received little scholarly attention, primarily due to the paucity of historical materials that have survived to this day. The northwestern provinces studied in the article, namely Hereti, Movakani and Kambisena-Kambechani, even against such a meager background, stand out due to the minimum amount of information available about them. Analyzing available data presented in historiography and published sources leads, in addition to clarification of territorial boundaries, to adjustments of some milestones in the political and social history of these provinces, and to unexpected conclusions. Thus, the region of Kambisena-Kambechani may have belonged to ancient Armenia in the early stages, but later authors indicate it as a province of Caucasian Albania. However, the region of Hereti, which was originally part of Albania, at some point left the Albanian kingdom and became subject to the neighboring Georgian principality and switched to the Georgian language. But what is interesting is that the population of Hereti itself — the Hers that actually gave rise to the ethnotoponym Hereti — has survived to this day under a different name — the Ingiloys. Having lost both their language and their original culture during the course of their difficult history, they have still preserved their ethnic identity and even their own self-designation in their environment. The research revealed that their language may have also been preserved. Some written artifacts suggest that they are written in the once extinct language of the Her people.

KEYWORDS: Caucasian Albania, Hereti, Movakani, Kambisena, Hers, Ingiloys, Sinai palimpsests

For citation: Eskenderov B. E. [Western Provinces of Ancient Caucasian Albania, 2nd Century BC — 6th Century AD]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 1, pp. 32–39. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-32-39 (In Russian).

Received 3 March 2025
Accepted 19 September 2025

© 2026 The Author

Введение

Одним из древнейших государств на территории Кавказа являлась Албания, которую для различения от Албании Балканской принято обозначать как Албанию Кавказскую. Самые ранние известные сведения о ней относятся к IV в. до н. э.: в 331 г. албанское войско участвовало в битве при Гавгамелах в составе персидской армии против армии Александра Македонского[1].

Располагалась Албания в восточной части Закавказья, на берегу Каспийского моря, и охватывала большую часть современного Азербайджана и южные районы Дагестана. Граничила с Кахетинским и Картлийским царствами (современная Грузия), Арменией, Персией.

Известно, что в Албании проживали множество народов и племен, древнегреческий географ Страбон даже пишет, что их число достигало 26[2]. По единодушному на сегодняшний день мнению историков и филологов, в подавляющем большинстве своем это были народы лезгинской ветви нахско-дагестанской группы языков[3].

В VII в. Албания была завоевана Арабским Халифатом и была включена в состав наместничества Армения. С этого времени термин «Албания» остался только в географическом и церковном значениях.

Сведений об Албании немного. Большинство источников дошло на армянском языке, в том числе и «История страны Алуанк» уроженца Албании Моисея Каланкатваци. Из собственно албанских источников можно назвать небольшой корпус эпиграфических надписей, а также 120 страниц религиозного текста на так называемых палимпсестах, найденных грузинским ученым З. Н. Алексидзе в монастыре Святой Елены на полуострове Синай в 1996 г.

По многим вопросам этнографического, административно-политического, социально-экономического характера имеющиеся данные носят очень поверхностный, фрагментарный характер. К тому же эти данные крайне неравномерны по регионам. Наименее изученным регионом Албании является крайний северо-запад и запад, территории, приграничные с Кахетинским царством. О них даже в «Истории страны Алуанк» не написано ничего. Все же некоторые скупые, отрывочные сведения о них можно найти.

Исторически сложилось так, что государства-соседи Кавказской Албании, Армения и Грузия, оказались более устойчивыми ко всевозможным катаклизмам и невзгодам. Они сохранились до наших дней, чего не скажешь об Албании. Эти соседи оставили ценные описания Албании. Благодаря армянским и грузинским летописцам мы располагаем некоторыми подробностями и о северо-западной периферии Албанского государства.

Эрети

На самом Северо-Западе Албании располагался Эрети — ареал проживания народа, называемых эрами (*см. цв. вклейку, рис. 2*)[4]. С запада Эрети граничил с Кахетией, с юга примыкал к другой албанской области — Мовакани[5].

«Эры», скорее всего, было собственным названием, эндонимом; оно одинаково и в грузинских, и в армянских источниках, — обычно пишут с придыхательным согласным h в начале. Также в геррах Птолемея историки склонны видеть албанцев-эров[6].

А «Эрети», точнее, «Hereti», был этнотопонимом грузинского происхождения, в армянских источниках он упоминается как «гавар Гер»[7] или «Герг (Херк)»[8].

Мусхелишвили пишет, что название «Эрети» имело и широкий смысл: в X–XI вв. в Кахетии и Картлийском царствах его употребляли и в значении территории всего Албанского государства[9]. Но в ономастике региона название «Эрети» не сохранилось, при том что там до сих пор

---

[1] Арриан. Поход Александра / пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1962. С. 110, 113–114.

[2] Страбон. География: в 17 кн. / пер. Г. А. Стратановского. М.; Л., 1964. Кн. XI. Гл. 4.

[3] Климов Г. А. Агванский язык // Языки мира: Кавказские языки. 1999. С. 459; J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai. Turnhout, 2008. Т. II. 65 p.; Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хурритоурартские и восточнокавказские языки // Труды по языкознанию. М., 2007. С. 360.

[4] История Грузии с древнейших времен до 60-х годов 19 века. Тбилиси, 1963. С. 59; Очерки истории Грузии в 8 т. Тбилиси, 1988. Т. 2: Грузия в IV–X веках. Гл. VI. § 2.

[5] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Жизнь Кахети и Эрети. Ч. 1. Тбилиси, 1976. С. 125.

[6] Клавдий Птолемей. Географическое руководство. М., 1948. Кн. V. Гл. 9; 17–25. № 2. С. 249.

[7] Гавар по арм. район, округ. Фавстос Бузанд. История Армении / пер. М. А. Геворгяна. Ереван, 1953. Кн. III. Гл. 8. С. 17.

[8] Киракос Гандзакеци / пер. Л. А. Ханларян. История Армении. М., 1976. С. 127.

[9] Мусхелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси, 1982. С. 77.

распространено название «Алвани»: есть населенные пункты с таким названием, урочища вроде «Алванского поля» и т. д.[10]

Достоверных сведений об Эрети и эрах немного. То малое, что сегодня известно о них, дошло в грузинских источниках. Соответственно, и львиная доля исследований по этой теме проведена в Грузии; в досоветское и советское время только грузинские историки и занимались изучением вопросов, связанных с Эрети. После распада СССР к теме стали проявлять внимание и историки из других кавказских республик.

«Точные рубежи Эрети» из-за недостатка данных считается невозможным указать, но специалисты постарались установить его примерное местоположение[11]. В 1900 г., на заре становления грузинской исторической школы, Такайшвили определил расположение области в следующих пределах: «Эрети — часть Кахети или область по бассейнам рек Алазани и Иори. Область эта простиралась к востоку — до Кавказских гор, к западу — до р. Куры, к северу — до озера Тке-Тба или Гулгула, что выше Телава, к югу — до Алазани и Иори»[12]. Эта локализация на долгие годы была принята ученым миром, в том числе и в Грузии, как достоверная, пока в перестроечные годы ее не начали пересматривать.

Из политической истории неизвестно почти ничего, за исключением того, что Эрети на какомто этапе своей истории вышла из состава Албании и присоединилась к Кахетинскому царству, что в конечном счете привело к их слиянию с кахетинцами. Случай, надо сказать, редкий в истории, если принять во внимание, что переход был со стороны эров добровольным; какие-либо силовые действия в отношениях между Албанией и Кахетией на тот период не зафиксированы. Насчет времени слияния с Кахетией существует большой разброс мнений. По мнению Марра, «часть» Албании «с X в. окончательно вошла в состав Грузии»[13]. Упомянутый выше Мусхелишвили писал, что эры к VIII в. являлись «уже вполне огрузинившимся племенем»[14]. Это мнение косвенно подтверждает и армянский историк Гевонд[15]. В восьмитомных «Очерках истории Грузии» 1988 г. вхождение Эрети в состав Кахетии указано свершившимся в V в.[16] В более ранней «Истории Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века» 1962 г. указаны «IV–VI века»[17].

Источники опровергают предположения о раннем объединении Эрети с Кахетией; из одной грузинской хроники следует, что Эрети и в начале VI в. еще не входило в Кахетинское царство[18]. Вместе с тем именно в VI в. в Закавказье сложилась обстановка, в которой были возможны геополитические изменения. Согласно довольно скудным сообщениям, Албания и Грузия в VI в. попали под полную зависимость Персии. Историк Баладзури описывает, как персидский шахиншах Хосров Ануширван (правил в 531–579 гг.) совершил вояж в Албанию и утверждал там в правах местных удельных князьков, из чего следует, что центральной власти, ответственной за целостность страны, за сохранение его территории, не было[19].

Нет и внятного разъяснения, какова была механика этого процесса, какие центробежные силы вывели эров из среды родственных племен к соседям. Пишут об очень тесной духовной и культурной близости, эров объявляют «племенами грузинского толка»[20] и т. д., что тоже не совсем соответствует действительности. При этом в числе объяснений не фигурируют причины конфессионального характера. Но представить себе, что ассимиляция эров была бы возможна без такого мощного фактора, как церковь, без единства с Картли-Кахетией в обрядах богослужения, невозможно.

Христианство в Кавказскую Албанию начало проникать еще в I в. Каланкатуаци пишет, что первым проповедником в Албании был Елисей, известный в местных источниках как Елише. Автор «Истории страны Алуанк» называет Елише учеником апостола Фаддея, а также, что он

---

[10] Зубарев Д. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. 1841. Т. 2. С. 523.
[11] Мровели Л. Жизнь картлийских царей / пер. Г. В. Цулая. М., 1979. С. 21, ком. 4.
[12] Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 28. С. 8.
[13] Марр Н. Я. По поводу слова протоиерея И. Восторгова о грузинском народе // История Грузии: Культурно-исторический набросок. Спб., 1906. С. 55.
[14] Мусхелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси, 1982. С. 23.
[15] Гевонд. История халифов / пер. К. Патканьяна. Спб., 1862. С. 93.
[16] Очерки истории Грузии. В 8 т. / под ред.: М. Лордкипанидзе, Д. Мусхелишвили. Тбилиси, 1988. Т. II. Гл. VI. § 2.
[17] История Грузии с древнейших времен... Гл. VII. § 2.
[18] Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах / пер. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 28.
[19] Баладзори. Книга завоевания стран // Материалы по истории Азербайджана / пер. П. К. Жузе. Баку. 1927. Вып. III. С. 7.
[20] Папуашвили Т. Г. Вопросы истории Эрети. Очерки по социально-экономической и политической истории Эрети: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.571 /. АН ГССР. Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1971. С. 9.

принял рукоположение от Иакова, брата самого Христа, и принял в Албании мученическую кончину[21]. Эти же данные повторяет и другой автор[22]. Есть сведения, что распространение христианства в Албании имело место и раньше, от святого апостола Варфоломея[23].

Но христианизация в Албании не везде была успешной. Новой религии в тот ранний период приходилось бороться, с одной стороны, с зороастризмом, агрессивно навязываемым соседней Персией, с другой стороны — с местными языческими верованиями[24]. К тому же в III в. в Персии зародилось новое квазирелигиозное течение — манихейство, которое потом в течение 10 веков приходилось ликвидировать по всему миру. Хотя сведений о распространении манихейства в Албании нет, но, надо полагать, оно тоже вносило свою лепту в борьбу с христианством. Ситуация не сильно изменилась даже после принятия христианства царем Урнайром в IV в. и объявления его государственной религией. Каланкатваци в подробностях рассказывает, как царь Албании Вачаган III (умер в 510 г.), прозванный Благочестивым, отчаянно боролся с «почитаниями идолов».

Таким образом, даже в начале VI в. религиозная ситуация в Албании оставалась сложной. Албанские правители и католикосы воздвигали новые храмы, церкви и монастыри на фундаментах старых святилищ[25], что должно было вызывать сопротивление со стороны сторонников языческих культов, что, в свою очередь, несомненно, сказывалось на общественно-политической и хозяйственно-экономической жизни страны.

Само христианство в это время переживало серьезнейший доктринальный раскол. Албанская церковь, как и соседние Армянская и Грузинская церкви, присоединилась к миафизитскому течению, которое было осуждено Вселенским собором 451 г. в Халкидоне. Вот в такой сложной и неконтролируемой обстановке в середине VI в. в эти края прибыл миссионер из Сирии Нетари Абибос (Блаженный Авив, Абибос Некресси), «окончательно обративший в христианство тамошнее население, недостаточно христианизированное его предшественниками»[26]. Он был одним из «13 сирийских отцов», одним из них двоих, рукоположенных в епископы, и единственным из них признан святым великомучеником. Судя по имеющимся данным, этот подвижник имел очень большой успех в распространении христианства православного толка и, соответственно, мог запустить процесс духовно-конфессионального единения эров и кахов. Властных структур, способных препятствовать этому процессу, не существовало; и Албания, и Грузия на тот период управлялись персидскими марзпанами, и переход Эрети в состав Кахетии с правовой точки зрения был внутренним делом Персидской империи.

Все это, конечно, предположения, и говорить об этом можно лишь гипотетически. Но как бы там ни было, в любом случае это было добровольное вхождение, какие-либо силовые действия, как мы сказали выше, в их отношениях на тот период не отмечены.

Во время господства Халифата в Грузинском царстве возникали центробежные стремления. В конце VIII (или в начале IX) в. Эрети отделилось от Картлийского царства и стало условно свободным государством. Условно, потому что находилось под властью наместника Халифата. Тогда Эрети распространил свое влияние далеко на восток, на прилегающие регионы распавшейся Албании. В документах того времени албанские цахурские владения (Цукети, Енисели) и даже Шеки включены в «княжество Эрети». По всей вероятности, именно это имел в виду Мусхелишвили, когда писал, что в X–XI вв. под термином «Эрети» подразумевали и всю Албанию.

Но это был уже не совсем албанский регион. Правили в ней грузинские князья, эры были во многом огрузинены, а «грузинский элемент» в Эрети, как пишет Папуашвили, «был субстратным слоем, который во многом определил этнический тип эров»[27].

Но Папуашвили ситуацию и границы, образовавшиеся в IX–XI вв., экстраполировал на все обозримое прошлое Эрети. По его словам, «уже в древнейший период прослеживается про-

[21] Мовсес К. История страны Алуанк / пер. Смбатяна Ш. В. Ереван, 1984. Кн. I. Гл. VI и VII.
[22] Киракос Г. История Армении / пер. Л. А. Ханларяна. М., 1976. С. 132.
[23] Дмитрий Ростовский пишет, что апостол Варфоломей был подвергнут мученической смерти в городе Албане (предположительно современный Дербент). Димитрий Ростовский. Жития Святых. М., 2007 (Репринт 1906). Глава: Житие и страдания святого апостола Варфоломея. Эти сведения подтверждает в своей диссертации иеромонах Алексий: Алексий Никоноров. История христианства в Кавказской Албании: дис. … канд. богословия / Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, 2004. Гл. 1.
[24] Мамедов Т. М. Кавказская Албания. Баку, 1993. С. 70.
[25] Ямпольский З. И. Древняя Албания в III–I вв. до н. э. Баку, 1962. С. 41; Мамедов Т. М. Кавказская Албания. Баку, 1993. С. 70; Тревер К. В. Очерки по истории культуры Кавказской Албании (IV в. до н. э. — VII в. н. э.). М.; Л. 1959. С. 297.
[26] Сабинин М. П. (Геброн). Полное жизнеописание святых грузинской церкви. Спб., 1871. С. 154.
[27] Папуашвили Т. Г. Вопросы истории Эрети. С. 9.

цесс культурно-этнического и политического слияния соседних эретских племен с карталинцами и кахетинцами. Этот процесс начался еще до нашей эры». А во II–I вв. до н. э. этот процесс, по его мнению, был даже завершен[28].

Историки единодушны в том, что «албанцы-эры играли важную роль в формировании феодального общества Восточной Грузии… и принимали активное участие в процессе объединения Грузинского царства»[29]. А также о роли эров в жизни грузинского народа говорит тот вышеупомянутый факт, что образовавшееся во времена Халифата из приграничных регионов Картли и Албании сепаратистское государство получило название «Эретия».

Считается, что в настоящее время не осталось ничего, связанного с эрами, ничего, что можно было бы считать наследием эров, разумеется, кроме самих терминов. Но вполне возможно, что именно эры обогатили грузинский язык такими словами, как «эри» — 1) армия, ополчение, и 2) «народ в смысле свободной части населения»[30]. А также «эристави» — военачальник, командующий[31].

Кроме того, по нашему мнению, могли сохраниться и письменные памятники языка эров. Это упомянутые выше палимпсесты, обнаруженные профессором З. Н. Алексидзе.

На сегодняшний день язык этих палимпсестов принято считать праудинским — ранней формой удинского языка. Однако еще сам Алексидзе отмечал: «Язык албанского Лекционария из числа сохранившихся по сегодняшний день кавказских языков ближе всех стоит к удинскому... хотя и от удинского он отстоит гораздо дальше, чем это представлялось на основе анализа только эпиграфических памятников…»[32].

Учитывая столь значительное расхождение с современным удинским, также учитывая, что время их создания ученые относят к временам, традиционно следующим за слиянием Эрети с Кахетией, а главное, учитывая именно грузинский маршрут их сохранения, можно предположить, что язык палимпсестов имеет наибольшую вероятность быть эрским.

Но и это не все. По некоторым данным, и сами эры живы и здравствуют и поныне: эрами себя считают ингилойцы — этнографическая группа, проживающая на северо-западе современной Азербайджанской Республики, в приграничных с Грузией районах. Говорят на «ингилойском» диалекте грузинского языка. В грузинской публицистике считается, что ингилойцы «в качестве самоназвания» используют ḥэреби (по груз. ჰერები), то есть «эры»[33].

Еще в XIX в. Дмитрий Бакрадзе утверждал, что «ингилойцы составляют остатки древних обитателей Закатальского округа, который в глубокой древности входил в состав Албании»[34]. Вслед за ним были еще публикации, объявлявшие, что ингилойцы — это потомки эров[35].

Гипотеза не нашла отклика в ученом мире, но нашла у самих ингилойцев. В настоящее время в г. Волгограде существует «Союз ингилойцев-эров» с отделениями во многих городах России. С 2017 г. «Союз» переименован в «МОО Национальное возрождение Эрети».

Мовакан

Другой областью в этой местности являлась Мовакан, или Мовакани грузинских летописцев (*см. цв. вклейку, рис. 2*). Мовакан как Мукания упоминается и в текстах арабоязычных авторов. Мовакан тоже находилась на западных границах Албании, к югу от Эрети. В одном эпизоде у Мровели, относящимся к временам правления царя Мириана, Мовакан и Эрети как будто указаны одним владением: «Когда же от Мириана отступились леки, призвав на помощь хазар, вышел против них Мириан в Эрети, то есть Мовакане, и здесь вступил с ними в бой»[36]. Но возможно,

[28] Эти взгляды со ссылкой на автора в дальнейшем периодически повторялись и продолжают повторяться в исследованиях ученых.

[29] Мровели Л. Жизнь картлийских царей / пер. с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979. С. 21, ком. 4.

[30] Сумбат Давитис-дзе / пер. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 28, ком. 33.

[31] Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1964. Т. VIII. С. 623.

[32] Алексидзе З. Н. Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе // History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac. Baku, 2001. № 1. С. 40.

[33] საინგილო // Национальная библиотека Грузии им. Ильи Чавчавадзе. URL: https://www.nplg.gov.ge/wikidict/index.php/%E1%83%A1%E1%83%90%E1%83%98%E1%83%9C%E1%83%92%E1%83%98%E1%83%9A%E1%83%9D (дата обращения: 13.05.2025).

[34] Бакрадзе Дм. З. Заметки о Закатальском округе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1880. В. 1. С. 252.

[35] Джанашвили М. Г. Краткий очерк Кахского участка // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1887. № 3.; Хаханов А. С. К исторической географии Кавказа // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1893. Кн. 15.

[36] Мровели Л. Жизнь картлийских царей / пер. с древнегрузинского Г. В. Цулая. М., 1979. С. 38.

здесь подразумевается единая арена военных действий, потому что в остальном в тексте Эрети и Мовакан указаны по отдельности.

Согласно хронике Джуаншери, к концу V в. в Мовакане и Ране находился один наместник Персии[37].

В некоторых источниках Мовакан как будто город, но является ошибкой указание в «Истории Грузии» Давида Багратиони, что город Мовакан «ныне называют Старою Нухою»[38]. Больше никто не называет Мовакан городом, а располагают его западнее Нухи.

Минорский, ссылаясь на аль-Истахрия, располагал его «на север от Куры вдоль нижнего течения рек Гардаман, Гёк-Чай и Турийан», соприкасаясь с Кабалой и «Лайджаном»[39]. Он также приводит ссылку из ат-Табари (I, стр. 2666), где Мовакан (Мукания) объявляется «принадлежащим к горам ал-Кабх».

По Истахрию, Аракс протекал через Мукан (Мовакан), по другому его списку, река в своем течении доходила «до задней части Мукана»[40].

Судя по свидетельствам арабо-персидских авторов, Мовакан вполне самостоятельно существовал вплоть до второго тысячелетия, пока не был аннексирован Ширваном[41].

Тот факт, что в арабоязычных источниках эта провинция именуется Муканией, использован рядом современных исследователей для отождествления ее с Муганом, степной зоной на берегу Каспийского моря южнее Куры и Аракса, хотя еще Масуди предупреждал, что «не следует это царство, именуемое Муканией, смешивать со страной того же имени, лежащей на берегу Хазарского моря»[42].

Мовакан в отличие от Эрети также несколько раз упоминается в приложении к труду Мровели «Жизнь Вахтанга Горгасала», описывающем события более поздние, чем в самом «Жизни картлийских царей»[43].

Но мовакаты до наших дней не дожили. Какие-либо данные этнографического характера о Мовакане до нас тоже не дошли. Поэтому, кроме того, что этнически они принадлежали к албанцам, сказать о них что-то определенное невозможно. Даже происхождение и значение названия «Мовакан» неизвестны. В «Географии Грузии» Багратиони сказано, что Мовакани «основанъ Мовакносомъ, и чрезъ это удѣлъ его получилъ названіе»[44]. У Мровели тоже название происходит от эпонима[45]. Это все имеющиеся гипотезы по этимологии.

Специальных исследований отдельно по проблеме Мовакана, даже кратких, мы не нашли.

Камбизена

Еще одна область на западной окраине Албании, о которой упоминают источники, и единственная, о которой было известно античным авторам, это Камбизена древних, или Камбечан у армянских, Камбечовани грузинских и Камбизан арабоязычных историков (*см. цв. вклейку, рис. 2*). Некоторые из историков древности называют ее Камбис[46], а местный историк Каланкатуаци — Гамбеч[47].

Этимологию связывают с грузинским словом Kambeči — «буйвол», а по другой версии, она получила свое название по старому гидрониму реки Иори — Камбиз. Других версий мы не нашли.

Территориально Камбизена располагалась в левобережье реки Кура, приблизительно между реками Алазани и Иори. Страбон считал Камбисену принадлежащей Армении, ее самой северной и самой гористой областью[48]. Однако в Армянской географии «Ашхарацуйц» VII в. Камбечан — одна из провинций Албании[49].

---

[37] Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси, 1986.

[38] Багратиони Д. История Грузии. Тбилиси, 1971. § 1. С. 31.

[39] Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков / пер. С. Г. Микаэлян. М., 1963. С. 191.

[40] Ал-Истахрий. Книга путей царств / пер. Н. А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 23.

[41] Мас'уди. Луга золота и рудники драгоценных камней / пер. Н. А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Т. II. Вып. 38. С. 58.

[42] Там же.

[43] Мровели Л. Жизнь Вахтанга Горгасала // Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 79, 81, 86, 87.

[44] Царевичъ Вахушти. Географія Грузіи. Веденіе, переводъ и примѣчанія М. Г. Джанашвили. Тифлис, 1904. С. 198. У Мровели то же название происходит от эпонима. Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 21.

[45] Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 21.

[46] Дион Кассий. История Рима / пер. с англ. В. В. Рязанова. Кн. XXXVII. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1276986294 (дата обращения: 29.05.2025).

[47] История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. / пер. К. Патканова. СПб., 1861. Кн. 1. С. 38.

[48] Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. / пер. Г. А. Стратановского. М., 1994. Кн. XI. Гл. IV. § 1; Гл. XIV. § 4.

[49] Hewsen R. H. The geography of Ananias of Sirak : (Asxarhac'oyc'); the long and the short recensions. Wiesbaden, 1992. P. 143.

Стефан Византийский (VI в.) описывает Камбисену как «персидскую страну»[50]. Но несмотря на наличие противоречащих друг другу данных, на сегодняшний день в среде историков нет сомнений в принадлежности Камбизены Албании[51].

Камбизена просуществовала до экспансии Халифата на Кавказ, после чего она не упоминается. Никаких других сведений о Камбизене нет. Неизвестно даже, была ли она самостоятельной административно-хозяйственной единицей или входила в Мовакан; судя по имеющимся дислокациям, Мовакан в каких-то пределах совпадает с Камбисеной, что, впрочем, могло означать иих единение в ходе непростых исторических событий.

References

Aleksidze Z. N. [Preliminary Report on the Identification and Decipherment of the Albanian Text Discovered on Mount Sinai]. *History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac*. Baku: [s. n.], 2001, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).

Bagrationi D. *Istoriya Gruzii* [History of Georgia]. Tbilisi: Metsniyereba Publ., 1971. (In Russian).

Balakhvantsev A. V. [The Boundaries of Caucasian Albania (4th Century BC — 3rd Century AD)]. *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Vostok (Oriens)], 2021, no. 5, pp. 31–42. EDN: GXIDKN. DOI: 10.31857/S086919080017105-2 (In Russian).

Berdzenishvili N. A. *Voprosy istorii Gruzii* [Questions of the History of Georgia]. Tbilisi: Izd-vo Akademii nauk Gruzinskoy SSR Publ., 1964. (In Russian).

Berdzenishvili N. A., Dondua V. D., Dumbadze M. K., Melikishvili G. A., Meskhia Sh. A. *Istoriya Gruzii s drevneyshikh vremen do 60-kh godov XIX veka* [History of Georgia from Ancient Times to the 60s of the 19th Century]. Tbilisi: Gos. izd-vo uchebno-pedagogicheskoy lit-ry Publ., 1962. (In Russian).

Dyakonov I. M., Starostin S. A. [Hurrito-Urartian and East Caucasian Languages]. *Starostin S. A. Trudy po yazykoznaniyu* [Starostin S. A. Works on Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. (In Russian).

Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai*. Brepols: Turnhout, 2008. (In English).

Hewsen R. H. The geography of Ananias of Sirak: (Asxarhac'oyc'); the long and the short recensions. Wiesbaden: Reichert, 1992.

Klimov G. A. [The Agvan Language]. *Yazyki mira: Kavkazskiye yazyki* [Languages of the World: Caucasian Languages]. Moscow: Academia Publ., 1999. (In Russian).

Mamedov T. M. *Kavkazskaya Albaniya* [Caucasian Albania]. Baku: Az. gos. izd-vo uchebno-pedagogicheskoy lit-ry "Maarif" Publ., 1993. (In Russian).

Minorsky V. F. *Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vekov* [History of Shirvan and Derbent in the 10th–11th centuries]. Moscow: Izd-vo vostochnoy lit-ry Publ., 1963. (In Russian).

Muskhelishvili D. L. *Iz istoricheskoy geografii Vostochnoy Gruzii* [From the Historical Geography of Eastern Georgia]. Tbilisi: Metsniyereba Publ., 1982. (In Russian).

Nikonorov A. *Istoriya khristianstva v Kavkazskoy Albanii: kand. dis.* [History of Christianity in Caucasian Albania: Diss. Cand.]. Sergiyev Posad, 2004. (In Russian).

Ocherki istorii Gruzii. V 8 t. [Essays on the History of Georgia. In 8 Vols]. Tbilisi: Metsniyereba Publ., 1988, vol. 2. (In Russian).

Papuashvili T. G. *Voprosy istorii Ereti. Ocherki po sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Ereti: Avtoref. Doct. Diss.* [Questions of the History of Hereti. Essays on the Socio-Economic and Political History of Hereti: Abstr. Dis. Dr.]. Tbilisi, 1971. (In Russian).

The geography of Ananias of Sirak: (Asxarhac'oyc'). The long and the short recensions. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1992. (In English).

Trever K. V. *Ocherki po istorii kul'tury Kavkazskoy Albanii (IV v. do n. e. — VII v. n. e.)* [Essays on the Cultural History of Caucasian Albania (4th Century BC — 7th Century AD)]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1959. (In Russian).

Yampolsky Z. I. *Drevnyaya Albaniya v III–I vv. do n. e.* [Ancient Albania in the 3rd–1st Centuries BC]. Baku: Izd-vo AN AzSSR Publ., 1962. (In Russian).

[50] Kambysēnē // Encyclopaedia Iranica. URL: https://iranicaonline.org/articles/cambysene (дата обращения: 13.06.2025).

[51] См., например: Балахванцев А. В. Границы Кавказской Албании (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // Восток / Oriens. 2021. № 5. С. 31–42.

К статье Б. Э. Эскендерова

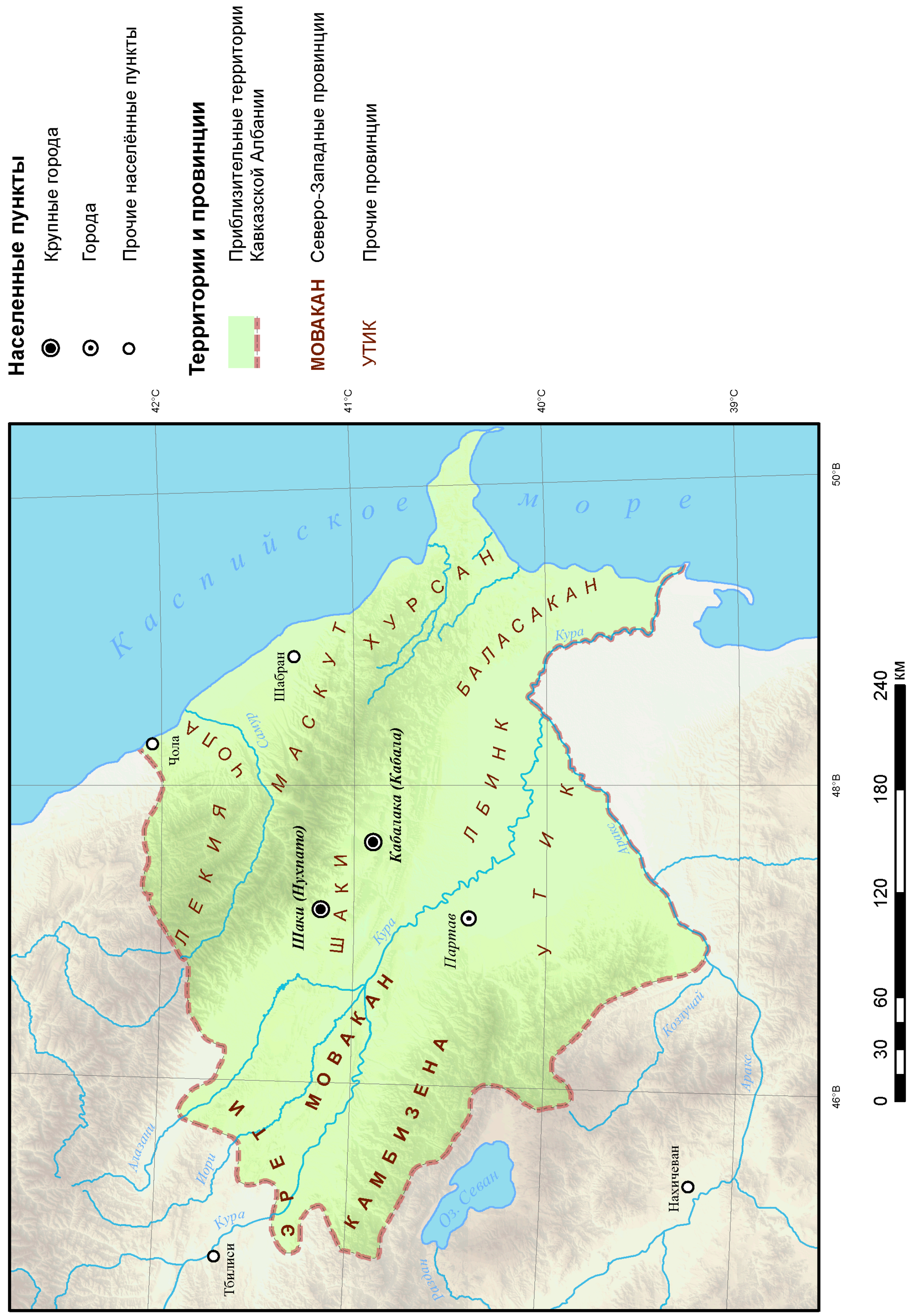

Рис. 2. Приблизительная карта Кавказской Албании во II–V вв.
Fig. 2. Approximate map of Caucasian Albania in the 2nd–5th centuries

УДК 94(47)"16" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-40-51

Жиброва Татьяна Валерьевна
к. и. н., доцент, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)
ORCID: 0000-0002-1261-4435
E-mail: tashazhibrova@rambler.ru

Ляпин Денис Александрович
д. и. н., ведущий научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец)
ORCID: 0000-0002-2078-2404
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Лес в повседневно-бытовом пространстве человека XVII в. (на материалах южных уездов России)

АННОТАЦИЯ. Русские переселенцы на южную степную окраину в XVII в. воспринимали лес как особое, закрытое пространство, отгороженное от основного мира. Здесь человек, чья жизнь, как правило, носила публичный характер, мог проявить различные стороны своей личности. Для одних лес был местом религиозного уединения, для других — разбоя и насилия; одни использовали его для укрытия от врагов, другие — для тайных встреч. Для каждого человека лес был источником дров и строительных материалов. Восприятие человеком леса как некоего защищенного пространства во многом зависело от суммы сложившихся обстоятельств и качеств личности. В каком-то смысле, преломляясь в сознании, в повседневно-бытовом пространстве лес выступал зеркалом, отражающим всю сложность и противоречивость человеческой натуры, местом, где каждый проявлял свою индивидуальность. Авторы рассматривают следующие аспекты леса в повседневно-бытовом пространстве человека южных уездов России в XVII в.: место спасения во время набега татар; источник для ведения хозяйственной деятельности; пространство споров и конфликтов; место религиозных практик; территория асоциального поведения; сфера личного пространства и территория смерти. Статья основана на широком круге источников, связанных, главным образом, с местным делопроизводством. Лес, таким образом, предстает не просто как природный массив, но как многогранный феномен, вписанный в социальную и духовную жизнь переселенцев. Он служил не только материальной базой, но и ареной для реализации самых разнообразных человеческих стремлений и страхов. Его границы, как физические, так и метафорические, определяли границы дозволенного и недозволенного, открывая возможности для как созидательной, так и деструктивной деятельности. Исследование этих аспектов позволяет глубже понять менталитет и быт людей, осваивавших южнорусское пограничье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лес, повседневность, пространство и человек, освоение Степи, историческое сознание

Для цитирования: Жиброва Т. В., Ляпин Д. А. Лес в повседневно-бытовом пространстве человека XVII в. (на материалах южных уездов России) // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 1. С. 40–51. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-40-51.

Поступила в редакцию 13.12.2025
Принята к публикации 12.03.2026

© Жиброва Т. В., Ляпин Д. А., 2026

UDC 94(47)"16" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-40-51

Tatyana V. Zhibrova
Candidate of Historical Sciences, Voronezh State University (Russia, Voronezh)
ORCID: 0000-0002-1261-4435
E-mail: tashazhibrova@rambler.ru

Denis A. Lyapin
Doctor of Historical Sciences, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets)
ORCID: 0000-0002-2078-2404
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

The Forest in Everyday Space of 17th Century Man (The Case of Russia's Southern Borderlands)

ABSTRACT. Russian settlers to the southern steppe outskirts in the 17th century perceived the forest as a special, closed space, fenced off from the main world. Here, people, whose life was usually public, could express various sides of their personality. For some, the forest was a place of religious solitude, for others — robbery and violence; some used it to hide from enemies, others — for secret meetings. For each person, the forest was a source of firewood and building materials. A person's perception of the forest as a kind of protected space largely depended on the prevailing circumstances and personality traits. Refracted in the mind, in the everyday space, the forest acted as a crystal, reflecting all the complexity and contradictions of human nature, a place where everyone expressed their individuality. The article considers the following aspects of the forest in the everyday space of people in the southern districts of 17th century Russia: a place of salvation during the Tatar raid; a source for economic activity; a space of disputes and conflicts; a place of religious practices; an area of antisocial behavior; the sphere of personal space and the territory of death. The study draws on a wide range of sources, primarily related to local administrative practices. The forest, therefore, emerges not simply as a natural landscape but as a multifaceted phenomenon, embedded in the social and spiritual lives of the settlers. It served not only as a material resource but also as an arena for the realization of a wide variety of human aspirations and fears. Its boundaries, both physical and metaphorical, defined the boundaries of what was permitted and what was not, opening up opportunities for both creative and destructive activity. Exploring these aspects allows deeper understanding of the mentality and everyday life of the people who settled the southern Russian borderlands.

KEYWORDS: forest, everyday life, space and people, development of the Steppe, historical consciousness

For citation: Zhibrova T. V., Lyapin D. A. [The Forest in Everyday Space of 17th Century Man (The Case of Russia's Southern Borderlands)]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 1, pp. 40–51. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-40-51 (In Russian).

Received 13 December 2025
Accepted 12 March 2026

© 2026 The Authors

Введение

Освоение русским населением лесостепных и степных территорий современного Центрального Черноземья в XVII–XVIII вв. было неразрывно связано с использованием богатых местных ресурсов. Особое место среди них занимали старые лесные массивы, тянувшиеся, главным образом, вдоль р. Дон. В данной статье представлены результаты исследования пространства лесов как части повседневно-бытовой жизни местного общества. На фоне доминирующего ландшафта Степи лесные анклавы, благодаря своей обособленности, становились локациями, где ослабевали публичность и коллективизм, а социальная сфера индивидуализировалась, предоставляя человеку возможность проявить себя.

В XVII в. в процессе освоения русским населением пустующих южных территорий Подонья новые земли обретали конкретных хозяев, становясь домом для тысяч переселенцев: возникали села и деревни, а ближайшие угодья переходили под управление отдельных семей, дворов и хозяйств. В процессе проникновения человека на эту «дикую» окраину лес обретал особое промысловое и хозяйственное значение, становился частью нового социального пространства. Леса, «лески», рощи, дубравы и липяги получали названия, превращаясь в ориентиры на местности, фиксировались в делопроизводстве, а данные им обозначения переносились на наименования находящихся рядом поселений.

В документации XVII в. лес характеризовался как «хоромный» (пригодный для строительства) или дровяной (источник дров)[1]. В описании поместий переселенцев при их передаче или обмене указывался тип находящегося рядом леса: ольшанник, липяг, «дуброва», березовая дубрава (смешанный лес), бор, черный бор (низкого качества), терновник, ивняк, «лещинские» леса. Небольшие «лески», как правило, находились в коллективном владении всех жителей ближайшей деревни, их нельзя было взять в личную собственность[2]. Случалось, что лес наступал на поселение: зарастали пашни и луга, и ценность таких угодий со временем снижалась[3]. Если люди селились слишком близко к лесной чаще или жили непосредственно в ней, коллективными усилиями они часто «прокапывали» лес: вырубали деревья, потом жгли их и распахивали обугленную землю[4].

Взаимодействие леса и человека было необходимым условием для существования. Картографические данные показывают явное тяготение первопоселенцев и их потомков к большим и малым «лесным островам», разбросанным по берегам Дона в начинающейся Степи.

Значимость лесов в процессе освоения русскими переселенцами южных территорий Европейской России отмечалась многими учеными. В. П. Загоровский указал на их особое военно-стратегическое значение как естественных природных преград: *«Лес был необходим строителям укрепленных линий на юге России XVII в. и как строительный материал, и как некоторый заслон от татар»*[5]. Особая специфика лесостепной природной зоны в целом рассматривалась Н. Ф. Мильковым и В. М. Мишоном[6]. Они обратили внимание на уникальность пограничной территории, где соединялись Лес и Степь. На важное значение леса для строительства первого русского флота в Воронеже (1694–1695) всегда указывали исследователи этой темы. О «корабельных лесах» писали, например, В. В. Успенский и В. В. Царалунга[7]. На значение леса, как важного

---

[1] Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977. С. 75.

[2] Багалей Д. И. Займанщина в левобережной Украйне XVII и XVIII ст. Киев, 1883. С. 17; М-ль М. Сябры // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. 32 (63). С. 411; Зверев П. Курские старозаимочники и однодворцы // Юридический вестник. М., 1888, № 6–7. С. 300–321; Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Сябры и хозяйственное освоение юга России в первой половине XVII в. // Былые годы. 2024. № 19 (3). С. 1019–1026.

[3] Памятники южновеликорусского наречия. С. 199.

[4] Там же. С. 197.

[5] Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 17–18.

[6] Мильков Н. Ф. Взаимоотношения леса и степи и проблема смещения ландшафтных зон на Русской равнине // Известия Всесоюзного Географического общества. 1952. Т. 84, № 5. С. 438–456; Мишон В. М. Река Воронеж и ее бассейн: ресурсы и водно-экологические проблемы. Воронеж, 2000. 296 с.

[7] Успенский В. В. Корабельные леса Черноземья. Воронеж, 1996. 40 с.; Царалунга В. В. Истребление дубрав вокруг Воронежа в конце XVI века // Динамика лесистости в малолесных районах европейской части России. Проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-техн. конф., Воронеж, 24–25 октября 2002 г. Воронеж, 2003. С. 13–17; Царалунга В. В. Начало истребления Воронежских дубрав // Интеграция науки и высшего лесотехнического образования по управлению качеством леса и лесной продукции: материалы междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 25–27 сентября 2001 г. Воронеж, 2001. С. 370–374.

ресурса для постройки простых донских стругов в XVII в., обратил внимание В. В. Добриков[8]. В «корабельном» аспекте рассматривалось значение воронежских «заказников» А. В. Перегудовым[9]. Исключительную важность леса как источника дров и строительного материала для первопоселенцев отмечал Ю. А. Мизис[10]. В качестве примера он рассмотрел лесные массивы Поценья и их роль в колонизации этого края[11].

Внимание к лесу как пространству повседневности на материалах XVII в. специально не изучалось. Основными источниками нашего исследования послужили различные делопроизводственные документы XVII в. Большинство из них хранятся в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) и связаны с работой местной приказной избы (Ф. И-182). Это дела о разбое и грабеже, обвинения в убийствах и пр. К другому типу документации можно отнести делопроизводство, связанное с охраной заповедных лесов в конце XVII — начале XVIII в. Отдельно использовались сведения о раскольниках, содержащиеся в отчетах воевод южных уездов, изданных в «Дополнениях к актам историческим» (ДАИ). К другому типу источников относятся массовые источники, показывающие значение леса в хозяйственном аспекте (РГАДА, ф. 1209): это отказные книги, фиксирующие распределение запустевших земель, а также писцовые и отписные книги. Лес в рассматриваемых документах упоминается косвенно, но всегда выступает как значимый фактор описываемых событий.

«На убег от татарской войны»

Жизнь населения южного пограничья в XVII в. во многом определялась регулярными набегами крымских татар, а затем и калмыков. Оборонительные меры не всегда спасали: в случае внезапного нападения кочевников лес становился единственным спасением. Жители сельских поселений спешили укрыться в лесу, услышав о приближении врага, ведь шансы добраться до крепости были ничтожно малы. Особенно опасными становились весенние и осенние полевые работы. Кочевники, понимая это, делились на мелкие отряды, стремясь захватить как можно больше пленных. Местным жителям, занятым сбором урожая, было невозможно постоянно прерываться и бежать в ближайшие города, даже по приказу воеводы. Они предпочитали рискнуть, потерять нескольких человек, но обеспечить пропитание всей общине и избежать голодной смерти. В таких условиях лес, примыкающий к поселению, приобретал жизненно важное значение, как место спасения.

Так, в Усманском уезде весной 1652 г. никто не хотел бросать посевы, объясняя воеводе, что сейчас нужно, прежде всего, думать об урожае, «стоит пора заботная»[12]. О категорическом отказе остановить полевые работы докладывал в Разрядный приказ воевода Лебедяни[13]. Уездные жители надеялись на то, что ближайший лес спрячет их от татар. Под его защитой они были готовы проявить мужество и вступить в сражение с врагом (следует учесть, что татарские отряды редко превышали 20 человек)[14].

В Воронеже в 1645 г. новый воевода А. В. Бутурлин обнаружил, что состояние оборонительных укреплений настолько плохое, что сельские жители предпочитали укрываться в лесах[15]. Обыденность войны заставляла воронежцев видеть в лесу аналог крепостных стен, средство надежной защиты от татарских разорений. «*На убег от татарской войны*» они ставили здесь небольшие избы с запасами еды, «заводили» пашни в лесной глуши[16]. Эти меры признавались

---

[8] Добриков В. В. Донские отпуски и их организация: 1613–1696 гг.: дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2011. С. 23.

[9] Перегудов А. В. «Живучи на Воронеже, помираю голодною смертью...»: социальная история периода воронежского кораблестроения // Власть и общество: взаимодействия и конфликты: материалы Пятой региональной научной конференции, Воронеж, 26 марта 2011 года. Воронеж, 2011. С. 41–45.

[10] Мизис Ю. А. Природный фактор и период активной колонизации Центрального Черноземья в конце XVI–XVII в. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 2 (94). С. 329–334.

[11] Там же. С. 331.

[12] Княжинский Б. П. Очерки по истории Усманского края. Липецк, 1995. С. 71.

[13] Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 212.

[14] Глазьев В. Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // Исторические записки / Воронежский государственный университет. 2004. Вып. 10. С. 5–16.

[15] Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007. С. 94.

[16] Камараули Е. В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 101–102.

властями разумными и даже фиксировались в писцовых книгах. Размер лесных владений воронежцев составлял обычно от 2 до 4 га[17]. Это было немного, но хватало, чтобы прокормиться.

Хозяйственный фактор

В хозяйственном отношении повседневности лес, безусловно, играл ключевую роль, обеспечивая поселенцев дровами и строительными материалами. На опасных окраинах переселенцы возводили не просто дворы с жилыми и хозяйственными постройками. Практически каждая крупная деревня имела укрепления — «острожки» или «крепи», предназначенные для защиты от небольших отрядов крымских татар. Например, в 1618 г. жители Лебедянского уезда отказывались ехать в ближайший город — Данков — во время нападения татарских отрядов. Воеводе оставалось только сетовать в своем докладе в Москву: «*...старосты и крестьяне поделали себе крепи и в сполошное время, и в приход воинских людей в Донков в осаду ко мне не бегают…*»[18] В августе 1632 г. воевода Ливен, снимая с себя ответственность за безопасность местного населения, сообщал, что «*уездные люди в осаду в город не едут, укрепили в селах и деревнях дворы во многих местах, за острожков место*»[19].

Подробные описания дворов, сохранившиеся в материалах конфискации имущества, знают только деревянные постройки двора из сосны, дуба, ильма (вяза) или липы[20]. Из сосновых бревен возводили дома богатые люди: дорогой хвойный лес был удобен для строительства, поскольку имел ровные и прямые стволы почти одинакового диаметра, из них рубили правильные плотные срубы. В свою очередь, изба из дуба была неровной и имела много щелей, которые замазывали глиной[21]. Избы крылись «*дором*» — небольшими прямослойными деревянными досками, в других случаях использовали солому.

Лес был источником ягод и грибов. В отказных книгах XVII в. часто встречаются наименования ручьев, протекавших рядом с лесами или непосредственно в них: Малинки, Смородинный, Клюква. Жители воронежского с. Семилуки, пользуясь ближайшим липовым лесом, регулярно ходили туда «мочало драть» (мочало делали из лыка — внутренней части коры дерева)[22].

Отказные книги 1620-х гг. выступают хорошим источником для понимания важности леса в хозяйственном отношении. Эти книги составлялись при передаче помещику новых земель. Обратимся к материалам по Белгородскому уезду. Летом 1621 г. проходила раздача участков по р. Корень[23]. В частности, здесь получил земли местный Авдей Левин: 109 четвертей дикого поля и 2 осьмины распаханной земли; что касается леса, то ему разрешалось пользоваться лесом «селитебным» и «дровеным» по обе стороны реки вместе с другими местными жителями.

Деревья использовались как ориентиры при межевании помещичьих владений. В качестве наглядного примера можно привести отрывок из белгородских документов, где на р. Северский Донец земли получил помещик Данил Мезенцев: за Ливенской дорогой под Разуменскими лесами вдоль р. Разумной. Его территория начиналась там, где на открытом пространстве стоял «дуб толст с наклоном вправо», а рядом, в двух саженях, — дуб поменьше. От этого дуба граница шла через кусты и камыши к трем березам «на одном корени», а далее, в 10 саженях, следовало найти большой куст ивы — здесь начинались земли его соседа. Далее граница тянулась перелеском к большому кусту с водой и приземистым дубом. Затем начиналась степь, посреди которой «стоят четыре гнезда лозы, а пятое гнездо осины». Потом граница шла также через степь к месту, где стоял «дуб краковист на полдни», а затем рубеж шел к большому дубовому пню. От того пня границы поместья поворачивали через небольшую дубраву, прямо через чащу «на полночь». Этот

[17] Там же. С. 101.

[18] Ноябрь 1618 г. — отказ лебедянских служилых людей ехать в осаду в данковский острог // Ракитин А. С. «В мятежное время и ныне после черкаского разоренья». Город Данков при воеводе Ф. Г. Ададьине в 1618–1619 гг. Липецк, 2017. С. 30.

[19] Новосельский А. А. Указ. соч. С. 212.

[20] Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. / подг. к печати К. В. Сивков. М., 1951. С. 67–70.

[21] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. / под ред. С. А. Токарева. М., 1956. С. 72.

[22] ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 550. Л. 1–4.

[23] Памятники южновеликорусского наречия. С. 11.

путь вел к Большой поляне, посреди которой на одном корне стоят два дума «на полдень», затем границы шли к другому дубу на краю Разуменского леса, а от него к большой старой березе [24].

В писцовых книгах южных уездов, составлявшихся в 1626–1630 гг., соблюдался точно такой же принцип распределения границ по деревьям. Вот, к примеру, отрывок из описания межи елецкой деревни Хмелинец: «...*от елецких полковых казаков Иванову приказа Тимирязева от реки Ельца от Поповы поляны в верх к дубу, старая и новая грань, а от грани яма»,* и далее *«до Хмелинского лесу к дубовому пни, возле казачьей ямы клен сухой»,* а затем граница шла вдоль дороги к *«дубу платов суховерх налево»*[25].

Пространство споров и конфликтов

Лес был не только местом, где укрывались от внешнего врага, но и пространством частых конфликтов, возникавших во время хозяйственного освоения черноземных земель. Показательным может быть дело о споре казаков Талецкого острога, находившегося в Елецком уезде, с помещиками соседнего с. Дрезгалово в 1670 г. Противоречия начались по поводу использования местного леса. Казаки поселились в остроге у опасного татарского брода через р. Быструю Сосну еще в конце 1630-х годов и за это получили царскую грамоту, разрешающую им «*в лес въезжать, хороменной и дровяной лес рубить и всяким угодьям владеть*». Однако жители села считали лес своим, и, по словам казаков, «*в том Дрезгаловском лесу нас, холопей твоих, и детишек наших бьют и грабят, саня и хомуты, и веревки рубят, и платья сымают, и тапоры отымают, и з женишак наших, как в тот Дрязгаловский лес ходят по сныть, и с них поневы и сарафаны сымают, и бьют, и увечат*» [26].

В данной жалобе можно увидеть несколько интересных социально-бытовых эпизодов. Лес посещали не только казаки, но и члены их семей — жены и дети. Факт их избиения косвенно указывает на то, что они находились в лесу одни, без своих мужей и отцов. В лес ездили за бревнами и дровами, которые перевозили на санях («*саня, хомуты и веревки рубят*»), поскольку строительные материалы заготавливали преимущественно в зимнее время, когда сани были главным транспортным средством. Женщины посещали лес, судя по тексту документа, для сбора «сныти», за что могли поплатиться потерей верхней одежды («*ходят по сныть, и с них поневы и сарафаны сымают*»).

Круг «спасения» (место религиозных практик)

Еще одна сфера местной жизни, смыкавшая в себе пространство леса и социума, — религиозные практики. После начавшихся в России церковных реформ 1653–1666 гг. «расколоучителя», недовольные происходившим, отчаявшиеся добиться правды путем прений и диспутов, отправлялись из центра на окраины, в том числе и на Дон. Они уверяли, что «*светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял и преподобными отцами наполнился*»[27]. Устремляясь на юг, проповедники увлекали за собой мужчин и женщин всех социальных групп и вели их в степные леса, чтобы там найти пристанище подальше от «удела Антихриста». Так лес обретал еще одно значение: место спасения от дьявола, извечного врага, сбивающего человека с пути «истинной веры». Лес как бы превращался в храм, становился религиозным пространством. Здесь, вдали от суеты мира и его соблазнов, искали спасения те, кто стремился к духовному очищению и постижению высших истин.

Раскольники заселили леса к югу Воронежского и Тамбовского уездов в 1660–1670-е гг. Обычно они возводили небольшие городки в самых густых и непроходимых чащах. Воеводы пограничных городов вначале были осторожны и боялись смуты с их стороны, но вскоре убедились, что те в большинстве своем не опасны, так как не стремились к контактам. Воронежский воевода

[24] Там же. С. 23.

[25] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 135. Л. 1573–1573 об.

[26] Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 91. Л. 219. Выражаем благодарность А. М. Трубицыну за возможность использовать данный документ.

[27] 1685, 5 октября. Расспросные речи священника Иоанна и Донских казаков о раскольниках. — Список запрещенных книг, имеющихся у раскольников. — Письмо чернецов Никифора и Ионы на Дон к старцу Макарию // Дополнения к Актам историческим (ДАИ). СПб., 1872. Т. 12. С. 134.

Василий Логовчин докладывал, что раскольники живут с женами и детьми, «*а число де жителей сметить немочно, потому что живут в лесу*», а «*с приезжими людьми не говорят и бегают*». Главной защитой жителей городков, конечно, был лес: «...*а для крепости у них де лес превеликой и непроходимой*», — сообщал В. Логовчин. Кроме того, в леса заезжали и донские казаки, «человек по 100 и больши», они «непрестанно» ехали в этот лес «для звериной ловли» и раскольников не трогали[28].

Иногда в лесах отдельно от всех селились старцы-аскеты, не стремящиеся к каким-либо контактам с любыми людьми. Пример этому — история «расколоучителя» Ивана Анфимова. Этот старец собрал вокруг себя группу последователей и увел их на Дон, но в 1677 г., когда людей в скиту стало слишком много, предпочел уйти в одиночестве в глухую чащу и ни с кем больше не общался[29].

В конце 1670-х гг. на р. Медведице, притоке Дона, в большом лесу возникло крупное религиозное поселение, основанное популярным на Дону проповедником Кузьмой Косым[30]. Здесь этот незаурядный мыслитель воплотил в жизнь свои представления об идеальном обществе, основанном на социальном равенстве и общинном укладе. «Братья» и «сестры», отказавшиеся от употребления мяса, стремились к изоляции от «погрязшего в грехах» внешнего мира. Они регулярно собирались для чтения и обсуждения священных текстов. В этом лесном «городке» отсутствовала иерархия, однако его обитатели создавали семьи, заключали браки и рожали детей. Они были довольны своей жизнью в глуши, но в 1690-е гг. их поселение, как и другие подобные городки, было разгромлено по решению правительства[31].

Конечно, лес был местом религиозных практик другого рода: здесь совершались ритуалы и действия весенне-летней календарной обрядности. Однако в источниках XVII в. данные по этому поводу носят лишь косвенный характер. Например, известно, что на Русальной неделе в 1666 и 1667 гг. воронежцы устраивали «игрища» возле леса за городом, в ходе которых «бились на кулачки». Один из победителей этих сражений жаловался, что был побит соперником, когда мирно возвращался в город[32].

Территория асоциального

Пространство леса становилось по-настоящему опасным для человека, когда в нем укрывались не мирные проповедники, а разбойники и беглые преступники[33]. Разбой был распространенной формой поведения в этих отдаленных краях: им могли заниматься как профессионалы, специализирующиеся в этой сфере много лет, так и простые жители отдаленных сельских поселений[34]. Для тех и других лес служил надежным укрытием и местом совершения преступлений.

Например, в 1670 г. на дороге из Москвы в Воронеж разбойничала банда из 20 человек. Они передвигались на лошадях: неожиданно нападали из леса на проезжавших, забирая все, что можно было унести, но никогда никого не убивали. Дважды разбойники ловили посланников с царскими грамотами, учиняли «мешкотню» и сильно задерживали переписку воронежского воеводы с Москвой. Наконец, на поиски грабителей были высланы солдаты, но найти в местных лесах никого не удалось[35].

В июне 1700 г. на Ивана Федотова, объезжавшего лесные пристани на р. Воронеж, неожиданно напали разбойники[36]. В Адмиралтейском приказе среди других материалов сохранилась его словесная челобитная с перечислением обстоятельств: «...*на него де Ивана в Воронежском уезде на московской дороге, не доезжая села Животинного… напали разбойники и гнались за ним*

[28] 1686, мая 31. Указ князю Василию Голицыну, с приложением писем Воронежского воеводы Василия Лаговчина о раскольниках, поселившихся на реке Медведице // ДАИ. СПб., 1872. Т. 12. С. 126–128.
[29] Допрос Кузьмы Косого, 13-го сентября 1687 г., в Посольском приказе // Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 273.
[30] Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб., 2020. С. 399–400.
[31] Сень Д. В. Старообрядчество на Дону в конце XVII века // Донской временник. Год 2013-й. 2012. Вып. 21. С. 111–114.
[32] ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 103. Л. 1–3.
[33] Мизис Ю. А. Поиск беглецов на Юге России в конце XVII в. // История: факты и символы. 2025. № 2 (43). С. 92–104.
[34] Ляпин Д. А. Указ. соч. С. 79–88.
[35] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 35. Л. 7.
[36] Там же. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 19.

до Животинного с луки и с копи человек с пятнадцать»[37]. На поиски разбойников сразу было отправлено сорок солдат. В Воронеже считали, что разбоем промышляют сельские жители, пользуясь внезапностью нападения и защитой большого местного леса. В этой связи солдаты должны были обыскивать дворы в селах и деревнях в поисках «награбленной рухляди»[38]. Но никаких доказательств преступлений обнаружить не удалось. Однако в отдаленной дубраве солдаты нашли чью-то лошадь и чуть позже — еще одну[39].

Воронежская д. Малиновая Поляна находилась в густом старом лесу и много лет была местом преступлений. Ее жители ночью выходили на лесную дорогу и грабили проезжавших. Однажды они ошибочно напали на жителей соседней деревни и были ими узнаны[40]. На Данковской дороге занимались грабежом жители д. Погибельной Елецкого уезда. Всем «миром» они организовали разбойную группу, отправляясь в отдаленные места, но однажды ограбили в воронежских лесах своего земляка. Пострадавший подал в Воронеже жалобу, перечислив нападавших поименно[41].

Пространство возможностей: карьера и служба

В материалах ГАВО сохранились интересные сведения о работе так называемых «лесных объездчиков» — чиновников, состоявших на особой государственной службе в конце XVII — начале XVIII в. Поскольку Россия боролась за выход к Черному морю и нуждалась в кораблях, лесные массивы приобрели в это время важное военно-стратегическое и политическое значение. Центром строительства флота с 1695 г. был Воронеж. В период активного кораблестроительства в Воронежском и в соседних с ним уездах дубовые и сосновые леса были переписаны и попали в категории «заповедных» или «объездных», то есть находились под особой охраной государства. Нельзя было разжигать там костры, рубить деревья на дрова или с целью строительства. Охрана ценных лесов могла стать для человека хорошим началом карьеры или, напротив, закончиться его ссылкой на каторгу; иными словами, новое «политическое значение» леса давало новые возможности и создавало риски.

Каждый лесной объездчик выступал своего рода стражем, ответственным за сохранность вверенного ему ценного ресурса. Его деятельность регламентировалась инструкциями, а нарушения сурово карались. Объездчики не пользовались популярностью у населения, регулярно получая угрозы в свой адрес[42], но занимать этот пост, судя по сохранившимся просьбам, было очень выгодно[43].

В 1701 г. проверявший списки лесных объездчиков воронежский чиновник Антон Лаврентьевич Веневитинов, участник постройки флота, получил несколько челобитных от людей, исполняющих эти обязанности в 1700 г., с просьбами оставить их на этой службе на долгий срок. Из прошения мы узнаем, что в 1700 г. было «*велено им объезжать и беречь отписные леса, которые отписаны на карабельное струговое дело… вверх по реке Воронежу по обе стороны до Белоколоцкого рубежа… чтоб в те леса нихто не езжали и не рубили и не возили и не жгли*»[44]. Их просьба была удовлетворена, и воронежцы, согласно распоряжению А. Л. Веневитинова, были на прежнюю службу «*написаны вновь для того что те вышеписанные леса на коробельное строенья дубовые и на струговое дело сасновых лесов многое число и без лесных сторожей тем лесом быть невазможно и тех лесов вышепомянутых объещиком за малолетством оберегать будет с нуждою а даведетца в те села объездных сторожей прибавить*»[45]. Таким образом, А. Л. Веневитинов полагал, что менять объездчиков каждый год неразумно, он также был убежден, что леса могут быть нужны государству еще много лет. «Лесная служба», вероятно, была

[37] Там же. Л. 3.
[38] Там же. Л. 5.
[39] Там же. Л. 7.
[40] Там же. Оп. 3. Д. 430. Л. 1–13.
[41] Там же. Л. 13.
[42] Там же. Ф. И-171. Оп. 4. Д. 85.
[43] Там же. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 58.
[44] Там же. Ф. И-171. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.
[45] Там же. Л. 3.

менее хлопотной и более легкой, чем другие работы, к которым привлекались местные дворяне в связи с постройкой флота.

В июне 1702 г. было составлено дело по челобитью лесных объездчиков из небольшого города Костёнска[46]. Снова здесь видим просьбу о продлении прежней службы: «...*велено нам новоописные в Костёнске и в Костёнском уезде всякие ухожие леса на карабельное и брегортинное дело в урочищах… вниз по реке по Дону… объезжать беспрестанно и беречь накрепко тех заповедных лесов и с того времени, и по се число у тех описных лесов мы в сторожности безотступно*»[47] .

Челобитчики жаловались на своего воеводу, который их «*от тех описных лесов волочил на работу*»[48]. Понятно, что лесные объездчики хотели остаться на более легкой службе, тогда как по распоряжению властей Костёнска должны были отправиться в устье р. Воронеж для работы на верфях[49]. Челобитная была удовлетворена: «...*не велеть их на работу высылать и о том послать к воеводе*»[50].

С 1698 по 1701 г. за Романцевскими лесами в верховьях Дона надзирал елецкий дворянин Иван Евсеевич Бехтеев. В 1700 г. он составил подробное описание леса, годного для постройки кораблей, возле Лебедяни. Во время этой работы его пригласили заехать в местный Троицкий монастырь, где настоятель, «*позвав его к себе в гости в келью благословил иконою и поднес ему денег в почесть семдесят рублев».* И. Е. Бехтеев, подумав, решил принять подношение, *«для того что у того дела все были без жалованья*»[51]. Однако в 1701 г. на него поступил донос от давнего недруга: якобы игумен дал ему взятку за разрешение пользоваться ценным лесом. Без разбирательства и сыска обвиняемого отправили в Азов на каторжные работы. Только в 1711 г. дело было пересмотрено и поспешный приговор признан несправедливым.

Сфера личного

Лес также являлся сферой сугубо личного, был связан с частной жизнью человека в эпоху, когда публичность была нормой. Здесь прятали наиболее ценные вещи, иногда — целые клады, это было обычной практикой. Например, когда в Воронеже в 1647 г. местный подстрекатель бунта против воеводы объявил о спрятанном им «государевом указе» в находящемся рядом Русском лесу, то это не вызвало никаких сомнений у толпы. Видимо, лесные дебри были обычным местом утайки ценностей, и даже важный документ от царя в сознании рядовых воронежцев вполне мог быть закопан где-то под деревом[52].

Лесом пользовались для тайных любовных встреч и свиданий. Показательный пример — расспросные речи воронежской «дворовой девки» Устиньи. В 1700 г. объездчик неожиданно обнаружил ее в бору близ д. Плясовой и арестовал для допроса[53]. Девушка вначале отказалась объяснить, что делала в этом отдаленном лесном месте одна. Затем на допросе у воронежского воеводы выяснилось, что она жила в ближайшем поместье, когда у нее завязался роман с посадским человеком Федотом Медведевым. Во время ареста Устинья ждала его в бору, в тайном месте для свиданий. Медведев обещал ей устроить побег и новую жизнь на Дону с казаками, планируя для этого украсть двух лошадей и поджечь двор помещика.

Территория смерти

Нельзя обойти вниманием лес как пространство, пропитанное духом смерти. Среди деревьев находили последний приют жертвы убийц и разбойников, а также здесь совершались похороны тех, кто покинул этот мир добровольно.

---

[46] Там же. Л. 68.
[47] Там же. Л. 2.
[48] Там же.
[49] Там же.
[50] Там же. Л. 5.
[51] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 32. Л. 796–797.
[52] Там же. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 284. Л. 40–41.
[53] ГАВО. Ф. И-171. Оп. 4. Д. 23. Л. 13.

15 ноября 1692 г. воевода Воронежа М. И. Леонтьев получил признание в убийстве от крестьянина воронежского с. Сенного Платона Глазьева[54]. После пятого удара кнутом тот сознался, что зарезал помещика Мирона Фролова. Это произошло в октябре «*на третий день после родительской субботы, в понедельник*». У Глазьева собрались гости, которые к вечеру стали расходиться, и он пошел провожать друзей к реке Воронеж. Тут он увидел, что внизу «*под горой шел вдоль реки Мирон Фролов пьян и лег де у реки на пристани спать*». Проводив гостей, Глазьев решил убить его по причине какой-то давней вражды. Он подкрался сзади и зарезал Фролова, а затем, испугавшись совершенного, побежал к своему товарищу. Вместе они погрузили тело на телегу и отвезли в лес. Лопат с собой у них не было, и тогда труп просто «заметали листьями».

В июне 1695 г. уже другой воронежский градоначальник, С. С. Горчаков, расследовал дело о самоубийстве Настасьи Клекуновой по иску ее матери против свекра и его семьи[55]. Настасья, дочь пушкарской вдовы, вышла замуж за полкового казака Семена Сонцова и переехала во двор к его отцу, где жили также ее свекровь и брат мужа Трифон. По словам соседей, она вела обычную жизнь и никакого внимания к себе не привлекала. Никто не помнил, чтобы в доме случались большие ссоры. Но в марте 1695 г. она повесилась прямо во дворе. В полдень соседи услышали громкий «крык» хозяйки, которая звала на помощь, обнаружив, что ее невестка «мертва, удавлена в осиле» (в аркане, удавке). На крик прибежал ее сын Трифон и увидел, что Настасья «*под поветью висит, удавлена*»[56]. По его собственным словам, он не растерялся, «*чаял что жива*», и сразу же «*осило оборвал*». Затем прибежал и хозяин двора, а также все соседи. Но повешенная была мертва. Соседки обмыли тело Настасьи (позже на допросе наличие синяков они не подтвердили), а мужчины увезли его в лес, где схоронили в глухой чаще.

Представления людей о том, что хоронить самоубийц надлежит в лесной глуши, отражает своеобразное восприятие этого места как антимира, чуждого человеку, противопоставляемого традиционному поселению и жилищу, в рамках оппозиции «чужой»-«свой»[57]. Вспомним, что в сказочных сюжетах лес выполнял именно такую функциональную роль границы между мирами, где проводились т. н. «обряды перехода»[58].

Заключение

Повседневность русского переселенца XVII в., осваивающего обширные степные просторы, включала и другое важное пространство — лес. Здесь привычный уклад жизни преломлялся под воздействием закрытости данного места, где каждый при желании был *скрыт* от другого. В этом заключалась дуальность леса в сознании жителей окраины. Неслучайно здесь закапывали клады и трупы, «хоронились» от татар и назначали свидания, лес был тайным храмом для одних, местом разбоя и насилия для других, он давал возможности для карьеры начинающим чиновникам, но мог и привести их на каторгу. Лес был пространством, где особенно четко проявлялась окружающая человека действительность, свойственная его времени. Практически все жизненные обстоятельства могли найти здесь свое воплощение — в этом относительно небольшом пространстве, *острове*, окруженном бескрайней Степью. Лес, как природная среда, выступал ареной для драматических событий, был зеркалом, отражающим сложность и противоречивость человеческой натуры, местом, где каждый проявлял свою индивидуальность.

References

Agapkina T. A. [Forest]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 Vols]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 97–100. (In Russian).

Blomkvist E. E. [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (Settlements, Dwellings and Outbuildings)]. *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik. Ocherki narodnoy material'noy*

[54] Там же. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–24.

[55] Там же. Д. 70.

[56] Поветь — нежилая пристройка к дому сзади для хранения земледельческих орудий, дров и проч.

[57] Агапкина Т. А. Лес // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 97.

[58] Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2011. С. 40–41.

kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX — nachale XX v. [East Slavic Ethnographic Collection. Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th — Early 20th Century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1956, pp. 3–458. (In Russian).

Dobrikov V. V. *Donskiye otpuski i ikh organizatsiya: 1613–1696 gg.: kand. dis.* [Don *Otpuski* and Their Organization: 1613–1696: Diss. Cand.]. Voronezh, 2011. (In Russian).

Glazyev V. N. [Confrontation in the Steppe Borderland in the 20s–40s of the 16th Century: Russians and Tatars]. *Istoricheskiye zapiski / Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet* [Historical Notes / Voronezh State University], 2004, iss. 10, pp. 5–16. EDN: TKYWQD (In Russian).

Glazyev V. N. *Voronezhskiye voyevody i ikh okruzheniye v XVI–XVII vekakh* [Voronezh Voivodes and Their Entourage in the 16th–17th Centuries]. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraya Publ., 2007. (In Russian).

Kamarauli E. V. [Formation of the Settlement Structure in the Southern Uezds of Russia in the First Half of the 17th Century (Using the Voronezh Uezd as an Example)]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and symbols], 2018, no. 3 (16), pp. 97–105. EDN: UZQAMN. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105 (In Russian).

Knyazhinsky B. P. *Ocherki po istorii Usmanskogo kraya* [Essays on the History of the Usman Region]. Lipetsk: ORIUS Publ., 1995. (In Russian).

Lyapin D. A. *Na okraine tsarstva: povsednevnaya zhizn' naseleniya Yuga Rossii v XVII veke* [On the Outskirts of the Kingdom: Everyday Life of the Population of Southern Russia in the 17th Century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2020. (In Russian).

Lyapin D. A., Zhirov N. A. ["Syabry" and Economic Development of the South of Russia in the First Half of the 17th Century]. *Bylye Gody*, 2024, no. 19 (3), pp. 1019–1026. EDN: MISEEC. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1019 (In Russian).

Milkov N. F. [Relationships between Forest and Steppe and the Problem of Displacement of Landscape Zones on the Russian Plain]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the All-Union Geographical Society], 1952, vol. 84, no. 5, pp. 438–456. (In Russian).

Mishon V. M. *Reka Voronezh i yeye basseyn: resursy i vodno-ekologicheskiye problemy* [The Voronezh River and Its Basin: Resources and Water-Ecological Problems]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta Publ., 2000. (In Russian).

Mizis Yu. A. [Natural Factor and Active Colonization Period of Central Black-Earth Region in the End of 16–17th Centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], 2011, iss. 2 (94), pp. 329–334. EDN: NDLCTL (In Russian).

Mizis Yu. A. [Search for Fugitives in the South of Russia at the End of the 17th Century]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2025, no. 2 (43), pp. 92–104. EDN: CLSXPK. DOI: 10.24888/2410-4205-2025-43-2-92-104 (In Russian).

Novoselsky A. A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v.* [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1948. (In Russian).

Peregudov A. V. ["Living in Voronezh, I Am Dying of Starvation...": Social History of the Period of Voronezh Shipbuilding]. *Vlast' i obshchestvo: vzaimodeystviya i konflikty: Materialy Pyatoy regional'noy nauch. konf., Voronezh, 26 marta 2011 goda* [Power and Society: Interactions and Conflicts: Proceedings of the Fifth Regional Scientific Conference, Voronezh, March 26, 2011]. Voronezh: Istoki Publ., 2011, pp. 41–45. (In Russian).

Propp V. Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of the Wonder Tale]. Moscow: Labirint Publ., 2011. (In Russian).

Sen D. V. [Old Believers on the Don at the End of the 17th Century]. *Donskoy vremennik. God 2013-y* [Donskoy Vremyanik], 2012, iss. 21, pp. 111–114. EDN: QTTFTR (In Russian).

Tsaralunga V. V. [The Beginning of the Extermination of Voronezh Oak Groves]. *Integratsiya nauki i vysshego lesotekhnicheskogo obrazovaniya po upravleniyu kachestvom lesa i lesnoy produktsii: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Voronezh, 25–27 sentyabrya 2001 g.* [Integration of Science and Higher Forestry Education in Forest and Forest Product Quality Management: Proceedings of the International Sci. and Practical Conf., Voronezh, September 25–27, 2001]. Voronezh: Tip. Voronezh. gos. lesotekhnicheskoy akademii Publ., 2001, pp. 370–374. (In Russian).

Tsaralunga V. V. [Destruction of Oak Groves around Voronezh at the End of the 16th Century]. *Dinamika lesistosti v malolesnykh rayonakh yevropeyskoy chasti Rossii. Problemy i perspektivy: Materialy Vseros. nauch.-tekhnich. konf., Voronezh, 24–25 oktyabrya 2002 g.* [Dynamics of Forest Cover in Sparsely Forested Areas of the European Part of Russia. Problems and Prospects: Proceedings of the All-Russian Sci. and Technical Conf., Voronezh, October 24–25, 2002]. Voronezh: Tip. Voronezh. gos. lesotekhnicheskoy akademii Publ., 2003, pp. 13–17. (In Russian).

Uspensky V. V. *Korabel'nyye lesa Chernozem'ya* [Ship Forests of the Black Earth Region]. Voronezh: Tip. Voronezh. gos. lesotekhnicheskoy akademii Publ., 1996. (In Russian).

Zagorovsky V. P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta Publ., 1969. (In Russian).

Источники

УДК 94(4-015)"1520" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-52-67

Дедук Андрей Владимирович
к. и. н., научный сотрудник государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия, Тула)
ORCID: 0000-0002-9458-3934
E-mail: deduk@list.ru

Шеков Александр Владимирович
к. и. н., доцент, научный сотрудник государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия, Тула)
ORCID: 0000-0002-7010-9672
E-mail: shekovav@mail.ru

Актовые источники 1520-х гг. по истории поземельных отношений в Великом княжестве Литовском и Русском из фонда 1603 Российского государственного архива древних актов (РГАДА)

АННОТАЦИЯ. Публикация посвящена пяти актам 1520-х гг., возникшим в связи с феодальным землевладением в Литовско-Русском государстве и хранящимся в фонде 1603 «Комиссия Эдукационного фундуша» в Российском государственном архиве древних актов. Источники важны для изучения исторической географии и поземельных отношений в Великом княжестве Литовском. Представлены публикации подлинников трех актов и списки XVI–XVII вв. еще двух документов. Ранее в научный оборот был введен лишь список одного из этих актов — подтвердительной грамоты 1523 г. короля Сигизмунда I боярину М. Д. Шарапову на владения в городах Клецке и Городке Давидове, Клецком повете и Городецкой волости. В подлинниках сохранились: подтвердительная грамота 1521 г. Сигизмунда I пану Федко Гавриловичу на землю, купленную у гродненского боярина Юрия Котовича и его брата; грамота 1521 г. Сигизмунда I гродненскому старосте Ю. М. Радзивиллу с требованием провести судебное разбирательство поземельного конфликта между Федко Гавриловичем и князем А. М. Каширским; грамота 1523 г. Сигизмунда I виленскому воеводе А. М. Гаштольду с требованием провести разграничение владений Андрея Хвалковича и Михаила Сопеги. В списке сохранилась подтвердительная грамота 1528 г. супруге А. М. Гаштольда — Софье Васильевне (в девичестве княжне Верейской) на купленное ею имение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая география, Великое княжество Литовское и Русское, феодальное землевладение, Комиссия Эдукационного фундуша, поземельные отношения

Для цитирования: Дедук А. В., Шеков А. В. Актовые источники 1520-х гг. по истории поземельных отношений в Великом княжестве Литовском и Русском из фонда 1603 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 1. С. 52–67. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-52-67

Поступила в редакцию 16.12.2025

Принята к публикации 12.03.2026

© Дедук А. В., Шеков А. В., 2026

Sources

UDC 94(4-015)"1520" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-52-67

Andrey V. Deduk
Candidate of Historical Sciences, State Military-Historical and Natural Museum-Reserve "Kulikovo Field" (Russia, Tula)
ORCID: 0000-0002-9458-3934
E-mail: deduk@list.ru

Alexander V. Shekov
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, State Military-Historical and Natural Museum-Reserve "Kulikovo Field" (Russia, Tula)
ORCID: 0000-0002-7010-9672
E-mail: shekovav@mail.ru

The 1520s Deeds on the History of Land Relations in the Grand Duchy of Lithuania from the collection 1603 of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)

ABSTRACT. The publication is devoted to the five 1520s deeds that drew up in connection with feudal land ownership in the Lithuanian-Russian state and which are now stored in the collection 1603 "Educational Commission" of the Russian State Archive of Ancient Acts. These sources are important for the study of historical geography and land relations in the Grand Duchy of Lithuania. Publications of the originals of three documents and the 16th – 17th centuries copies of two more documents are presented. Previously, only a copy of one of these deeds was introduced into scientific circulation — the 1523 charter of confirmation from King Sigismund I to boyar M. D. Sharapov for possessions in the cities of Kletsk and Gorodok Davidov, Kletsk povet and Gorodets volost. The following manuscripts are preserved in the original: the 1521 confirmation charter from Sigismund I to Pan Fedko Gavrilovich for land purchased from the Grodno boyar Yuri Kotovich and his brother; the 1521 Sigismund I's charter to the Grodno elder Yu. M. Radziwill with the requirement to conduct a trial of the land conflict between Fedko Gavrilovich and Prince A. M. Kashirsky; the 1523 Sigismund I's charter to the Vilna voivode A. M. Gashtold with the requirement to delimit the possessions of Andrei Khvalkovich and Mikhail Sopega. The following manuscript is preserved in the copy: the 1528 confirmation charter to A. M. Gashtold's wife Sofya Vasilievna (nee Princess Vereiskaya), for the estate she purchased.

KEYWORDS: historical geography, Grand Duchy of Lithuania, feudal land tenure, Educational Commission, land relations

For citation: Deduk A. V., Shekov A. V. [The 1520s Deeds on the History of Land Relations in the Grand Duchy of Lithuania from the collection 1603 of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 1, pp. 52–67. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-52-67 (In Russian).

Received 16 December 2025
Accepted 12 March 2026

© 2026 The Authors

В РГАДА в фонде 1603 «Комиссия Эдукационного фундуша» хранится ряд актов, в целом важных для изучения исторической географии и поземельных отношений в Великом княжестве Литовском и Русском XVI–XVII вв. Большинство из них не введено в научный оборот, хотя они этого, несомненно, заслуживают. Публикация этих источников уже начата исследователями[1]. Представляем вниманию читателя пять сравнительно ранних актов из этого фонда — 20-х гг. XVI в., возникших в связи с феодальным землевладением.

Два из них, оба 1521 г., сохранились как два листа одного дела, в описании которого ошибочно датированы 1522 г.[2] Более ранняя грамота, написанная 9 апреля 9-го индикта (1521 г.), является подлинным подтвердительным (жалованным) «листом» короля и великого князя Сигизмунда I Старого гродненскому городничему пану Федко Гавриловичу на землю, купленную у гродненского боярина Юрия Котовича и его брата (№ 1)[3].

№ 1

[1521 г.] апреля 9 **Торунь**

Подтвердительная грамота короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I гродненскому городничему Федко Гавриловичу на землю, купленную у гродненского боярина Юрия Котовича

Жикгимѡнт, Божю м(и)л(о)стью коро*л* по*л*ски*и*, ве*л*ики*и* кн(я)*з* ли*т*(о)/вски*и*, руски*и*, кн(я)жа пруско҆, жомои*т*ски*и* и иных. /

Билъ нам чоломъ горо*д*ничи*и* городе*н*ски*и* пан ѳедко Гаврилович и повѣдилъ / пере*д* н(а)ми, и*ж* купи*л* ѵ бо҃рина городе*н*ского Юр҃и Котовича и *в* ҆го брата / землицу то*л*ко на четыры бочки на селид҃бѵ. На што *ж* ѡ*н* и листъ / к[у]пчи*и* пере*д* нами вказыва*л*. И би*л* намъ чолом, абыхмо ҆мѵ / на то [д]али н(а)шь листъ и то потвердили ҆му н(а)ши*м* листомъ. / Ино мы *н*[*а*] ҆[г]о чолом*б*ить҆ то вчинили, на то дали ҆му н(а)шь листъ / и то по*т*ьвержа҆*м* ҆мѵ симъ н(а)шимъ листо*м*. Нехаи ѡ*н* то҆ держи*т* водлугъ / купли своее и листо*в* купчихъ. И на то дали ҆смо ҆му се*с* н(а)шь листъ / з нашою печатью. П(и)са*н* в Торѵни, апр(е)*л* 9 / д(е)нь, инд(и)кт 9.

Внизу справа под текстом: Пр(и) *т*(ом) б(ы)*ли* по*д*(скарбий) зе*м*(ский), ма*р*(шалок) и пи*с*(арь), де*р*(жавца) каме*н*(ецкий) / п(а)*н* Б(о)г(у)*ш* Б(о)гови*ти*(нович) а по*д*(скарбий) дв(о)*р*(ный), де*р*(жавца) ве*л*(юнский) / п(а)*н* Ив(а)*н* А*ндр*(еевич). /

Копоть, писарь

РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 2. Подлинник.

Грамота написана на листе бумаги размерами 320 × 210 мм.

Текст грамоты, включая инициал Б, написан черными чернилами, белорусской скорописью своего времени на русском языке, характерном для делопроизводства Великого княжества Литовского и Русского[4]. Размеры инициала 65 × 40 мм. Он выполнен с элементами художественного орнамента. Основная высота букв без элементов 3–4 мм. Расстояние между строками 8–9 мм. Ниже основного текста акта и левее записи о присутствии свидетелей, по центру листа прикреплена прикладная вощаная печать под кустодией. Плохо различимая круглая печать (диаметр 30 мм), очевидно, содержала в центре изображение государственного герба «Погоня» в геральдическом щите и круговую надпись на латинском языке вдоль края. Судя по сравнению с аналогичной печатью на второй грамоте из рассматриваемого дела, но не прикрытой кустодией,

[1] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. Т. 1. С. 27. Прим. 1; № 92В. С. 191; прилож. № 6. С. 674–676; Бондаренко А. А. Потомки Александра Нетши на службе удельных и великих литовских князей // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. М., 2022. Вып. 1. С. 95–97, 105–112. Прилож. 1. № 1–4, 6–9. С. 115–124, 127–133; Дедук А. В., Шеков А. В. Актовые источники по истории полоцких средневековых монастырей из фонда 1603 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск, 2022. Вып. 15. С. 197–211.

[2] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 1, 2.

[3] Там же. Л. 2; Груша А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.). Минск, 2015. С. 136–137.

[4] Карский Е. Ф. Белорусы. Минск, 2006. Т. 2. Кн. 1. С. 78–80.

к обоим актам была приложена малая великокняжеская литовская печать Сигизмунда Старого[5]. Размеры кустодии — 55 × 60 мм. Филигрань на документе отсутствует.

В левом верхнем углу лицевой стороны грамоты почерком XX в. карандашом дважды написано: «1522». На оборотной стороне грамоты вдоль ее правого поля, между двумя центральными старыми сгибами листа вертикально написано по-польски черными чернилами: «apr. 9. Indykta 9. / Hornica[6] / 3. [7-]H h. Pakiet 1.[7]». Почерк, скорее всего, датируется XVIII в. В центре листа в рамках четырехугольника, образованного старыми сгибами листа, перпендикулярно к указанной записи сделана еще одна запись по-польски черными чернилами. Она расположена параллельно строкам основного текста грамоты, но с разворотом на 180°: «3. / List krola J(ego) m(iło)sci Zygmunta dany / potwierdzaczi kuply od pana Koto/wicza kupiono na sadiebę nad Niem/nem. Dany panu Fedku Awrjło/wiczewi. Aprila 9. Indykta 9. 1522[8]. / [9-]W linę folio 71. / Fasci — 24. / Sub lit. — G.[9]». Почерк, вероятно, датируется XVIII в.

Над этой записью, по отношению к ее прочтению, еще в одном четырехугольнике, образованном старыми сгибами листа, написано темно-коричневыми чернилами, белорусской скорописью второй четверти XVI в.[10]: «*лист* ко*р*(оля) Жикгимо*н*та потверже(ный)[11] / на куплю в Котовичо*в*». Запись расположена параллельно строкам основного текста грамоты и с разворотом на 180° по отношению к вышеописанной записи на польском языке. С небольшим отступом от левого поля оборотной стороны грамоты, между двумя центральными старыми сгибами листа вертикально написано коричневыми чернилами почерком XIX в.: «№ 681».

Согласно «листу», Федко Гаврилович купил у Юрия Котовича и его брата землю площадью в четыре бочки, то есть четыре морга[12]. Месторасположение этой земли не указано. Очевидно, она находилась в Гродненском повете, так как была куплена гродненским городничим у гродненского боярина. Федко Гаврилович представил королю купчий «лист» и просил выдать ему подтвердительный «лист» на это владение от имени Сигизмунда. Такой акт и был выдан королем городничему в Торуни в присутствии земского подскарбия Михаила Богуша Боговитиновича и дворного подскарбия Ивана Андреевича[13]. Грамота была написана писарем Копотем, которого звали Михаил либо Сидор Васильевич[14].

Федко Гаврилович, внук пана Мелешко Михайловича, известен по достаточно частым упоминаниям в актах Литовской Метрики как великокняжеский чашник с 1494 г. и городничий г. Гродно с 1496 г. до своей смерти, наступившей около 1523 г.[15] Его предки получали земельные пожалования, в том числе на Волыни, от литовских великих князей Витовта, Свидригайло и Сигизмунда Кейстутовича, от польского короля Казимира IV[16]. Сам Федко Гаврилович активно приобретал

---

[5] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 1; Малая литовская печать Сигизмунда Старого из архива Санкт-Петербургского института истории РАН: внешняя характеристика и технологический анализ / Носова Е. И. [и др.] // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2019. Вып. 4. С. 11–27.

[6] Слово подчеркнуто.

[7-7] Подчеркнуто.

[8] Номер года подчеркнут и зачеркнут.

[9-9] Зачеркнуто.

[10] «Для лепшое твердости…»: пергаментныя дакументы перыяду Вялікага Княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (1391–1566 гг.) / уклад.: Я. С. Глінскі, А. А. Жлутка, Д. В. Лісейчыкаў. Мінск, 2018. Ілюстрацыі. № 12–14, 16–18, 20.

[11] Последняя буква написана около сгиба и прочтена предположительно. Курсивом переданы выносные буквы.

[12] Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. С. 219.

[13] Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków, 1885. S. 185, 191; Груша А. І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 147–148.

[14] Груша А. І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага... С. 148; «Для лепшое твердости…» С. 47. Заўв. 7.

[15] Wolff J. Op. cit. S. 208; РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 195, 262, 304, 317; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., [1915]. Кн. 21. С. 47. № 194; С. 68. № 435; С. 159. № 223, 224; С. 205. № 146; С. 212. № 236; С. 237. № 30; С. 266. № 98; АЗР. М., 2018. Вып. 1: 6-я книга записей Литовской метрики: Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика. 1494–1506 гг. 2-е изд. № 38. С. 67; № 46. С. 72; № 64. С. 86; № 66. С. 87–88; № 89. С. 108–109; № 189. С. 168; № 428. С. 334–335; № 529. С. 414–416, 667; LM. Kn. Nr. 5 (1427–1506) / Par. E. Banionis. Vilnius, 1993 (1994). P. 362; Kn. Nr. 8 (1499–1514) / Par. A. Baliulis. Vilnius, 1995. P. 579; Kn. Nr. 9 (1511–1518) / Par. K. Pietkiewicz. Vilnius, 2002. № 151. P. 145–146; № 241. P. 188; № 559. P. 309–310; LM. Kn. Nr. 10 (1440–1523) / Par. E. Banionis, A. Baliulis. Vilnius, 1997. № 30. P. 51; Kn. Nr. 12 (1522–1529) / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 2001. № 98. P. 174; Груша А. И. Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV — первая треть XVI в.). М.; СПб., 2019. С. 154.

[16] АЗР. 2018. Вып. 1. № 189. С. 168; № 529. С. 414.

земельные владения, преимущественно в Гродненском и Слонимском поветах, путем покупок и королевских пожалований[17].

Юрий Котович упомянут в Литовской Метрике уже в 1509 г., а в марте 1514 г. власти подтвердили его владение «пустым» земельным участком в Гродненском повете, купленным ранее его отцом, и предоставили в пользование еще одну «землю пустую» в том же повете[18]. Возможно, землю «на имя Хлябовщина», купленную его отцом, гродненский боярин и продал позже вместе с братом городничему Федко Гавриловичу[19]. Предположительно, Юрий происходил из семьи слонимских дворян панов Котовичей, известных по судебному разбирательству 1501 г.[20] В переписи литовско-русского войска 1528 г. в списках гродненских и слонимских бояр Котовичи отсутствуют[21]. Паны Котовичи записаны в этом реестре и в более раннем — 1512 г. — от Волынской земли[22]. Возможно, род Юрия Котовича происходил из этого региона.

Вторая грамота из указанного дела, более поздняя, от 25 ноября 10-го индикта (1521 г.), также была составлена в связи с землевладельческими интересами гродненского городничего пана Федко Гавриловича (№ 2)[23]. Это — подлинный известительный «лист» короля и великого князя Сигизмунда I гродненскому старосте Юрию Миколаевичу Радзивиллу с требованием провести судебное разбирательство поземельного конфликта между названным городничим и великокняжеским маршалком князем Андреем Михайловичем Каширским[24]. Публикации этого акта также нам неизвестны.

№ 2

[1521 г.] ноября 10 **Петриков**

Известительная грамота короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I гродненскому старосте Юрию Миколаевичу Радзивиллу с требованием провести судебное разбирательство поземельного конфликта между гродненским городничим Федко Гавриловичем и князем Андреем Михайловичем Каширским

Жикгимо*нт*, Бо*жю* м(и)л(о)*с*тью коро*л* по*л*ски*и*, ве*ли*ки*и* кн(я)*з* ли*т*(о)/вски*и*, руски*и*, кн(я)жа пруское, жомои*т*ски*и* и иных. /

Сстаросте городе*н*скому па*н*у Юрию Миколаевич҃ Ра*ди*виловича. Присыла*л* да нас, жа/л҃ючи, городничи*и* городе*н*ски*и* па*н* ѻ҃едко Гаврилович ѡ то*м*, што *ж* де*и* ему кривды с҃ ве*ли*/кии дѣ҃ют в земл҃ах ѡ*т* маршал҃ка н(а)шого кн(я)з҃ А*н*дрѣ҃и Кошир*ск*ого(о). Ино па*н* ѻ҃ед҃ко взя҃л в нас / съ своее р҃ки на тое дѣ҃ло суд҃ами твою м(и)л(о)*с*ть, а кн(я)зь А*н*дре*и* кого похоче*т*, то*г*(о) неха*и* со/бѣ҃ съ своее р҃ки суд҃ами ѡзме*т*. И ко*г*(о) ѡ*н* на то҆ дѣ҃ло съ своее руки с҃уд҃ами ѡзме*т*, / ажбы твоѭ м(и)л(о)*с*ть с тыми е*г*(о) суд҃ами, поспо*л* с҃ згодавш[и –?], и ро*к* подобныи / положили, и их ѡбосла*ли*, и *на* тыи земли выеха*ли*. И ѡ то*м* бы твоѭ м(и)л(о)*с*ть / меж ини досмотре*л* и справе*д*ливость тому вчини*л*. А мы до не*г*(о) писа*ли*, / ажбы ѡ*н* на то*т* ро*к* на тыи земли суде*и* св[оих пр]ыве*л* и са*м* на року ста*л*, и права / был послушо*н* во все*м*. А до права бы твоѭ м(и)л(о)*с*ть кн(я)зю А*н*дрѣ҃ю приказа*л*, / ажбы ѡ*н* в тыи земли ничи*ми* с҃ не вступа*л*, а которое бы ем҃ было до пана / ѻ҃ед҃ка дѣ҃ло, того бы ѡ*н* неха*и* пере*д* твоею м(и)л(о)*с*тью на не*м* право*м* искалъ. /

П(и)са*н* в Петркове, но҃*б*(ря) 25 де*н*, инди*к*(т) 10.

Внизу справа под текстом подпись: Копоть, писарь

РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 1. Подлинник.

---

[17] Там же. № 529. С. 414–416; LM. Kn. Nr. 8. № 223, 224. P. 203–204; № 617. P. 458; Kn. Nr. 9. № 241. P. 188; № 559. P. 309–310; Kn. Nr. 10. № 30. P. 51.

[18] LM. Kn. Nr. 8. № 558. P. 409; Kn. Nr. 9. № 287. P. 205; № 491. P. 279; Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem księstwe Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 150.

[19] LM. Kn. Nr. 9. № 491. P. 279.

[20] РИБ. Т. 27. № 172. Стб. 696–697; АЗР. 2018. Вып. 1. № 355. С. 290–291.

[21] Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1 / Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. Мінск, 2003. С. 94–96, 98–99.

[22] Там же. С. 52, 53, 151, 255; LM. Kn. Nr. 8. № 158. P. 163; Boniecki A. Op. cit. S. 150.

[23] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 1.

[24] Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 437–438; Груша А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского… С. 128–133.

Грамота написана на листе бумаги размерами 320 × 210 мм. Утрачен фрагмент листа без текста в нижней левой части.

Текст грамоты, включая инициал С, написан черными чернилами, белорусской скорописью своего времени на русском языке, бытовавшем в делопроизводстве Литовско-Русского государства. Высота инициала 40 мм. Основная высота букв без элементов 3–4 мм. Расстояние между строками 9–10 мм. Ниже основного текста акта и левее подписи писаря, по центру листа прикреплена прикладная вощаная печать красного цвета. Она имела круглую форму (диаметр 30 мм), но сейчас частично разрушена. В центре печати — изображение государственного герба «Погоня» в геральдическом щите, вдоль края — круговая надпись: «S [SI]GISMUN. DE[I] GRA. MAGI. DUC LITUA». Как уже отмечено, к акту была приложена малая великокняжеская литовская печать Сигизмунда I[25]. Чуть ниже и правее печати сохранилось пятно клея размерами 20 × 25 мм. Филигрань на документе в виде шестиконечного креста имеет аналоги на бумагах 1526, 1527 гг.[26]

В левом верхнем углу лицевой стороны грамоты почерком XX в. карандашом написано: «1522». В центре оборотной стороны листа, в рамках четырехугольника, образованного старыми сгибами, была сделана запись по-польски черными чернилами. Она состояла из 11 строк, расположенных параллельно строкам основного текста грамоты. Однако она выцвела и плохо различима. Почерк записи, вероятно, следует датировать XVIII в. Еще ниже темными чернилами, почерком XVIII в. написана цифра 2, схожая с буквой Z, а под ней темно-коричневыми чернилами, почерком XIX в. — «№ 8/1».

Ю. М. Радзивилл был гродненским старостой в 1514–1541 гг.[27] Князь А. М. Каширский принадлежал к роду князей Сангушек, основное землевладение которых находилось на Волыни. В источниках именовался по своему родовому владению — Каширску[28] (соврем. г. Камень-Каширский в Волынской области Респ. Украина). В 1510 г. король Сигизмунд I подтвердил князю Андрею Михайловичу «Сонкгушковича» владение ранее пожалованными землями — Пацутовщиной и Матеевщиной — в Гродненском повете. Одна земля была пустошью, а на второй — жил свободный крестьянин[29]. Две пустоши в том же повете — Матейковщина и Ондровщина — были предварительно пожалованы королем тому же князю весной 1522 г.[30]

На современной карте Белоруссии в границах Гродненского повета второй половины XVI в. есть только одна д. Матейковщина. Она находится в 22 км к северо-западу от г. Волковыск в верховьях р. Веретейка (правый приток р. Свислочь — левый приток р. Неман)[31]. В 21 км к северо-западу от этой деревни расположена д. Матеевичи. Она находится в правобережье р. Свислочь (левый приток р. Неман) также в границах Гродненского повета второй половины XVI в.[32]

Как следует из публикуемой грамоты, она была составлена в итоге жалобы городничего Федко Гавриловича королю на нарушения границ его владений в Гродненском повете князем А. М. Каширским. Владения указаны как «тыи земли». Вероятно, они граничили с владениями князя, возможно, с известными по указанному подтверждению 1510 г. «Лист» был написан писарем Копотем. Обратим внимание, что из родов волынских землевладельцев происходили не только князь А. М. Каширский, пан Федко Гаврилович, но и, вероятно, боярин Юрий Котович, то есть землевладельцы Гродненского повета.

Следующая публикуемая грамота (№ 3) также является подлинным известительным «листом» короля и великого князя Сигизмунда I виленскому воеводе, бельскому и мозырскому старосте Альбрехту Мартиновичу Гаштольду от 6 октября 1523 г. с требованием провести окончательное

---

[25] Малая литовская печать Сигизмунда Старого… С. 11–19.

[26] Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. T. 1. P. 240. № 1787; T. 2. P. 199. № 1787.

[27] Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 63, 149–150, 154, 179, 289; Boniecki A. Op. cit. S. 277–278; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 2002. Т. 6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / сост. М. М. Кром. С. 8–9; Насевіч В. Гарадзенскі павет // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск, 2005. Т. 1. С. 505.

[28] Boniecki A. Op. cit. S. 295–296; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 422, 437–441.

[29] Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie, wydane przez Br. Gorczaka. We Lwowie, 1890. T. 3. № 104. S. 77–78.

[30] Там же. № 234. S. 225.

[31] Насевіч В. Гарадзенскі павет. С. 505; Республика Беларусь. Гродненская область. Общегеографический атлас. [Минск, 2007]. С. 16; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Мінск, 2009. Т. 1. С. 123.

[32] Там же.

разграничение владений великокняжеских дворян Андрея Хвалковича (Фалковича) и Михаила Сопеги[33]. Публикации акта нам неизвестны.

№ 3

1523 г. октября 6 **Краков**

Известительная грамота короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I бельскому старосте Альбрехту Мартиновичу Гаштольду с требованием провести окончательное разграничение владений великокняжеских дворян Андрея Хвалковича (Фалковича) и Михаила Ивановича Сопеги

Жикгимѡнт, Божю м(и)л(о)стью коро*л* пол*ски*и, ве*ли*ки*и* кн(я)з *лит*(о)/вски*и*, руски*и*, кн(я)жа пруское, жомои*т*ски*и* и иных. /

Воєводѣ виле*н*ском҃, канцлѣрю н(а)шом҃, старосте бе*л*ском҃ и мозы*р*ском҃ пану Ѡ*л*брахт҃ / Мартиновичу Кгашто*л*ту. Жалова*л* на*м* дворѧни*н* нашь пан Андрѣ*и* Хва*л*кович / на дворѧнина нашого пана Миха*ил*а Сопѣжича ѡ томъ, што *ж* де*и* / твоѧ м(и)л(о)сть на спра*в*у до ни*х* выєзди*л* и конец твоѧ м(и)л(о)сть пр[о]ме*ж*ку и*х* вдѣла*л*, гдѣ / жь де*и* з росказа*н*ѧ твоее м(и)л(о)сти и ма*р*шало*к* твоее м(и)л(о)сти там выезди*л* и гра/ници в нѣкоторы*х* мѣстцо*х* подѣла*л*. И Сопѣжич пе*р*ве*и* сего присы*н*ла*л* до нас, / повѣдаючи, и*ж* бы [А]*н*дрѣ*и* Ѳ҃а*л*кович тот выездъ твоее м(и)л(о)ст[и] [откла]дывае*т*[34]. Ино тым*и* / разы Андрѣ*и* Хва*л*кович бы*л* в нас и повѣди*л* пере*д* нами, [што][35] того суда твоее м(и)л(о)сти / сѧ держит[36] про то и тепере, абы твоѧ м(и)л(о)сть та*м* *д*[в]ор*ѧ*ника[37] своє*г*(о) выска*л* / и Миха*ил*а Сопѣжича ѡбосла*ти* каза*л*, абы в то*т* час там ж бы*л*, и водле пе*р*во*г*(о) / суда своего каза*л* ѡграничи*ти* и тому справе*д*ливость наконе*ц* вчини*ти*, / жебы ѡ*н* ѡ том нам бо*л*ши то*г*(о) не жалова*л*.

П(и)са*н* ѡ Краковѣ по*д* лѣ*т*(о) / Бо*ж*(его) наро*ж*(енья) 1000 пѧ*т*со*т* 23, м(е)*с*(е)ца ѡ*к*(тября) 6, и*н*ди*к*(т) 12.

Внизу справа под текстом: Гѡрно*ст*а*и*, писа*р*

РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Ед. хр. 3. 1 л. Подлинник.

Грамота написана на листе бумаги размерами 205 × 305. Нижний край листа неровно изорван.

Текст грамоты, включая инициал В, написан черными чернилами, белорусской скорописью своего времени на русском языке, использовавшемся в делопроизводстве Литовско-Русского государства. Высота инициала 43 мм. Основная высота букв без элементов 2–4 мм. Расстояние между строками 8–9 мм. Ниже основного текста акта и левее подписи писаря, по центру листа прикреплена прикладная вощаная печать под кустодией. Плохо различимая круглая печать (диаметр около 30 мм), очевидно, содержала в центре изображение государственного герба «Погоня» в геральдическом щите и круговую надпись на латинском языке вдоль края. К акту была приложена малая великокняжеская литовская печать Сигизмунда I. Размеры кустодии 67 × 65 мм. Ее верхний угол закрывает часть двух нижних строчек грамоты, которые можно прочесть полностью при отгибе угла. Ниже нижнего угла кустодии на листе сохранилось пятно клея размерами 20 × 15 мм. Филигрань на документе отсутствует.

В левом верхнем углу лицевой стороны грамоты почерком XX в. карандашом написано: «1523». В центре оборотной стороны грамоты в рамках четырехугольника, образованного старыми сгибами листа, параллельно строкам основного текста акта черными чернилами сделаны записи по-польски: «1523. xbra 6. Indykta[38] 12. / Hornica[39] / List Je° Kr(olewskiej) M(iłosci) Zygmuntu Je° m(iłosci) / P(anu) Mcle[40] Falkowiczu do Panu / woiewody wilenskie° aby s Panem / Sapiezyczem

[33] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Ед. хр. 3. 1 л.

[34] Буквы в скобках восстановлены предположительно.

[35] Слово восстановлено предположительно.

[36] Буква «т» написана с помаркой.

[37] Sic.

[38] Сверху по буквам nd черными чернилами жирно написана крупная цифра 4.

[39] Слово подчеркнуто.

[40] Эти четыре буквы зачеркнуты.

o grunicze mu skon/czyt w hornicy 1524[41] msca xbra / d(nia) 6 indykta 15. / [42-]W linę folio 71. / Fasci — 24. / Sub lit. — G.[42]». Почерк, вероятно, датируется XVIII в.

Еще ниже, между нижним горизонтальным старым сгибом листа и двумя вертикальными сгибами, параллельно приведенной записи написано темно-коричневыми чернилами, почерком XIX в.: «№ 9/1». Строкой ниже черными чернилами и почерком, вероятно, XVIII в. — «4[43-]Hh Pakiet. 1[43]».

Акт указанного содержания был направлен А. М. Гаштольду, очевидно, в качестве старосты бельского[44]. Где находились владения, подлежавшие разграничению, в грамоте не оговорено. Однако из сохранившейся в 12-й книге записей Литовской Метрики копии другого акта по этому делу от 27 июня 1525 г. следует, что речь шла о размежевании леса и болота между имением Михаила Ивановича Сопеги — Ботки и имением Андрея Хвалковича — Андриянчичи[45]. Ботки и, вероятно, Андриянчичи относились к Бельскому повету, располагаясь примерно в 10 км к юго-западу от г. Бельск[46]. Спорные неугодья находились у впадения р. Нурчик в р. Нужец (правый приток р. Западный Буг) — «где Нурец у Нур упал» — на границе с Дорогичинским поветом[47]. В размежевании также принимал участие мельницкий староста[48].

В 1509, 1510 гг. Андрей Хвалкович получал королевские денежные пожалования. Один раз — из винных доходов г. Дорогичина в Подляшье, а второй — в числе землевладельцев Смоленской земли, очевидно, утративших владения в итоге военных действий Русского государства[49]. Согласно реестру литовско-русских дворян Сигизмунда I 1512 г., Андрей Хвалкович («Фалкович») имел имение «в Белицы»[50]. В начале XVI в. центром Белицкого повета был двор Белица, расположенный на р. Неман, примерно в 35 км к северо-западу от г. Новгородка (Новогрудка)[51]. Возможно, имение следует локализовать по д. Фальковичи, расположенной в 10 км к северо-западу от современного агрогородка, бывшей деревни Белица на р. Неман[52].

В 1526 г. дорогичинский подстароста должен был еще раз рассмотреть спорное дело о бортных владениях между подляшскими бельскими земянами Выгоновскими и дворянином Андреем Хвалковичем (Фалковичем)[53]. В переписи литовско-русского войска 1528 г. пан Андрей Хвалкович, выставлявший на службу 8 всадников, упомянут в одном списке «второго реестру» вместе с паном Михаилом Ивановичем Сопегой, который «мает ставити 47 коней»[54]. Последний был сыном известного сановника Ивана Семеновича Сопеги, происходившего из бояр Смоленской земли[55]. Занимая в 1514–1517 гг. должность подляшского воеводы, Иван Семенович приобрел на территории Подляшья ряд владений[56]. Королевский привилей на имение Ботки в Бельском повете он получил еще в сентябре 1509 г.[57] К концу 1512 г. И. С. Сопега выменял соседнее

---

[41] Первоначально было написано «1523», затем поверх последней цифры жирно написана цифра 4.
[42-42] Зачеркнуто.
[43-43] Подчеркнуто.
[44] Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 36, 45, 58, 73, 160, 289; Boniecki A. Op. cit. S. 57–60.
[45] LM. Kn. Nr. 12. № 483. P. 384.
[46] LM. Kn. Nr. 224 (1522–1530) / Par. S. Lazutka. Vilnius, 1997. № 472. P. 380–381; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 133.
[47] LM. Kn. Nr. 12. № 483. P. 384; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 133.
[48] LM. Kn. Nr. 12. № 483. P. 384.
[49] LM. Kn. Nr. 8. № 558. P. 408; № 575. P. 425; Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства... С. 368–369.
[50] LM. Kn. Nr. 8. № 158. P. 163.
[51] АЗР. 2018. Вып. 1. № 20. С. 52–53; № 463. С. 360; № 467. С. 362, 598; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 124; Шеков А. В. Об одной королевской грамоте 1510 г. в связи с историей политической иммиграции в Московское государство // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV — XVII веке. М.; Калуга, 2020. С. 625.
[52] Республика Беларусь. Гродненская область. Общегеографический атлас. С. 13.
[53] LM. Kn. Nr. 14 (1524–1529) / Par. L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius, 2008. № 803 (705). P. 332.
[54] Памятники истории Восточной Европы. Т. 6. С. 39, 41; Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. С. 51, 53.
[55] LM. Kn. Nr. 10. № 55. P. 68; Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 42, 86, 197, 255–257, 262–263, 313–314; Boniecki A. Op. cit. S. 305, 306; Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV — первая половина XVI в. Тула, 2016. С. 109, 270; Шеков А. В. Политическая история и историческая география Верховских княжеств. Середина XIII — середина XVI в. М., 2018. С. 217–218; Он же. К вопросу о землевладении в Смоленской земле и Мстиславском княжестве XV в. // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 4. С. 31, 33.
[56] Варонін В. Іван Сямёнавіч і Іван Багданавіч Сапегі: дзве кар'еры на фоне эпохі // Сапегі: асобы, кар'еры, маёнткі: зб. навук. арт. Мінск, 2018. С. 10.
[57] LM. Kn. Nr. 8. № 585. P. 431–433.

одноименное село Ботки Мельницкого повета «на реце на Нуре» у местных земян[58]. Именно оно граничило с землями великокняжеских «людей» Андриянчичей[59]. Бельское староство, которым распоряжался А. М. Гаштольд, входило в состав Подляшского воеводства, к которому относился и Мельницкий повет[60]. Владения А. Хвалковича, которые Гаштольд должен был окончательно разграничить с владениями М. И. Сопеги, находились на стыке территорий Бельского, Дорогичинского и Мельницкого поветов Подляшского воеводства[61].

В 1533 г. Андрей Хвалкович был бельским войским и подстаростой, а в 1545–1554 гг. — дорогичинским старостой[62]. Дорогичинское староство относилось к центральным владениям Подляшского воеводства[63]. Любопытно, что одна из дочек Хвалковича стала женой Михаила Ивановича Сопеги — полного тезки и двоюродного племянника упомянутого М. И. Сопеги[64]. Еще одна дочь А. Хвалковича была супругой известного администратора Станислава Фальчевского, проводившего в 1552–1555 гг. капитальную ревизию бывших Пинского и Клецкого княжеств в имениях королевы Боны[65].

Грамота от 6 октября 1523 г. была написана писарем Иваном Астафьевичем Горностаем[66]. На следующий день он написал еще один королевский подтвердительный «лист» А. Хвалковичу на владение тремя пустошами в Слонимском повете в районе Хмельницы, расположенной примерно в 17 км к юго-западу от центра повета[67]. Однако спорное дело о размежевании владений продолжалось еще в 1524–1525 гг. Примерно осенью 1524 г. король писал А. М. Гаштольду о необходимости назначить новый срок для судебного разбирательства между А. Хвалковичем и М. И. Сопегой[68]. Позже «тот Михайло Сопежич тое именье свое Ботки променял брату своему Федору Ивановичу Сопежича, и Федор Сопежич тыи границы Анъдрею Фалковичу показил и копцы раскопал»[69]. В мае 1525 г. Сигизмунд I отправил уже Федору Ивановичу Сопеге два «листа» с требованиями соблюдать установленные границы между владениями А. Хвалковича и брата Федора — Михаила, не раскапывать «тыи границы», вернуть пану Андрею уведенных у него стадо коней и скот, явиться на суд виленского воеводы А. М. Гаштольда по поводу указанного грабежа, поручиться в соблюдении тех границ и отказе от разбоя деньгами и не создавать королю хлопот[70]. «Федор Сопежич тыи границы и копъцы зася Андрею Фалковичу направил» по ранее установленным рубежам, которые были подтверждены королевским «листом» от 27 июня 1525 г. Эта грамота, как и майские «листы», была также написана писарем И. А. Горностаем[71].

Следующий публикуемый акт — список второй половины XVII в. подтвердительного (жалованного) «листа» короля и великого князя Сигизмунда I Старого клецкому боярину Михаилу Дмитриевичу Шарапову на земельные владения в городах Клецке и Городке Давидове, Клецком повете и Городецкой волости от 25 мая 1523 г. (№ 4)[72]. Кроме приведенных чисел, акт датирован 10-м индиктом, хотя 25 мая 1523 г. соответствует 11-му индикту.

Этот королевский привилей опубликован А. А. Бондаренко по списку конца XVI в. в составе 38-й книги записей Литовской Метрики[73]. Кроме того, исследователь привел указание на список 1677 г. этого акта в фонде 1603 РГАДА среди документов, связанных с родом Бакановских, потомков

[58] LM. Kn. Nr. 7 (1506–1539) / Par. I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius, 2011. № 319. P. 543–544; № 321. P. 545–546.
[59] Там же. № 319. P. 543; № 321. P. 546.
[60] Пазднякоў В. Бельскі павет // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск, 2005. Т. 1. С. 310; Он же. Падляшскае ваяводства // Там же. 2006. Т. 2. С. 384–385.
[61] Пазднякоў В. Падляшскае ваяводства. С. 384. Карта (Мапа).
[62] Boniecki A. Op. cit. S. 54.
[63] Пазднякоў В. Падляшскае ваяводства. С. 384–385.
[64] Boniecki A. Op. cit. S. 54, 304.
[65] Boniecki A. Op. cit. S. 53, 54; Уланов В. Я. Волочная помера и устава и ее значение в истории Литовско-Русского государства. Минск, 2005. С. 67.
[66] Груша А. І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. С. 150–152.
[67] LM. Kn. Nr. 12. № 239. P. 253; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 124.
[68] LM. Kn. Nr. 14. № 457 (392). P. 193.
[69] LM. Kn. Nr. 12. № 483. P. 384.
[70] LM. Kn. Nr. 14. № 756 (659), 757. P. 309–310; Boniecki A. Op. cit. S. 305–306.
[71] LM. Kn. Nr. 12. № 483. P. 384.
[72] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 13. Д. 1. Л. 1–1 об.
[73] Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 101, 116; № 3. С. 120–122.

М. Д. Шарапова[74]. Нами публикуется еще один, третий, список грамоты, хранящийся в том же фонде. В нем правильно переданы топонимы, искаженные в списке Литовской Метрики. Село Кошманчичи в Клецком повете, известное по подлинной подтвердительной грамоте 1507 г. князя Федора Ивановича Ярославича М. Д. Шарапову, в списке конца XVI в. ошибочно указано как Косманчичи в Селецком повете либо как Кослинчичи[75]. Кроме того, есть и другие небольшие разночтения. Публикуемый список позволяет более точно восстановить текст подлинного привилея 1523 г.

№ 4

1523 г. мая 25 **Вильно**

Подтвердительная грамота короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I клецкому боярину Михаилу Дмитриевичу Шарапову на двор и огород в г. Клецке, имение Сухличи, поселение Раков с дополнительными землями, земли 4-х крестьян в с. Кошманчичи с доходами от них в Клецком повете; двор и земельный участок в г. Городок Давидов, дворец Векаревичи в волости этого города без охотничьих и промысловых угодий

(л. 1) **Ж**ыкгимо*нт*ъ, Божъю м(и)л(о)[*с*]тю коро*л* по*л*ски*и*, велики*и* кн(я)зь *лит*(о)/вски*и*, р*ѹ*ски*и*, кн(я)жа пр*ѹ*ское, жомои*тс*ки и инъныхъ. /

Чиним[I] знаменито си*м* н(а)ши*м* ли*с*то*м*, хто на не*г*(о) посмотри*т* або, чтучи е*г*(о), *ѹ*слыши*т*, / н(ы)н*ѣ*шни*м* и пото*м* буд*ѹ*чи*м*, кому б*ѹ*де*т* потреба то*г*(о) в*ѣ*дати. Билъ на*м* / чоло*м* бо*т*ринъ клецки*и* Миха*и*ло Дмитреевич Шарапов[II] и поведи*л* пере*д* / нами, ижъ кн*т*з Ива*н* Їѵ*р*ославич далъ ем*ѹ* име*н*е в Клецкомъ повете / на и*м**т* Сухличы[III] зъ лю*д*ми и *з* их*ъ* земл*т*ями [IV-]и ѡстро*в* Раков[IV] те*ж* з лю*д*ми, што / пере*д* тымъ де*р*жалъ Венедокъ, и к тому зе*м*ли, што Коле*н*ко де*р*жалъ. / Которо*ю* *ж* данин*ѹ* сы*н* его, кн*т*з ѳедо*р* Їѵ*р*ославич, ем*ѹ* ли*с*то*м* свои*м* потве*р*ди*л*, / а к тому кн*т*з ѳедо*р* далъ ем*ѹ* дворе*ц* сво*и* *ѹ* Горо*д*ку на и*м**т* Векаревичи со *в*сими, / ничо*г*(о) на себе не ѡста[V-]влаючы[V], ни*ж*ли о*д*но вын*т*л на се*б*е с то*г*(о) дво*р*ца ловы зверы/ны*и* и бобровыи гоны.

А к том*ѹ* да*л* ем*ѹ* та*м* же *ѹ* Клецкомъ пов*ѣ*сте чотыри[VI] / челов*ѣ*ки сво*и* *ѹ* сел*ѣ* в Ко*ш*манъчичо*х* на и*м**т* Копачевича а Влазовича, а И/гната, а Сал*ѣ*евича и *з* земл*т* их, и со въси*м* с тым, што к тым люде*м* и земл*т*а*м* / здав*н*а пр*ѹ*сл*ѹ*хало, и ме*с*це *ѹ* Горо*д*ку, а дво*р* *ѹ* м*ѣ*сте городе*ц*комъ. И на то е/му кн*т*з ѳедо*р* листъ сво*и* на пар*к*амене по*д* завеси*с*тою печа*т*ю дал. И мы пе*р*веи / сего, еще за живота кн*т*зя ѳедорова, то*т* ли*ст* его нашою влас*н*ою р*ѹ*кою госпо/дар*с*кою по*д*писали, которы*и* жо ѡ*н* ли*ст* небо*ж*чика кн*т*зя ѳедоро*в* с под*п*ису / р*ѹ*ки нашое пере*д* нами вказыва*л* и би*л* намъ чоло*м*, абыхмо ем*ѹ* на то дали / на*ш* ли*ст* и потве*р*дили то ем*ѹ* н(а)ши*м* ли*с*томъ на вечно*ст*.

Ино мы з ласки нашое / на е*г*(о) чоло*м*би*т*е то вчинили и то дали ем*ѹ* се*с* нашъ ли*ст*. И то все, ка*к* вышеи / в се*м* н(а)шо*м* ли*с*те выписано, потве*р*жае*м* си*м* наши*м* ли*с*то*м* в*ѣ*чно ем*ѹ* самому / и е*г*(о) жоне, и дете*м*, и напото*м* буд*ѹ*чи*м* ща*д*комъ и*х* со *в*сими тыми лю*д*ми вы/ше*и*мененые и и*з* их*ъ* всими земл*т*ами па*ш*ными и бо*р*тными, и *з* сеножа*т*ми, / и *з* га*и* и лесы, и д*ѹ*бровами, и *з* ловы зверыными и пъташими, и с озери, и *з* река*м*и, / и *с*тавы з млыны, их*ъ* выме*л*ки и бобровыми гоны, и *з* сл*ѹ*жбами, и *в*ходы всими ты*х* лю/де*и* и дво*р*ца В*ѣ*карович, и ме*с*ца в Горо*д*ку, и двора в ме*с*те городе*ц*комъ и з да*н*ми / грошовыми и медовыми, и б(о)бровыми, и куни*ч*ными, и з д*т*а*т*лы[VII] ѡ*р*жаными / и ѡ*в*с*т*аными, и со *в*сими иными платы и доходы, и пожы*т*ки ты*х* люде*и* и зе*м*ль, / и дворо*в*, и ме*с*ть, и со въсе*м* тым, ка*к* с*т* ты*и* земли вышеи*м*ененые и ѡстровъ // (л. 1 об.) Раковъ, и дворе*ц* *ѹ* Гаро*д*ку, и люди в Кошъманъчичохъ,и дво*р* *ѹ* поръкане / клецкомъ, и ѡгоро*д* за по*р*каномъ, и ме*с*це*м* *ѹ* Горо*д*ку, и дво*р* *ѹ* ме*с*те городе*ц*ко*м* здав*н*а / в собе с*т* м*ѣ*ли иные[VIII] мают по*д*ле данины и ли*с*ту кн*т*зя ѳедора Ивановича / Їѵ*р*ославича.

---

[74] Там же. С. 94–95, 122 (Ф. 1603. Оп. 4. Д. 3507. Л. 6–7).

[75] Там же. № 1. С. 118; № 3. С. 121.

[I] На поле слева от слова черными чернилами написано: «wtory».

[II] После выносного «в» над строкой более блеклыми чернилами написано: «Бакан».

[III] На поле слева от строки черными чернилами написано: «Suchlicze».

[IV-IV] Подчеркнуто более блеклыми чернилами.

[V-V] Буквы написаны в итоге исправления.

[VI] Буква «ч» написана с помаркой.

[VII] Sic. Правильно – «д*т*клы».

[VIII] Sic. Очевидно должно быть «ныне».

И волен ѡн тамъ прибавити и росшырити, и ку своемѵ лепъ/шому и въжыточъномѵ ѡбернути, какъ сам налепеи розѵмеючы. А на / твердость тог(о) и печат нашѵ казали есмо привесит к семѵ нашомѵ листу. /

При том были панове рады: воевода троцкии, гетман великии, староста / бреславскии, веницкии кнѧз Костантинъ Иванович Ѡстроскии; воевода виле[н]скии, державъца мозырскии панъ Ѡлбрахтъ Мартинович Кгашътолтъ; марша/лок земъскии, воевода новгородскии, державъца мерецкии и довкговскии панъ / Ꙗнъ Ꙗнович Заберезенскии; маршалокъ дворныи, староста берестеискии / и ковенскии, и лидскии пан Юрии Иванович Илынича.

Писан ѵ Вилни под лѣты / Божог(о) нароженѧ тисѧча пѧтсот двадцат третего, м(е)с(е)ца маѧ двадцат пѧтого / днѧ, инъдыкта десѧтого. [IX-IX] M(a)n(u) p(ropria)[IX]

РГАДА. Ф. 1603. Оп. 13. Д. 1. 1 л. Список второй половины XVII в.

Список написан на листе бумаги размерами 195 × 335 мм.

Текст списка, включая инициалы Ж и Ч, написан черными чернилами, белорусской скорописью XVII в. на русском языке, бытовавшем в Речи Посполитой[76]. Высота инициала Ж 18 мм. Высота инициала Ч 30 мм. Он выполнен с элементами художественного орнамента. Основная высота букв без элементов 2–4 мм. Расстояние между строками около 7 мм. Филигрань на листе в виде дуба имеет аналоги на бумагах 1668, 1672 гг.[77]

На обороте листа ниже горизонтального сгиба, расположенного примерно по его середине, и между двумя вертикальными сгибами, ограничивающими примерно третью четверть листа, считая от левого края, написано темно-коричневыми чернилами по-польски: «drugi krola / Zygmonta St° 1520». Почерк датируется XVIII в. Запись расположена параллельно основному тексту списка. Ниже еще одного горизонтального сгиба, в нижней правой примерно 1/8 доли листа, перпендикулярно основному тексту списка написано черными чернилами по-польски: «Zygmuntowska appro/bata. / Kopie ruskie Jch. w(ielmożnosci) PP Bakanowskich przy/wilejow». Почерк датируется XVIII в. Ниже черными чернилами, но другим почерком — «Suchliczi ostrov Rakow». Почерк датируется XVIII–XIX вв.

В нижней левой, примерно, 1/8 доли листа также перпендикулярно основному тексту списка почерком XVIII в. черными чернилами написано: «1523 May 25 / Indykta 10». В левом нижнем углу листа почерком XX в. карандашом написано: «№ 1».

Список был сделан с грамоты, которой король Сигизмунд I подтверждал боярину М. Д. Шарапову право собственности на ряд земельных владений, полученных им от полуудельных клецких и городецких князей Ярославичей, потомков удельных князей московского дома[78]. Михаил Дмитриевич Шарапов был одним из старших бояр князей Ивана Васильевича Ярославича и его сына — князя Федора. В конце XV в. он, очевидно, служил князю Василию Михайловичу Верейскому, с которым «съехал» в 1483 г. на службу в Литву из Московской Руси[79]. Происхождению боярина и истории его потомков в XVI–XVII вв. посвящена обстоятельная статья А. А. Бондаренко[80].

Михаил Дмитриевич «Шарап» назван вторым среди бояр, бывших свидетелями при выдаче жалованной грамоты Дмитриевскому собору в Городке Давидове (современный г. Давид-Городок в Брестской области Респ. Беларусь) князем И. В. Ярославичем и его сыном Федором весной 1507 г.[81] В трех жалованных грамотах князя Ф. И. Ярославича Лещанскому монастырю около г. Пинск, составленных весной 1520 г., Михаил Дмитриевич назван третьим среди бояр князя, выступавших свидетелями актов[82]. После смерти князя Ф. И. Ярославича, предположительно весной 1522 г., его

[IX-IX] Помета писаря XVII в.: «Собственной рукой».

[76] Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г.: зб. дак. / Падр. да друку М. Ю. Гардзееў. Мінск, 2006. С. 10–11. Дадатак 6.

[77] Laucevičius E. Papierius Lietuvoje XV–XVIII a. T. 1. P. 120. № 625; T. 2. P. 183. № 625.

[78] Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд. М., 2010. С. 121–122.

[79] Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 92, 97, 98; Кром М. М. Указ. соч. С. 75.

[80] Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 91–137.

[81] Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная Г. Б. Воловичем в 1559 году. Вильна, 1867. С. 348–349.

[82] Там же. С. 129–130, 295, 296–297.

владения полностью перешли под власть королевской четы — Сигизмунда I и Боны Сфорца[83]. В переписи литовско-русского войска 1528 г. Михаил Шарапов, выставлявший на службу двух всадников, назван в реестре клецких бояр пятым от его начала[84]. С середины XVI в. прямые потомки М. Д. Шарапова именовались Бакановскими, что объясняет помету «Бакан» при его фамилии в списке грамоты и упоминание эти панов в польской записи на обороте листа со списком[85].

Согласно акту, князь И. В. Ярославич (умер в 1508 г.[86]) пожаловал М. Д. Шарапову в Клецком повете имение Сухличи и лесное поселение — «остров» Раков — с какими-то дополнительными, очевидно, соседними землями[87]. Сухличи находились в 6 км к востоку от г. Клецка[88]. Эти владения были подтверждены Шарапову князем Ф. И. Ярославичем. Кроме того, Федор Иванович дополнительно пожаловал своему боярину земли четырех крестьян в с. Кошманчичи Клецкого повета с доходами от них, двор и земельный участок («месце») в г. Городок Давидов, дворец Векаревичи в волости этого города без охотничьих и промысловых угодий[89]. Векаревичи, вероятно, располагались в 31 км к юго-западу от Городка Давидова[90].

Пергаменный «лист» князя Ф. И. Ярославича от 20 сентября 1507 г. с подтверждением и новыми пожалованиями был удостоверен подвесной печатью князя[91]. Кроме того, эта грамота была заверена королевской подписью, так как в начале 1509 г. Федор Иванович завещал свои княжеские владения королю Сигизмунду I и с тех пор мог ими распоряжаться только с согласия монарха[92].

В новом подтвердительном «листе» короля 1523 г. владения, приобретенные М. Д. Шараповым, перечислены дважды. При этом в итоговом перечне, кроме упомянутых ранее, Сигизмунд подтвердил клецкому боярину право собственности на двор в укреплениях («поркане») г. Клецка и огород за городскими укреплениями[93]. Согласно подлинному привилею князя Ф. И. Ярославича от 20 сентября 1507 г., М. Д. Шарапову в Клецке были даны не только названные двор и огород, но и городской участок («месце») для строительства «хором»[94].

Акт был заверен подвесной печатью короля и засвидетельствован присутствием известных сановников — князя К. И. Острожского, панов А. М. Гаштольда, Я. Я. Заберезинского, Ю. И. Ильинича[95]. В перечне их должностей обращает на себя внимание, что А. М. Гаштольд назван виленским воеводой и мозырским «державцей», но не назван канцлером. Последнюю должность он получил не позже 3 августа 1522 г., скорее всего, в июле этого года[96]. Это наблюдение, казалось бы, позволяет предполагать датировку подлинного акта не 1523 г., а 25 мая 1522 г. 10-го индикта. Однако, судя по актам Литовской Метрики, А. М. Гаштольд не всегда именовался канцлером,

---

[83] Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. С. 304, 324; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 157; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008. С. 183, 263; Кром М. М. Указ. соч. С. 122. Мнения исследователей о смерти Федора Ивановича между 18 марта и 16 мая 1522 г. основаны на информации из актов, датированных 10-м индиктом без указания года от Р. Х. Действительно, грамоту, датированную 18 марта 10-го индикта, вряд ли следует датировать 1507 г., так как в апреле этого года еще был жив князь Иван Васильевич Ярославич. Однако известны списки грамот, датированных 24 мая 1523 г. 10-го индикта, о подтверждении королем пожалований князей Ярославичей (Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. С. 237–238, 304, 324, 348–349, 361–362). В любом случае к 5 сентября 1522 г. Федора Ивановича не было в живых (LM. Kn. Nr. 224. № 14, 16. P. 52–53; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Указ. соч. С. 263).

[84] Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. С. 152.

[85] Herbarz Polski podług Niesieckiego / Przez K. Łodzia-Czarnieckiego. Gniezno, 1875–1881. T. 1. S. 235; Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 95, 105–113.

[86] Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 155; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Указ. соч. С. 262.

[87] Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства… С. 240, 265. Прим. 2. С. 269.

[88] Пазднякоў В. Клецкая бітва 1506 // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск, 2006. Т. 2. С. 107. Карта-схема; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 126; Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 100. Прим. 42.

[89] Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства… С. 216–222.

[90] Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 146; Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 100. Прим. 44.

[91] Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 94, 95, 100; № 1. С. 117–119.

[92] Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 155, 156; Кром М. М. Указ. соч. С. 122.

[93] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 13. Д. 1. Л. 1 об.; Ткачоў М. А. Замкі і людзі. Мінск, 1991. С. 49–53.

[94] Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 100; № 1. С. 118.

[95] Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 23, 36, 58, 73, 78–79, 149, 160, 169, 178; Он же. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 349–350.

[96] Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 160.

занимая эту должность[97]. Кроме того, в акте он не назван бельским старостой, хотя был им с 1513 г.[98]

Развеять сомнения в датировке акта 1523 г. позволяют известные списки еще двух грамот, датированных 24 мая 1523 г. 10-го индикта[99]. Этими актами король Сигизмунд I также подтверждал пожалования князей Ярославичей пинскому боярину Сеньке Домановичу и клецкому боярину Долмату Андреевичу с двумя племянниками. Грамоты были также написаны в Вильно в присутствии тех же сановников, что и грамота от 25 мая 1523 г. Должности этих вельмож указаны такими же, как и в грамоте, написанной на день позже. Только в списке одного из актов, очевидно, по ошибке маршалок земский Я. Я. Заберезинский назван маршалком дворным[100]. В том числе А. М. Гаштольд в грамотах от 24 мая 1523 г. назван только виленским воеводой и мозырским «державцей».

Судя по помете писаря XVII в. «M(a)n(u) p(ropria)» в конце списка публикуемой грамоты, ее подлинник был подписан «собственной рукой» короля[101]. Можно добавить, что в этот день, 25 мая, Сигизмунд I также подтвердил «лист» князя Ф. И. Ярославича пинскому и клецкому боярину Федору Петровичу Щепе[102].

В списке XVI–XVII вв. сохранился еще один публикуемый акт, освещающий процесс формирования земельной собственности семьи упомянутого А. М. Гаштольда. Это копия подтвердительного (жалованного) «листа» короля Сигизмунда I от 10 февраля 1528 г. супруге А. М. Гаштольда, пани Софье Васильевне, на купленное ею у Ганусовичей имение Стайки (№ 5)[103]. Публикации акта нами не выявлены.

№ 5

1528 г. февраля 10 **Вильно**

Подтвердительная грамота короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I супруге Альбрехта Мартиновича Гаштольда – Софье Васильевне (в девич. княжне Верейской) на купленное ею у земянина Яна Шимковича Ганусовича и его матери Софьи имение Стайки

(л. 1) Zygmunes, z łaski Bozey krul polski, wielkie xięze / litewskie, ruski, pruski, zmudzki, mazowiecki y [ynych – ?]. /

Czyniemy wiadomo sym naszym listem, kto na niego popatrzy, abo kto zy go czytaięc, us[łyszeć – ?], / niniejszym y potym będęcem, komu by potrzeba wiedziec tego była. Biła nam woi[ewodzina] / wilenska, kanclerzowa nasza, staroscina bielska y mozyrska pani Olbrie[chtowa] / Martynowicza Gasztaltowa pan[i] Zoffia y powiedziała przed nami, co jey mosci k[upiła – ?] u ziem[i]anina naszego Jana Szym[ko]wicza Hanusowicza y u matri iego Zoffiey Sz[ym] /kowey ymienie ich własne na ymie Stayki[I] ze wszytkiemi ludzmi y ziemiami teg[o] / jmienia, y s pasnio dworną, y s puszczą, y z gaiami, y lasy dombr[owami] /, y z ieziory[II], y rzekami, y z bobrowemi gony, y ze wszytkem tym, [jak[III] – ?] / sie to ymienie zdawna w sobie mamic, na siebie, a ni potomkom[IV] swoic[h – ?][V] / zostawuiąnc.

---

[97] LM. Kn. Nr. 14. № 21. P. 82; № 34. P. 88; № 36. P. 89; № 42. P. 92; № 72. P. 116; № 123. P. 122; № 129. P. 123; № 141, 142, 144. P. 125; № 178, 181. P. 130; № 228. P. 138; № 236. P. 140 и др.

[98] Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 45; Пазднякоў В. Бельскі павет. С. 310.

[99] Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. С. 237–238, 361–362.

[100] Там же. С. 238.

[101] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 13. Д. 1. Л. 1 об.; ср.: Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. С. 238, 239.

[102] «Для лепшое твердости…» С. 40. Заўв. 6.

[103] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 13. Д. 3. Л. 1–3 об.

[I] Слово подчеркнуто черными чернилами.

[II] Первоначально было написано, вероятно, «iery», но затем две последние буквы были зачеркнуты и дописано приведенное выше слово.

[III] Возможно, «со».

[IV] Первоначально было написано «potomkow».

[V] Последняя буква, вероятно, была исправлена на другую.

Y na to imienie pani woiewodzina list kupczy na per[gaminie – ?] / pod swiadectwem[VI] y pieczecmi[VII] panow rad y urzednikow[VIII] naszy[ch] / przed nami pokazała y żądała[IX] nas, abysmi te ymienie Staiki po/-twie(r)dzili jey mosci naszym przywileieiem, w ktory my, list [ten – ?] / kupczy wezrzawszy, na żądanie paniey woiewodziney wile[nskiey] / to uczynili y na to dali iey ten nasz przywiliey. Y te nizy wys[zie – ?]/-rzeczene Stayki potwierdzamy naszym przywilieiem wiecz[nie] / y nawieki nieporusznie samey paniey Zofy, woiewodziney wi/lienskiey, y jey mosci dzeciom, y napotym będącym [na]scza[d]/kom jey mosci ze wszytkiemi ludzmi te(go) ymienia Staiek, / putnemi y danemy, y cząg[y]mi, y wszytkiemi ziemi[am]i pasz[ny]/mi y bartnemi, y z sianoz[a]czą, y pasznią dworną, y z gaiam[i], / y lasy dombrowami, y z lowy zwierzynnemi y ptas[zy]ne[mi][X], / y z ieziorami, y z rzekami, y z rzeczkami, y stawy, y s[taw]/kami, y z mlyny y jch wymiełłkamy, z bobrowemi gony, [z] / służbami y wchody wszystkiemi tych ludzi, y dania[-mi] / groszowemi y miarowemi[XI], y bobrowemi, y kunicznemi, y / z dziąkły s pokłonami rzanemi, owsia-nemi, ze wszytkie[mi] // (л. 1 об.) ynszemi płaty, dochody y pozytki te(go) imienia, ktorym kol/wiek imieniem mogo nazwani abo mienieni byc y ze wszytkim / s tym, iako sie te imienie Staiki zdawna samo w sobie y w grani/cach swoich obychodzicma.

J wolną pani woiewodzina jey mosci / y jey mosci potomki tam w tym imieniu przybawic, roszy/szyrzyc y ten oddac, przedac y zamienic ku swemu lepsz[e]/mu y uzytecznieiszemu obrucic, iak sami nalepzey rozu/mieiąc. J na potwierdzenie tego y pieczęc nasze kazalismi / przywiesic ku temu naszemu listu.

Pisan[XII] w Wilnie roku 1528, m(ie)s(ią)cie / Łbra 10 łbra abo [XIII]–persza (?) jndykt[XIII] (?). *Внизу справа под текстом*: Zygmundus Rex

РГАДА. Ф. 1603. Оп. 13. Д. 3. Л. 1 – 1 об. Список XVI–XVII вв.

Список написан на листе бумаги размерами 317 × 370 мм, сложенном пополам. При этом текст грамоты занимает страницу из половины этого листа и менее половины ее оборота. Вертикальные, по отношению к расположению текста, края листа неровно изорваны, что привело к утратам букв вдоль правого края страницы со списком акта. На листе присутствует филигрань с эмблемой Ордена иезуитов — солнце с 14 лучами, внутри которого вписана аббревиатура IHS[104].

Список, включая инициалы Z и C, написан темно-коричневыми чернилами, польской скорописью XVI–XVII вв. Язык акта — русский (старобелорусский) в польской транскрипции, с заменой некоторых слов на польские либо передачей их в полонизированной форме. Высота инициала Z 13 мм. Высота инициала C 18 мм. Основная высота букв без элементов 3–4 мм. Расстояние между строками 8 мм.

На третьей странице, образованной сгибом листа и свободной от записей, в левой нижней части ее нижней третьей четверти, образованной дополнительными горизонтальными сгибами листа, прикреплены пять прикладных вощаных печатей под одной кустодией. Печати относятся к типу перстневых, имеют овальную форму и расположены в горизонтальный ряд. Их размеры 17 × 13, 16 × 17, 18 × 14, 23 × 17 и 15 × 13 мм. Геральдические изображения на печатях плохо различимы. На второй слева, возможно, был изображен герб «Погоня». Размеры кустодии 37 × 105 мм. Она пронумерована карандашом (XX в.) как лист 2.

В нижней третьей четверти последней страницы (л. 3 об.), между дополнительными горизонтальными сгибами листа, сделаны записи темно-коричневыми чернилами по-польски, почерками, вероятно, XVIII в. Вдоль правого края страницы вертикально по отношению к расположению текста грамоты написано: «1528. Fbra 10. dnia»[105]. Ниже, параллельно по отношению к этой

[VI] Первоначально после буквы «d» была написано «z», но затем по последней частично была написана буква «e».

[VII] Окончание слова написано с помарками.

[VIII] Буква «z» написана над какой-то зачеркнутой буквой.

[IX] Четвертая буква – «a» – написана с помаркой и прочтена предположительно как исправленная с первоначальной «z».

[X] Менее вероятно, что было написано «ptaszymi».

[XI] В подлиннике, очевидно, было написано «медовыми».

[XII] Слово написано над строкой теми же почерком и чернилами, что и основной текст.

[XIII–XIII] Написано неразборчиво.

[104] Библиотека Радзивиллов Несвижской ординации = Library of the Radziwills' of Nesvizh Ordynation: каталог изданий из фонда Центр. науч. б-ки им. Якуба Коласа Нац. акад. наук Беларуси, XVII век / сост.: А. В. Стефанович, М. М. Лис. Минск, 2012. С. 304, 305.

[105] Запись подчеркнута.

записи, — «Przywiley na Stayki / wojewodz: wilens». Последнее было частично написано по более ранним двум размытым строкам, расположенным с разворотом на 180° по отношению к тексту списка: «…pani ałbr (?)… / woiewodziney wil… na dobra…» Под ними почерком XVIII в. — цифра 1. Еще ниже, параллельно указанным строкам, — «etno[106] 1528 d(nia) 10 Fbria». У левого края страницы параллельно первой из приведенных записей почерком XVIII в. еще раз написана и подчеркнута цифра 1. В левом нижнем углу страницы почерком XX в. черными чернилами написано: «№ 3».

Софья, жена А. М. Гаштольда, была дочерью князя Василия Михайловича Верейского, правнука Дмитрия Донского, который с 1483 г. стал вассалом короля и великого князя Казимира IV[107]. Согласно акту, она купила имение Стайки у земянина Яна Шимковича Ганусовича и его матери Софьи, о чем предоставила королю Сигизмунду I пергаменный купчий «лист», засвидетельствованный сановниками и должностными лицами, с просьбой подтвердить его королевским привилеем. Приобретение было сделано при жизни А. М. Гаштольда, умершего только в 1539 г.[108]

Софья, жена Шимона Ганусовича, известна по судебному делу с Санковским в 1549 г.[109] Еще в мае 1498 г. бояре Белицкого повета Шимко и Бартош Ганусовичи отстояли свои права на «отчиный извечный» двор Овдово в этом повете[110]. Овдово (Олдово) находилось примерно в 12 км к северо-западу от центра повета — двора Белица на р. Неман[111]. Вероятно, этот Шимко и был мужем названной Софьи. В марте 1524 г. король Сигизмунд I выдал привилей своей супруге королеве Боне на владение имением Лучыно в Виленском повете, которым до этого распоряжался («держал») великокняжеский боярин Ян Ганусович[112]. В переписи литовско-русского войска 1528 г., проводившейся с 29 августа этого года, Ян Ганусович назван в перечне трокских бояр, «которые людей своих не мают» (не имеют)[113]. К тому времени имение Стайки было продано. Возможно, оно находилось в Трокском повете[114]. Привилей на владение Стайками на правах собственности Софье Васильевне был выдан и заверен подписью короля, а также его подвесной печатью[115].

Таким образом, публикуемые акты позволяют внести некоторые уточнения в исторические представления о складывании поземельных отношений между представителями феодального сословия Литовско-Русского государства в 20-е и предшествующие им годы XVI в.

References

Bondarenko A. A. [Descendants of Alexander Netsha in the service of the Appanage and Grand Dukes of Lithuania]. *Istochniki po istorii russkogo Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Sources on the History of the Russian Middle Ages and Modern Times]. Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN Publ., 2022, iss. 1, pp. 91–137. (In Russian).

Deduk A. V., Shekov A. V. [Actual Sources on the History of Polotsk Medieval Monasteries from the 1603 Collection of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. *Studia Historica Europae Orientalis*. Minsk: RIVSh Publ., 2022, iss. 15, pp. 197–212. (In Russian).

Dovnar-Zapolsky M. V. *Dziarzhavnaja haspadarka Vialikaha kniastva Litovskaha pry Jahielonach* [State Economy of the Grand Duchy of Lithuania under the Jagiellons]. Minsk: Bielaruskaja navuka Publ., 2009. (In Belarusian).

Grusha A. I. *Kancyliaryja Vialikaha kniastva Litovskaha 40-ch hadov XV — piershaj palovy XVI st.* [The Chancellery of the Grand Duchy of Lithuania in the 1540s — the First Half of the 16th Century]. Minsk: Bielaruskaja navuka Publ., 2006. (In Belarusian).

[106] Над n проставлено титло.
[107] Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 549; Кром М. М. Указ. соч. С. 75.
[108] Boniecki A. Op. cit. S. 57.
[109] Там же. S. 70.
[110] АЗР. 2018. Вып. 1. № 260. С. 217.
[111] Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 124, 226. Современное Голдово на р. Голдовлянка (левый приток р. Лебеда — правого притока р. Неман) находится в 14 км к северо-западу от Белицы (Республика Беларусь. Гродненская область. Общегеографический атлас. С. 13).
[112] LM. Kn. Nr. 12. № 311. P. 288.
[113] Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. С. 35, 103.
[114] С середины XVI в. известны Стайки Новогрудского повета, находившиеся примерно в 72 км к юго-востоку от названного двора Белица (Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 124–125, 235).
[115] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 13. Д. 3. Л. 1 об.

Grusha A. I. *Dokumental'naya pis'mennost' Velikogo Knyazhestva Litovskogo (konets XIV — pervaya tret' XVI v.)* [Documentary Writing of the Grand Duchy of Lithuania (Late 14th — First Third of the 16th Century)]. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2015. (In Russian).

Grusha A. I. *Krizis doveriya? Poyavleniye i utverzhdeniye pravovogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV — pervaya tret' XVI v.)* [Crisis of Trust? The Emergence and Approval of a Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (Late 14th — First Third of the 16th Century)]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019. (In Russian).

Krom M. M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnyye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV — pervoy treti XVI v. 2-ye izd.* [Between Rus' and Lithuania. Borderlands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the Late 15th – First Third of the 16th Century. 2nd ed.]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010. (In Russian).

Mazurov A. B., Nikandrov A. Yu. *Russkiy udel epokhi sozdaniya yedinogo gosudarstva: Serpukhovskoye knyazheniye v seredine XIV — pervoy polovine XV v.* [Russian Domain in the Era of the Creation of a Unified State: The Serpukhov Principality in the Mid-14th — First Half of the 15th Century]. Moscow: Inlayt Publ., 2008. (In Russian).

Nasevich V. [Grodno District]. *Vialikaje kniastva Litovskaje: Encyklapiedyja* [Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia. In 2 Vols]. Minsk: Bielaruskaja encyklapiedyja imia Pietrusia Brovki Publ., 2005, vol. 1, pp. 505–506. (In Belarusian).

Nosova E. I., Weber D. I., Shepilova E. M., Baskakova Yu. P., Kuznetsov G. B., Kuznetsov R. G. [The Small Lithuanian Seal of Sigismund the Old from the Archives of the Saint Petersburg Institute of History (Russian Academy of Sciences): External Characteristics and Techonological Analysis]. *Al'manakh severoyevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy* [Nordic and Baltic Studies Review], 2019, iss. 4, pp. 11–27. EDN: SWYTXT. DOI: 10.15393/j103.art.2019.1361 (In Russian).

Pozdnyakov V. [Bielsky District]. *Vialikaje kniastva Litovskaje: Encyklapiedyja* [Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia. In 2 Vols.]. Minsk: Bielaruskaja encyklapiedyja imia Pietrusia Brovki Publ., 2005, vol. 1, p. 310. (In Belarusian).

Pozdniakov V. [Podlasie Voivodeship]. *Vialikaje kniastva Litovskaje: Encyklapiedyja* [Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia. In 2 Vols.]. Minsk: Bielaruskaja encyklapiedyja imia Pietrusia Brovki Publ., 2006, vol. 2, pp. 384–385. (In Belarusian).

Pozdnyakov V. [Battle of Kletsk 1506]. *Vialikaje kniastva Litovskaje: Encyklapiedyja* [Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia. In 2 vols]. Minsk: Bielaruskaja encyklapiedyja imia Pietrusia Brovki Publ., 2006, vol. 2, p. 107. (In Belarusian).

Shekov A. V. [On One Royal Charter of 1510 in Connection with the history of Political Immigration to the Moscow State]. *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV — XVII veke* [On the Way to The New Time States: West and East of Europe in the Late 15th — 17th Centuries]. Moscow; Kaluga: Kaluzhskiy gos. in-t razvitiya obrazovaniya Publ., 2020, pp. 618–639. (In Russian).

Shekov A. V. [On the Issue of Land Ownership in the Smolensk Land and the Mstislav Principality of the 15th Century]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 4, pp. 20–35. EDN: CUAWJV. DOI: 10.58529/2782-6511-2022-1-4-20-35 (In Russian).

Shekov A. V. *Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Verkhovskikh knyazhestv. Seredina XIII — seredina XVI v.* [Political History and Historical Geography of the Upper Oka Principalities. Mid-13th — Mid-16th Century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2018. (In Russian).

Temushev V. N. *Na vostochnoy granitse Velikogo knyazhestva Litovskogo. Seredina XIV — pervaya polovina XVI v.* [On the Eastern Border of the Grand Duchy of Lithuania. Mid-14th — First Half of the 16th Century]. Tula: muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2016. (In Russian).

Tkachev M. A. *Zamki i liudzi* [Castles and People]. Minsk: Navuka i technika Publ., 1991. (In Belarusian).

Ulanov V. Ya. *Volochnaya pomera i ustava i yeye znacheniye v istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva* [The Volok Reform and Its Significance in the History of the Lithuanian-Russian State]. Minsk: V. Khursik Publ., 2005. (In Russian).

Vialiki histarychny atlas Bielarusi [Great Historical Atlas of Belarus]. Minsk: Bielkartahrafija Publ., 2009, vol. 1. (In Belarusian).

Voronin V. [Ivan Semyonovich and Ivan Bogdanovich Sapieha: Two Careers against the Background of the Era]. *Sapiehi: asoby, karjery, majontki* [The Sapiehas: Personalities, Careers, Estates]. Minsk: A. M. Yanushkevich Publ., 2018, pp. 9–15. (In Belarusian).

УДК 94(47)"1921" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-68-89

Шокарев Сергей Юрьевич
к. и. н., приглашенный лектор Департамента славянских языков и литератур Университета Чикаго (США, Чикаго)
E-mail: shokarevs@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7620-0186

Отчет горного инженера В. М. Борейши о геологической экспедиции на Чукотку летом 1921 г.

АННОТАЦИЯ. В статье публикуется отчет горного инженера В. М. Борейши о его участии в экспедиции известного ученого-геолога И. А. Корзухина на Чукотку в 1921 г. Эта экспедиция была организована Горнопромышленным обществом «Корзухин и Фукуяма». Она более чем наполовину состояла из японцев и стартовала на японской шхуне из Иокогамы. Сам В. М. Борейша сопровождал экспедицию как представитель Временного правительства Дальнего Востока — Приморской областной земской управы, чтобы обеспечить законность подачи заявок на изыскания полезных ископаемых на вверенной этому правительству территории. Экспедиция проходила с 15 июня по 3 октября 1921 г. Во время работ на Чукотском побережье были обнаружены и описаны месторождения угля, графита и золота. Во время путешествия вдоль берегов Чукотки В. М. Борейша встречался с чукотскими коммерсантами М. Д. Добриевым и Б. Томсоном. С их слов автор отчета составил общую характеристику торговли на Чукотке. Помимо прочего, автор указывает, что коммерсанты, опасаясь большевиков, стремятся перепродать свои предприятия иностранному капиталу. В. М. Борейша также сообщал, что в регионе значительное влияние имели англо-канадская Компания Гудзонова залива и американский торговец О. Свенсон. Отчет В. М. Борейши является ценным источником по истории Чукотки времен Гражданской войны и истории развития российской геологической науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданская война в России 1917–1922, история российской геологии, торговля на Чукотке, чукчи, эскимосы, Караевы, Бенд Волл, Чарльз Карпендель, Магомет Добриев

Для цитирования: Шокарев С. Ю. Отчет горного инженера В. М. Борейши о геологической экспедиции на Чукотку летом 1921 г. // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 1. С. 68–89. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-68-89.

Поступила в редакцию 20.02.2026
Принята к публикации 22.04.2026

© Шокарев С. Ю., 2026

UDC 94(47)"1921" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-68-89

Sergey Yu. Shokarev
Candidate of Historical Sciences, University of Chicago (USA, Chicago)
ORCID: 0000-0002-7620-0186
E-mail: shokarevs@yandex.ru

Report of Mining Engineer V. M. Boreisha on the Geological Expedition to Chukotka in the Summer of 1921

ABSTRACT. The article publishes a report by mining engineer V. M. Boreisha on his participation in the expedition of the famous geologist I. A. Korzukhin to Chukotka in 1921. This expedition was organized by the Korzukhin and Fukuyama Mining Society. More than half of the expedition consisted of Japanese nationals and set sail from Yokohama on a Japanese schooner. V. M. Boreisha accompanied the expedition as a representative of the Provisional Government of the Far East — Regional Government of Primorye Zemstvo — to ensure the legality of applications for mineral exploration in the territory entrusted to this government. The expedition took place from June 15 to October 3, 1921. During the work on the Chukotka coast, deposits of coal, graphite, and gold were discovered and described. While traveling along the coast of Chukotka, V. M. Boreisha met with Chukotka merchants M. D. Dobriev, and B. Thomson. Based on their accounts, the report's author compiled a general description of trade in Chukotka. Among other things, he notes that merchants, fearing the Bolsheviks, sought to sell their businesses to foreign capital. V. M. Boreisha also reported that the Anglo-Canadian Hudson's Bay Company and the American merchant O. Swenson had considerable influence in the region. V. M. Boreisha's report is a valuable source on the history of Chukotka during the Civil War and the history of the development of Russian geological science.

KEYWORDS: 1917–1922 Civil War in Russia, history of Russian geology, trade in Chukotka, Chukchi, Eskimos, Karayevs, Bend Wall, Charles Carpendel, Magomet Dobriev

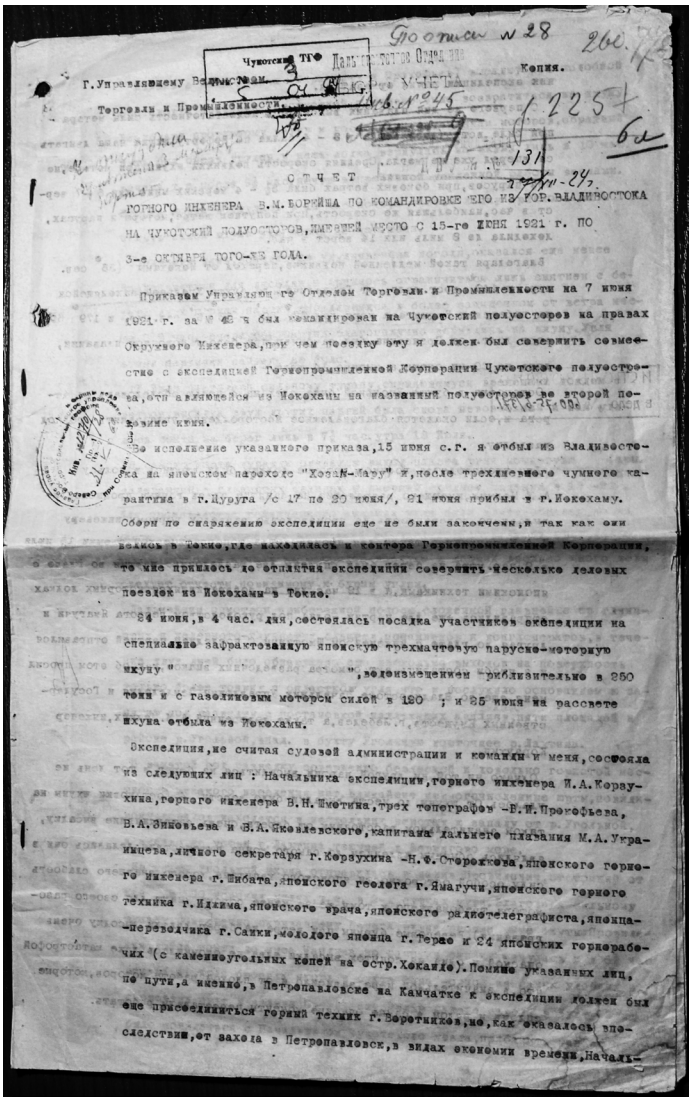
For citation: Shokarev S. Yu. [Report of Mining Engineer V. M. Boreisha on the Geological Expedition to Chukotka in the Summer of 1921]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 1, pp. 68–89. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-68-89 (In Russian).

Received 20 February 2026
Accepted 22 April 2026

© 2026 The Author

В архиве Чукотского филиала ФБУ «Территориальный фонд геологической информации (ТФГИ) по Дальневосточному федеральному округу» находится отчет горного инженера В. М. Борейши о геологической экспедиции на Чукотку, предпринятой летом 1921 г.[1] Он никогда не публиковался полностью, хотя был известен историкам и краеведам, занимавшимся историей Чукотки[2]. В 2023 г. автор данной статьи опубликовал обзор этого документа на портале GoArctik, посвященном северной тематике[3].

Отчет представляет собой 6 листов машинописи (с двух сторон) на тонкой бумаге, характерной для делопроизводства первых послереволюционных лет (*рис. 1*). Являясь ценным источником сведений по геологии Чукотки и истории ее освоения, он также представляет значительный интерес как документ эпохи.

Копия.

О Т Ч Е Т

ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА В.М.БОРЕЙША ПО КОМАНДИРОВКЕ ЕГО ИЗ ГОР. ВЛАДИВОСТОКА НА ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ,ИМЕВШЕЙ МЕСТО С 15-го ИЮНЯ 1921 г. ПО 3-е ОКТЯБРЯ ТОГО-ЖЕ ГОДА.

Приказом Управляющего Отделом Торговли и Промышленности на 7 июня 1921 г. за № 45 я был командирован на Чукотский полуостров на правах Окружного Инженера, при чем поездку эту я должен был совершить совместно с экспедицией Горнопромышленной Корпорации Чукотского полуострова, отбывающей из Нокохамы на названный полуостров во второй половине июня.

Во исполнение указанного приказа,15 июня с.г. я отбыл из Владивостока на японском пароходе "Хоэй-Мару" и,после трехнедельного чумного карантина в г.Цуруга /с 17 по 30 июня/, 31 июня прибыл в г.Нокохаму. Сборы по снаряжению экспедиции еще не были закончены,и так как они велись в Токио,где находилась и контора Горнопромышленной Корпорации, то мне пришлось до отплытия экспедиции совершить несколько деловых поездок из Нокохамы в Токио.

24 июня,в 4 час. дня,состоялась посадка участников экспедиции на специально зафрахтованную японскую трехмачтовую парусно-моторную яхту "[illegible]",водоизмещением приблизительно в 250 тонн и с газолиновым мотором силой в 180 ; и 25 июня на рассвете яхта отбыла из Нокохамы.

Экспедиция,не считая судовой администрации и команды и меня,состояла из следующих лиц : Начальника экспедиции,горного инженера И.А.Корзухина,горного инженера В.Н.Шметина,трех топографов -Е.И.Прокофьева, В.А.Зиновьева и В.А.Яковлевского,капитана дальнего плавания М.А.Украинцева,личного секретаря г.Корзухина -Н.Ф.Стерехова,японского горного инженера г.Шибата,японского геолога г.Ямагучи,японского горного техника г.Ишима,японского врача,японского радиотелеграфиста,японца-переводчика г.Самки,молодого японца г.Терао и 24 японских горнорабочих (с каменноугольных копей на остр.Хоккайдо).Помимо указанных лиц, по пути,а именно,в Петропавловске на Камчатке к экспедиции должен был еще присоединиться горный техник г.Боретников,но,как оказалось впоследствии,от захода в Петропавловск,в видах экономии времени,Начальн-

Рис. 1. Первый лист отчета В.М. Борейши. Чукотский филиал федерального бюджетного учреждения «Территориальный фонд геологической информации по Дальневосточному федеральному округу». № 3. Л. 1

Fig. 1. First page of V.M. Boreisha's report. Chukotka Branch of the Federal Budgetary Institution "Territorial Fund of Geological Information for the Far Eastern Federal District.". No. 3. Sheet 1

[1] Чукотский ТГФ. № 3.

[2] Крюков Ю. Из истории нашего края: выписки из отчета окружного инженера В. М. Борейша о работе экспедиции под руководством И. Корзухина, 18 октября 1921 года // Заря коммунизма. 1980. 21 августа. С. 2–3.

[3] Шокарев С. Чукотка в 1921 году: отчет горного инженера // GoArctik. 2023. 7 июля. URL: https://goarctic.ru/kultura/chukotka-v-1921-godu-otchyet-gornogo-inzhenera/?ysclid=maigbxqguk42910882 (дата обращения: 26.01.2026).

Автор отчета, горный инженер В. М. Борейша, сообщает, что был командирован на Чукотку в качестве окружного инспектора приказом Отдела торговли и промышленности из Владивостока. Таким образом, Борейша находился на службе Временного правительства Дальнего Востока — Приморской областной земской управы, где существовал именно такой отдел.

Приморская областная земская управа в эпоху Гражданской войны являлась высшим органом власти на Дальнем Востоке. Она образовалась в январе 1920 г., после падения власти А. В. Колчака, на основе органов местного земского самоуправления. Политическое лицо Временного правительства Дальнего Востока было связано с левым демократическим движением, прежде всего с эсерами. Приморская областная земская управа ставила перед собой следующие задачи: восстановление правопорядка и прекращение Гражданской войны. Деятели Приморской областной земской управы противостояли одновременно большевикам и белым, предлагая третий путь, основанный на традициях самоуправления. Однако эксперимент оказался неудачным: у Приморской областной земской управы не хватило сил для организации эффективного управления и обороны[4].

В ноябре 1920 г. Приморская земская управа вошла в состав просоветской Дальневосточной республики и, сохраняя свое наименование, представляла ее власть в Приморье. 26 мая 1921 г. в Приморье произошел переворот, и власть перешла к белому Временному Приамурскому правительству, которое возглавил присяжный поверенный С. Д. Меркулов. Затем власть в Приморье захватил генерал М. К. Дитерихс, провозгласивший местное государственное образование Приамурским земским краем, армию — земской ратью, а себя — земским воеводой. Эти наименования отсылали к событиям Смутного времени, и Дитерихс, действуя в духе той эпохи, созвал Земский собор, который летом 1922 г. восстановил на престоле династию Романовых. Однако на этом исторические аналогии закончились. В октябре 1922 г. Земская рать была разгромлена большевиками, и остатки армии Дитерихса эвакуировались в Китай.

Командировка В. М. Борейши на Чукотский полуостров была предпринята вскоре после переворота Меркулова. Целью поездки горного инженера являлось упорядочение процесса геологоразведки и добычи полезных ископаемых на Чукотском полуострове. Миссия Б. М. Борейши отражала стремление Приморской областной земской управы восстановить нормальное течение жизни, упорядочить вопросы внутреннего управления в регионе. Согласно приказу, В. М. Борейша, получивший полномочия окружного инженера, должен был совершить поездку совместно с экспедицией Горнопромышленной корпорации под руководством горного инженера И. А. Корзухина. В этой экспедиции В. М. Борейша должен был от лица правительства закрепить за корпорацией права на разработку тех или иных полезных ископаемых.

Василий Михайлович Борейша родился в 1879 г. и был сыном коллежского регистратора. В 1903 г. он окончил Горный институт в Санкт-Петербурге[5]. Карьера его развивалась следующим образом: зачислен по Главному горному управлению с откомандированием в Мансурское горно-промышленное товарищество (1904), помощник окружного инженера Красноярско-Ачинского (1904), Минусинского (1907), Томского (1913), Амурского (1914–1916 гг.) горных округов, надворный советник[6]. С декабря 1911 г. по апрель 1913 г. В. М. Борейша заведовал Минусинским Мартьяновским местным музеем, а ранее входил в состав комитета этого музея[7].

В фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова сохранилась фотография В. М. Борейши. На ней запечатлен худой интеллигентный человек с длинными выпрямленными усами и высоким лбом. Взгляд Василия Михайловича сосредоточен, белоснежный воротник подпирает шею. Элегантный костюм и цепочка жилетных часов завершают его аккуратный и даже щегольской облик (*рис. 2*). Надпись на обороте гласит: «Минусинскому Мартьяновскому Местному Музею отъ бывшаго его сотрудника», далее замысловатая подпись и дата «6/VII 913 г., г. Томскъ»[8] (*рис. 3*).

[4] Попов Ф. Образование земской государственности Приморья (январь — апрель 1920 г.) // Манускрипт. 2016. № 9 (71). С. 170–175.

[5] Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1847 по 1908 год (по выпускам). СПб., 1908. С. 95.

[6] Заблоцкий Е. М. Биографический словарь деятелей горной службы дореволюционной России. URL: http://russmin.narod.ru/bioNerch02.html (дата обращения: 26.01.2026).

[7] Заведующие и директора Минусинского музея. Официальный сайт Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. URL: https://музей-мартьянова.рф/history-directors/ (дата обращения: 26.01.2026).

[8] Автор выражает свою благодарность Минусинскому региональному краеведческому музею им. Н. М. Мартьянова и лично директору Светлане Анатольевне Борисовой за возможность воспроизвести фотографию В. М. Борейши в этой статье.

Рис. 2. Василий Михайлович Борейша. Томск. 1913 г. Фотография из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. МКМ ОФ 11376-10
Fig. 2. Vasily Mikhailovich Boreisha. Tomsk. 1913. N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local History. MKM OF 11376-10

После окончания Гражданской войны В. М. Борейша остался в СССР. В 1925 г. руководил Охотско-Камчатским горным управлением, а в 1927 г. — горным отделом Акционерного Камчатского общества. На этих должностях он занимался геологическим изучением и освоением Камчатки и Чукотки[9]. Как можно видеть, деятельность В. М. Борейши была связана с геологией Сибири и Дальнего Востока. Он был в первую очередь практиком, его немногочисленные публикации посвящены вопросам добычи полезных ископаемых[10].

Начальник геологической экспедиции, в которой участвовал В. М. Борейша, горный инженер Иван Алексеевич Корзухин (1871–1931), был известной фигурой. Он — сын художника, передвижника и академика живописи А. И. Корзухина и внук промывальщика золота на Верхне-Уктусском заводе на Урале. После окончания Горного института (1896) Корзухин начал трудовую деятельность на сталелитейном и железоделательном заводе в Дружковке (Донбасс), затем перешел на Волжский сталелитейный завод (Саратов). В 1898 и 1899 гг. совершил экспедиции для изучения оловянных руд в Нерчинском округе, был прикомандирован к Геологическому комитету. С 1900 г. — ассистент в Горном институте, совершил командировку в страны Западной Европы.

[9] Федореев В. Н., Сидоренко Г. С. Периоды и этапы становления геологической службы Камчатки и основные достижения в деле геологического изучения территории // Горный вестник Камчатки. 2019. Вып. 1 (44). С. 57.
[10] Борейша В. М. О необходимости широкого общественного почина в деле поисков и исследования радиоактивных руд в России. Томск, 1914; Он же. По поводу статьи «Кому подаются заявки на золотосодержащие площади». Томск, 1915.

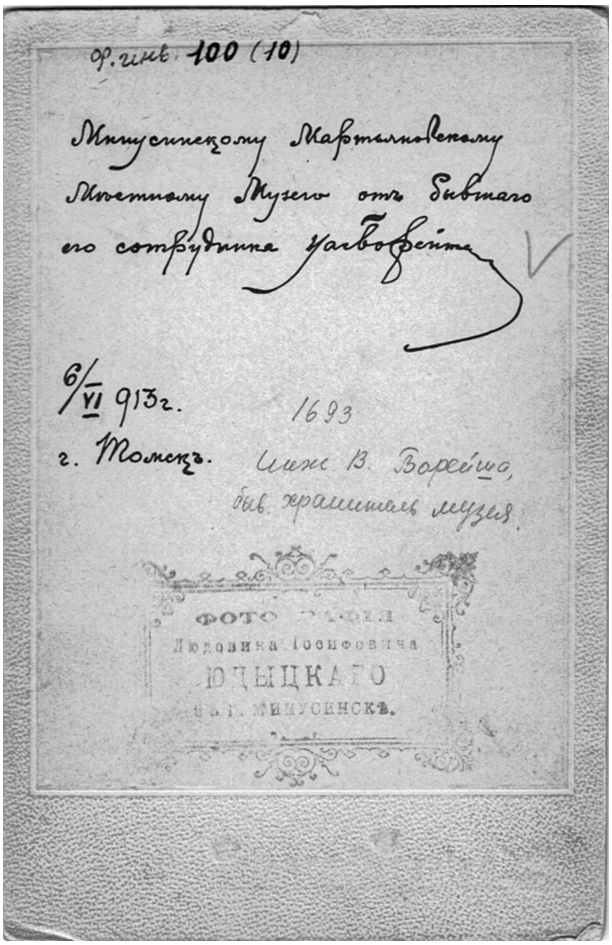

Рис. 3. Подпись В. М. Борейши на фотографии из собрания Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. МКМ ОФ 11376-10 об.
Fig. 3. V. M. Boreisha's signature on a photograph. N. M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local History. MKM OF 11376-10 ob.

Широко образованный, знавший несколько языков, И. А. Корзухин изучал зарубежную теорию и практику рудного и литейного дела, перевел несколько книг иностранных авторов на русский язык. Одновременно с этим Иван Алексеевич выступал с научными статьями в геологической периодике. В 1902 г. он выпустил методическое пособие «Месторождения и разведка полезных ископаемых», а в 1908 г. два капитальных труда — «Горноразведочное дело» и «Механическая обработка (обогащение) полезных ископаемых»[11].

С 1903 г. И. А. Корзухин занимался геологическим исследованием Чукотки. Первая его экспедиция была организована Северо-Восточным Сибирским обществом. Корзухин обнаружил на Чукотке месторождения графита и составил схему геологического строения Чукотского полуострова, позволившую позднее найти золото в устье реки Анадырь. На основании собственных изысканий, а также по результатам исследований других специалистов И. А. Корзухин в 1908 г. выступил с докладом в Обществе содействия торговли и промышленности под названием «Что нам делать с Чукотским полуостровом?» (опубликован отдельной брошюрой в 1909 г.).

В этой работе Иван Алексеевич утверждал, что Чукотка богата золотом не менее, чем Аляска, и организация золотодобычи на полуострове требует ускоренных мер со стороны правительства. В первую очередь необходимо содействовать крупной русской промышленности на Чукотке и укреплять местную администрацию, с тем чтобы препятствовать «американизации» Чукотского

[11] Петров И. М. И. А. Корзухин — автор первой отечественной монографии по механической обработке (обогащению) полезных ископаемых // Горный журнал. 2022. № 11. С. 89–94.

полуострова. «…Непоправимое зло будет причинено русскому делу на Чукотском полуострове, если участие правительства в развитии Чукотского полуострова будет, как до сих пор, выражаться случайными и необъединенными общей идеей мерами», — писал Корзухин[12]. Он возлагал определенные надежды на Северо-Восточное Сибирское общество, несмотря на то, что оно было тесно связано с американским капиталом.

В 1907 г. И. А. Корзухин перешел на службу в Министерство финансов, где занял должность чиновника особых поручений. Он публиковался в «Вестнике Финансов», был редактором Горнозаводского отдела, занимался организацией металлургической промышленности. В 1917 г. был избран членом Горного ученого комитета. В 1911 г. Корзухин вошел в состав Правления Анадырского золотопромышленного общества и в том же году организовал экспедицию из Владивостока в район Анадыря для поисков и добычи золота на реках Нидо, Веттлесон и Кольби. Деятельность этой экспедиции была успешной.

Русскому патриоту И. А. Корзухину пришлось пережить крушение Российской империи и покинуть страну. Весной 1917 г. он уехал в Западную Европу, затем перебрался в Японию, где стал одним из основателей Горнопромышленного общества «Корзухин и Фукуяма» (в отчете В. М. Борейши оно названо Горнопромышленной корпорацией Чукотского полуострова). Эта компания стала организатором экспедиции 1921 г. на Чукотку, большую часть коллектива которой составляли японцы, а для поездки была нанята японская шхуна.

В 1922–1923 гг. Корзухин пытался привлечь средства для разработки полезных ископаемых на Чукотке, ездил в Европу и Америку. Слабость советской власти на Чукотке давала надежду, что такие изыскания и дальнейшая добыча могут быть успешными. Однако его усилия оказались тщетными. В 1923 г. И. А. Корзухин переехал в Мексику, где стал профессором в Национальном автономном университете Мексики и сыграл большую роль в развитии местной школы геологии и нефтяной промышленности. Умер Иван Алексеевич в 1931 г.[13]

Дополняя портрет этого крупного деятеля российской геологической науки, следует сказать, что И. А. Корзухин был сильно увлечен музыкой и сделал ее изучение своей второй профессией. Ему принадлежат первая биография композитора А. С. Даргомыжского, работы о творчестве Н. А. Римского-Корсакова, Р. Вагнера[14].

Помимо отчета В. М. Борейши, об экспедиции И. А. Корзухина известно из очерка М. А. Корзухиной, жены ученого, под названием «Русские аргонавты». Он посвящен истории исследований геологии Чукотки в 1900–1921 гг. и сопровождается рукописной картой этой территории, с указанием месторождений полезных ископаемых. Эта рукопись не опубликована и хранится в Архиве Российской академии наук, в личном фонде геолога и географа В. А. Обручева[15].

Деятельность экспедиции 1921 г. подробно описана в самом отчете В. М. Борейши и не требует нашего пересказа. Представить себе перемещения шхуны с геологами можно с помощью карты 1912 г. из книги Н. Ф. Калинникова «Наш крайний Северо-Восток» (*рис. 4*). В истории геологоразведки Чукотского полуострова эта экспедиция занимает свое место как рядовое, но полезное исследование. Неслучайно отчет до настоящего времени хранится вместе с многолетней полевой документацией в Чукотском филиале ФБУ «Территориальный фонд геологической информации (ТФГИ) по Дальневосточному федеральному округу».

Значительный интерес отчет В. М. Борейши представляет для изучения истории Чукотки в эпоху Гражданской войны. Политическая ситуация в крае во время работы геологической экспедиции была непростой. В 1920 г. советская власть установилась в крупнейших административных центрах Чукотки. В Анадыре распоряжался Народный ревком во главе с матросом Г. К. Шошиным. В Чукотский уезд был послан уполномоченный Камчатского облисполкома А. М. Бычков. В Уэлене тогда находился представитель колчаковского правительства Д. А. Хренов, которому

[12] Корзухин И. А. Что нам делать с Чукотским полуостровом? СПб., 1909. С. 29.

[13] Петров И. М. Указ. соч. С. 91–93.

[14] Гусейнова З. В. Из истории первых публикаций об А. С. Даргомыжском // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 4. С. 16–22; Петров И. М. Указ. соч. С. 93.

[15] Киселев М. Ю. Из истории исследования Чукотского полуострова. По документам Архива Российской академии наук // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 43–51.

пришлось спасаться от ареста, уйдя в тундру[16]. В марте 1921 г. Камчатская область (в которую в административном отношении входил и Чукотский полуостров) вошла в состав РСФСР. Однако власть Советов на Чукотке сменилась в конце 1921 г., когда сюда прибыл есаул В. И. Бочкарев, направленный на север Временным Приамурским правительством Меркулова. Не сумев организовать отпор Бочкареву, большевики разбежались.

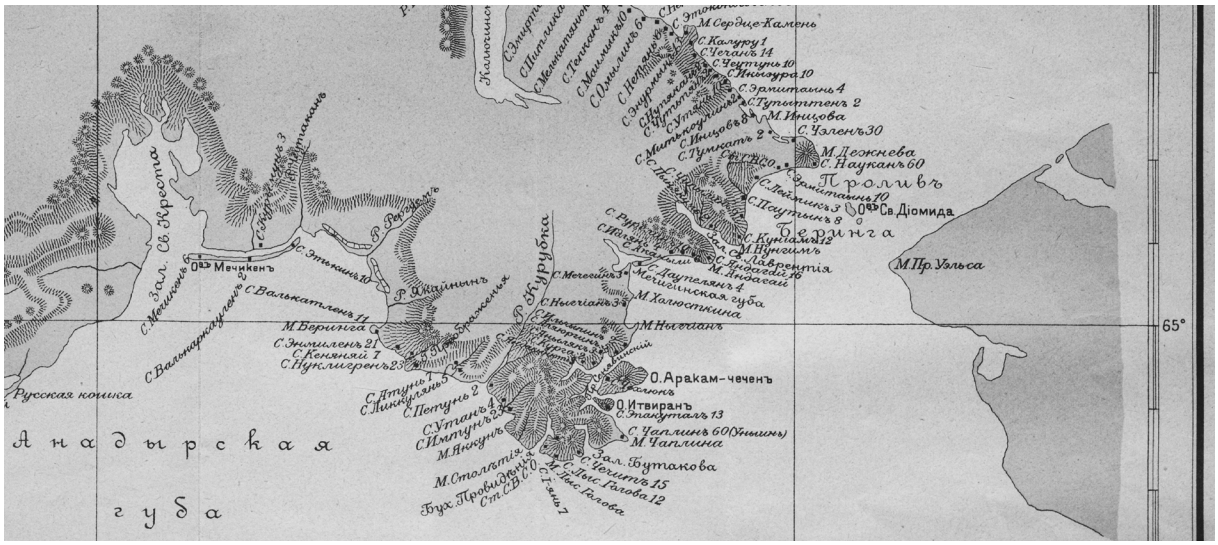

Рис. 4. Карта береговой Чукотки из книги: Калинников Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912
Fig. 4. Map of coastal Chukotka. N.F. Kalinnikov. Our Far North-East. St. Petersburg, 1912

Геологическая экспедиция Корзухина не встретила никого из представителей советской власти. В. М. Борейша сообщает, что экспедиция намеревалась в бухте Эмма встретиться с начальником Чукотского уезда, но оказалось, что его резиденция в Уэлене. Вероятно, имеется в виду Хренов, а не Бычков.

Упоминания о большевиках связаны с опасениями местных торговцев продолжать свою деятельность на Чукотке. Террором против анадырских торговцев, ограблениями и убийствами большевики сильно напугали коммерсантов, которые, по словам В. М. Борейши, намеревались сворачивать свои дела. Сведения В. М. Борейши о состоянии торговли на Чукотке представляют большой интерес, а упоминаемые им лица (братья Караевы, В. Томсон, Б. Волл, Ч. Карпендель, М. Добриев) хорошо известны в местной истории. Портреты некоторых из них представлены на фотографиях этого или чуть более раннего времени, которые мы помещаем в качестве иллюстраций (*рис. 5, 6, 7*).

Упоминая о кризисе русской торговли на Чукотке из-за большевистских погромов, Борейша свидетельствует, что американцы, напротив, чувствовали себя уверенно. Здесь стремилась развернуться англо-канадская Компания Гудзонова залива, вел успешную деятельность американский предприниматель О. Свенсон. Русские коммерсанты продавали или собирались продавать этим иностранцам свою торговлю. Во время экспедиции Борейша и его спутники встретили две американских шхуны. Русских кораблей в это время на Чукотке не было.

Показательно, что пост Северо-Восточного Сибирского общества в заливе Лаврентия, названный в честь св. Николая, к 1921 г. прекратил существование. По сообщению В. М. Борейши, от всех построек здесь сохранились только железные части печей. Таким был конец торговой компании, на которую И. А. Корзухин возлагал большие надежды в деле освоения Чукотки.

[16] Его сын — знаменитый столяр, дизайнер мебели Джеймс Кренов (1920–2009) — родился в Уэлене и провел детство на Аляске, где его родители работали учителями.

Рис. 5. Болл (Вилла) Томпсон. Фотография из книги: Burnham, J. B. The Rim of Mystery: A Hunter's Wanderings in Unknown Siberian Asia. N-Y, 1929
Fig. 5. Boll (Villa) Thompson. Burnham, J.B. The Rim of Mystery: A Hunter's Wanderings in Unknown Siberian Asia. N-Y, 1929

Рис. 6. Александр Иванович Караев и Михаил Воронец в бухте Эмма. Фотография из книги: Burnham J.B. The Rim of Mystery: A Hunter's Wanderings in Unknown Siberian Asia. N-Y, 1929
Fig. 6. Alexander Ivanovich Karaev and Mikhail Voronets in Emma Bay. Burnham, J.B. The Rim of Mystery: A Hunter's Wanderings in Unknown Siberian Asia. N-Y, 1929

Рис. 7. Магомет Джентемирович Добриев. Начало XX в. Аляска.
Фотография из собрания Музейного центра «Наследие Чукотки»
Fig. 7. Magomet Dzhentemirovich Dobriev. Early 20th century, Alaska.
Museum Center "Heritage of Chukotka"

В. М. Борейша предполагал, что торговля на Чукотке перейдет в руки американцев. Этот прогноз оправдался частично. Наступление Бочкарева и бегство большевиков продлили жизнь русской торговле. Правда, Бочкарев оказался не лучше своих противников, что, в конце концов, заставило чукотских коммерсантов объединиться в отряды самообороны, а глава торгового дома Ф. И. Караев даже стал уполномоченным Камчатского ревкома по Анадырскому уезду и Чукотскому полуострову. После победы советской власти на Чукотке в 1923 г. Компания Гудзонова залива заключила договор с Дальревкомом о монопольном праве торговли на Чукотке, однако в следующем году он был расторгнут[17]. В 1923 г. Чукотку покинули Караевы, тогда же закончил торговую деятельность Карпендель (перебрался на Аляску в 1926 г.). Б. Волл остался на Чукотке, но также прекратил торговлю. Знаменитый датский исследователь К. Расмуссен, побывавший в Уэлене 17–18 сентября 1924 г., описывает разговор с обанкротившимися торговцами, потерявшими все средства и возможность заниматься привычной деятельностью[18]. Компания Гудзонова залива и Свенсон продержались на Чукотке дольше всех, но в конце концов им тоже было запрещено торговать здесь, а снабжение перешло в ведение Охотско-Камчатского рыбопромышленного общества (ОКАРО).

На пути экспедиции И. А. Корзухина попадались не только коммерсанты. В. М. Борейша пишет о встрече с американским искателем приключений, предпринимателем и деятелем охраны природы Д. Б. Бёрнхэмом, который оставил описание своего путешествия на Чукотку в поисках горного барана. Также В. М. Борейша сообщает о том, что на Чукотке находилась какая-то японская научная экспедиция, которая побывала в Анадыре, а затем двинулась к мысу Дежнёва. В 1921

[17] Кошкарева С. Г. Коммерческая деятельность английской фирмы «Гудзон-Бей» на территории Крайнего Северо-Востока Советского государства (начало 20-х гг.) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (27). С. 26–30.
[18] Rasmussen K. Across Arctic America. New York; London, 1927. P. 371.

г. Чукотка была открыта для всех желающих ее посетить, однако эта свобода передвижения закончилась вскоре после утверждения здесь советской власти. В 1924 г. К. Расмуссену, не имевшему разрешения от советского правительства для посещения страны, было запрещено пребывание на Чукотке[19].

О коренных жителях Чукотки В. М. Борейша говорит мало, и это понятно — он провел чуть больше месяца на шхуне, изредка высаживаясь на сушу, и был геологом, а не этнографом. Автор отчета упоминает, что чукчи, встреченные у мыса Меечкен, «в отличие от эскимосов бухты Эмма, по-русски совершенно ничего не понимали». В. М. Борейша также сообщает сведения о численности тех или иных береговых поселений. В бухте Эмма — 4 жилых «русских» дома, 9 складов и 15–20 «юрт и палаток прикочевавших сюда алеутов, ожидающих и совершенно безнадежно прихода русского парохода с необходимыми им на зиму продуктами и товарами». Далее автор поясняет, что «на зиму здесь обычно остается не более 8–10 юрт». Под «юртами» В. М. Борейша, знакомый с южносибирскими реалиями, подразумевал традиционные чукотские яранги. Сложнее понять, что имеется в виду под «палатками», возможно, летние жилища. В заливе Лаврентия, на месте бывшего поста Св. Николая, В. М. Борейша видел 2–3 чукотских «палатки». На мысе Яндогай, по сведениям М. Добриева, было 24 «юрты», в Лорино — 13 юрт. Эти сведения по хронологии занимают промежуточное положение между статистикой дореволюционного периода и сведениями Первой Приполярной переписи 1926 г.

Таков был взгляд горного инженера Василия Михайловича Борейши на Чукотку в переломный момент истории, вскоре после окончания дореволюционной эпохи и незадолго до установления здесь советской власти.

Ввиду ценности отчета он печатается здесь полностью. При публикации текста сохранены орфография и стилистика подлинника, исправления, выделения и другие особенности обозначены примечаниями; сокращения раскрыты в квадратных скобках только в необходимых случаях. Обращает на себя внимание, что текст напечатан по новой орфографии, без употребления букв «і» и «ѣ» и твердого знака после согласной на конце слов.

(Л. 1)

Г. Управляющему Ведомством
Торговли и Промышленности[I]

Отчет
горного инженера В. М. Борейша по командировке его из гор. Владивостока на Чукотский полуостров, имевшей место с 15-го июня 1921 г. по 3-е октября того же года[II]

Приказом Управляющего Отделом Торговли и Промышленности на 7 июня 1921 г. за № 42 я был командирован на Чукотский полуостров на правах Окружного Инженера, при чем поездку я должен был совершить совместно с экспедицией Горнопромышленной Корпорации Чукотского полуострова, отправляющейся из Иокохамы[III] на названный полуостров во второй половине июня.

Во исполнение указанного приказа, 15 июня с. г. я отбыл из Владивостока на японском пароходе «Хозан-Мару» и, после трехдневного чумного карантина в г. Цуруга (с 17 по 20 июня), 21 июня прибыл в Иокохаму. Сборы по снаряжению экспедиции еще не были закончены, и так как они велись в Токио, где находилась и контора Горнопромышленной Корпорации, то мне пришлось до отплытия экспедиции совершить несколько деловых поездок из Иокохамы в Токио.

24 июня, в 4 час. дня, состоялась посадка участников экспедиции на специально зафрахтованную японскую трехмачтовую парусно-моторную шхуну[IV], водоизмещением примерно в 250 тонн и с газолиновым мотором силой в 120[V]; и 25 июня на рассвете шхуна отбыла из Иокохамы.

---

[19] Шокарев С. Ю. Кнуд Расмуссен на Чукотке: двухдневное путешествие в составе Пятой экспедиции Туле (1924 г.) // Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н. Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 г.): коллективная монография / отв. ред. О. П. Коломиец, И. И. Крупник. М., 2020. С. 327–347.

[I] Начало документа помечено тремя штампами, один из которых относится к его современному архивному шифру хранения: Чукотский ТГФ № 3 «5» 04 94.

[II] Рядом чернилами проставлены номер и дата: 131 17/XII 24 г.

[III] Так в тексте, современное написание этого японского города — Иокогама.

[IV] Оставлено место в кавычках для названия.

[V] Оставлено место для обозначения единиц.

Экспедиция, не считая судовой администрации и команды и меня, состояла из следующих лиц: Начальника экспедиции, горного инженера И. А. Корзухина, горного инженера В. Н. Шмотина[VI], трех топографов — В. И. Прокофьева, В. А. Зиновьева и В. А. Яковлевского, капитана дальнего плавания М. А. Украинцева, личного секретаря г. Корзухина — Н. Ф. Сторожкова[VII], японского горного инженера г. Шибата, японского геолога г. Ямагучи, японского горного техника г. Иджима, японского врача, японского радиотелеграфиста, японца-переводчика г. Саики, молодого японца г. Терао и 24 японских горнорабочих (с каменноугольных копей на остр. Хокаидо). Помимо указанных лиц по пути, а именно, в Петропавловске на Камчатке к экспедиции должен был присоединиться еще горный техник г. Воротников, но, как оказалось впоследствии, от захода в Петропавловск, в видах экономии времени, Началь(л. 1 об.)ник экспедиции решил отказаться.

С первого же дня плавания выяснилась недостаточность силы мотора, при силе встречного ветра в 3–4 балла по Бофорту шхуна наша двигаться вперед уже не могла. Средняя скорость подвижки шхуны при моторе, но без парусов при боковых ветрах была 3 ½ –4 морских мили или 6–7 верст в час, наибольшая же скорость при попутном ветре, моторе и парусах, доходила до 8 миль или 14 верст в час.

Благодаря такой медленной подвижке, переход от Иокохамы (35° сев. шир. и 140° вост. долг. от Гринвича) до бухты Угольной, находящейся на побережье Берингова моря по 62° 50’–63°3’ сев. шир. и 170° 50’ вост. долг. от Гринвича, был закончен, при безостановочном плавании лишь на 20 сутки, а именно 14 июля.

Остановка в бухте Угольной была сделана с целью обследования берега и, если окажется благонадежное месторождение угля, занять его под разведку.

Для производства поисков, которые должны были вестись в пользу А. М. Мелких[VIII], имеющего разрешение на занятие здесь горным промыслом и выдавшего доверенность на производство горных разведок горному инженеру И. А. Корзухину, а также для производства топографической съемки 15 июля в 9 час. утра на берег были спущены две разведочные партии во главе с японскими техниками, а в 12 час. дня на возвратившихся моторных лодках отправились еще две партии —

[VI] В ркп ошибка в отчестве: Владимир Павлович Шмотин (?–1939), горный инженер. Родился в Бодайбо. Окончил Санкт-Петербургский горный институт в 1904 г. В 1915 г. выступал на Втором всероссийском съезде горнопромышленников (см.: Доклад представителя золотопромышленников Северной части Ленского горного округа, горного инженера В. П. Шмотина / Второй Всерос. съезд золото- и платинопромышленников. [Петроград], [1915]). Главноуправляющий Ленскими приисками В. А. Ратькова-Рожнова, вице-директор Горного департамента в правительстве А. В. Колчака. После Гражданской войны бежал в Японию. Печатался в журнале «Русский Дальний Восток». С 1923 г. жил в Париже. Работал шофером такси (Чуваков В. Н. Незабытые могилы. М., 2007. Т. 6, кн. 3. С. 441).

[VII] Николай Федорович Сторожков (1899 — после 1945), потомственный дворянин. В 1916 г. он окончил Кадетскую роту и перешел в гардемарины. Служил на крейсере «Орел». В 1918 г., покинув крейсер, поселился в Японии, где служил при представительстве Главной артели ликвидации военных заказов Русского императорского правительства в Японии, затем в Военно-российской агентуре и Русско-японском горнопромышленном обществе Корзухина и Фукуямы, учился в Университете Кэйо. В 1932 г. выехал в Харбин, с 1933 г. работал десятником в строительной конторе Суринова. С 1934 г. по 1937 г. служил конторщиком в торгово-промышленном отделе городского управления; с 1937 г. по 1938 г. — в Восточном строительном М 130; с 1938 г. по 1941 г. — в фирме «Братья Воронцовы» (Плискина В. Н. Русские переводчики из Харбина // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 78); Маковцова С. В. «Токио — Харбин — Райчихинск». О судьбе райчихинца Сторожкова Ф. Н. — участника хабаровского процесса 1949 г. // URL: https://museumamur.org/kraevedenie-i-obrazovanie/material%20conferencii/yanvar/2025/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0.docx (дата обращения: 26.01.2026).

[VIII] Александр Михеевич Мелких (1881–1933), из дворянской семьи, сын московского чиновника. Выпускник юридического факультета Московского университета, помощник присяжного поверенного. В 1910–1911 гг. путешествовал по Сибири, написал книгу «Из экономической жизни Западной Сибири» (1912). В 1912–1917 гг. являлся мировым судьей. Во время Первой мировой войны — уполномоченный Земгора, заведовал подотделом контрольного отдела. Работал также в Земском союзе по помощи раненым. Член Московского юридического общества им. А. И. Чупрова, Русского технического общества, Общества сельского хозяйства. В 1917 г. — член правления Всероссийского союза юристов. После октября 1917 г. поступил на службу в общество «Любимов, Сольво и К°» в качестве заведующего их торговыми делами в Сибири, уехал в Омск. Член и секретарь Государственного экономического совещания при Верховном правителе России адмирале А. В. Колчаке. После поражения Колчака бежал в Японию, где являлся консультантом разных торговых фирм и занимался предпринимательством, потом переселился в Германию. С 1925 г. — секретарь Русского академического союза в Германии, доцент, затем профессор Русского научного института (Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 536; Сорокина М. Ю. Мелких Александр Михеевич, 1881–1933 // Некрополь русского научного зарубежья. URL: https://rusgrave.tmweb.ru/person?prs_id=329 (дата обращения: 26.01.2026).

одна под руководством геолога Ямагучи и другая во главе с инженером Шмотиным. С последней партией отправился и я, чтобы составить акт осмотра разведочных знаков, как об этом просил меня еще во Владивостоке Начальник Управления Земледелия и Государственных имуществ г. Лебедев[IX], а также доверенный А. М. Мелких, инженер Корзухин.

Однако ни той, ни другой партии высадиться на берег в тот день не удалось. От шхуны до места высадки было версты 4 (остановки шхуны на таком значительном расстоянии от берега, очень затруднявшие высадки, являлись обычным явлением до самого конца путешествия; делались они в силу особой острожности японского капитана, хорошо знавшего слабость мотора, требовавшего к тому же не менее сорока минут для своего разогревания). Береговые буруны, при ветре на берег, делали высадку очень опасной, и одна из попыток высадки едва не окончались даже катастрофой, что, в значительной мере, зависело и от плохой работы моторов, которые сплошь и рядом в самые опасные моменты переставали работать (л. 2).

Бывшие с нами моряки (Украинцев и Прокофьев) высадку при подобной обстановке признали невозможной, и решено было возвратиться на шхуну. Благодаря противному ветру и постоянным остановкам моторов, обратный путь был очень труден, и наша лодка вернулась на шхуну лишь в 10 час. вечера, т. е. после 9 ½ час. почти беспрерывной усиленной работы веслами. Вторая лодка вернулась в 11 час. ночи, а третью лодку пришлось идти искать самой шхуне уже после 12 час. ночи.

Следующий день, вследствие ухудшившейся погоды, оказался еще менее благоприятным для высадки, и пришлось ограничиться лишь снятием с берега двух первых партий, высадившихся в более защищенном от ветра месте. В 6 час. вечера обе партии благополучно вернулись на шхуну. Угля этими партиями найдено на было.

17 июля, благодаря сильному туману, сменяющемуся временами дождем с ветром, высадка двух других партий была снова невозможной, и нам удалось сойти на берег лишь в 7 ½ час. утра 18 июля.

У самого места высадки оказался выход пласта угля мощностью ¾ арш., залегающий в глинистых сланцах и имеющий среднее падение в 15–20°. Для производства технического анализа угля были взяты образцы, но на месте почти никаких испытаний не производилось. Уголь этот, легко загорающийся в кучках на открытом воздухе и дающий довольно много золы, следует отнести, по-видимому, к бурым углям.

Дальнейшим осмотром прибрежной полосы, сложенной главнейше[X] из глинистых и железисто-глинистых сланцев, песчаников и конгломератов, в течение двух дней было обнаружено еще несколько выходов на поверхность только более тонких и опластков угля, что и послужило основанием к занятию под разведку, с постановкой надлежащих анализов, пяти площадей в районе р. Угольной, впад.[ающей] в бухту Угольную восточнее р. Лахтина.

В занятой под разведку совершенно безлесой и довольно гористой местности никакого населения нет. Ближайшие немногочисленные юрты, по-видимому, коряков, находятся в нескольких верстах к западу от р. Угольной, а именно на устье р. Лахтина, текущей в Беринговo море.

Из бухты Угольной шхуна отправилась в залив Провидения, отстоящий от нее в 200 морских милях, т. е. в 2 сутках пути. Благодаря сильному туману, совершенно скрывавшему берега, шхуна прошла мимо бухты Провидения, дойдя почти до мыса Чаплина, но, заметив ошибку, вернулась и в 6 ½ час. вечера 21 июля бросила якорь в бухте Эмма — одной из самых удобных и спокойных бухт в заливе Провидения. Целью нашего захода в бухту Эмма было повидаться с Начальником Чукотского уезда, пополнить запасы прес(л. 2 об.)ной воды и приготовить золотопоисковые партии к спуску их на берег в бухте Преображения, т. к. последняя, будучи защищена лишь от северных ветров, не являлась надежной якорной стоянкой.

[IX] Начальником управления земледелия и государственных имуществ и Лесного отдела (управления) Приморской областной земской управы, Дальневосточной республики и Временного правительства Приамурья в 1920–1922 гг. был Алексей Дмитриевич Лебедев. В 1913 г. — коллежский секретарь, ученый лесовод, лесной ревизор 1-го района управления госимуществ. Член комитета по делам мелкого кредита (1916). В советское время он продолжал работу в органах охраны лесного хозяйства и в 1926 г. опубликовал статью «Лесное хозяйство и лесопромышленность Приморья» (Сов. Приморье. 1926. № 1/2. С. 19–37) (Манько Ю. И. История сдачи лесов на побережье Татарского пролива в долгосрочное концессионное пользование // Вестник ДВО РАН. 2015. № 5 (183). С. 88–101; Благовещенцы. Проект Амурского областного краеведческого музея. URL: http://old.museumamur.org/bibliography/%D0%9B?Bibliography_page=4 (дата обращения: 26.01.2026).

[X] Так в ркп.

Увидеть Начальника Чукотского уезда нам, однако, не удалось, т. к. оказалось, что резиденция его ныне находится севернее мыса Дежнева, в п. Уэлен.

На берегу бухты Эмма оказалось 4 жилых русских дома и 2 торговых при них склада, а кроме того, 15–20 юрт и палаток прикочевавших сюда алеутов, ожидающих и совершенно безнадежно прихода русского парохода с необходимыми им на зиму продуктами и товарами. На зиму здесь обычно остается не более 8–10 юрт.

Из двух находившихся здесь складов — русско-поданного эстонца Томсона[XI] и Союза Камчатских Кооперативов[XII] — первый из них, за неполучением от Уездного Начальника, торгового свидетельства, был временно закрыт, а второй, хотя и действовал, но товаров в нем, за исключением муки (до 600 пудов) и чаю, было очень немного, а именно, в самом ограниченном количестве сахар, сало, свечи, спички, мыло, порох, патроны, американские капканы и несколько штук эмалированных кофейников и примусов.

Из русских на берегу, помимо Томсона и его жены, постоянно жили еще фельдшер В. Р. Никифоров и заведывающий складом Союза Камчатских Кооперативов г. Павлов; кроме того, временно проживали здесь один русский и один американец (доктор медицины, он же и литератор), потерпевшие кораблекрушение на пути сюда из г. Номе[XIII] и ожидавшие случая уехать обратно.

По словам фельдшера Никифорова, бухта Эмма освободилась в этом году от льда лишь 5 июля, т. е., всегда за 2 ½ недели до нашего прихода. Все склоны гор, окаймляющих бухту, были еще испещрены снежными полосами, и снега здесь сохранилось, вообще, заметно больше, чем в бухте Угольной. Никаких признаков не только древесной, но даже мелкой кустарниковой растительности, которая еще изредка попадается в бухте Угольной, на берегу не оказалось.

Единственным топливом в домах является каменный уголь, оставленный несколько лет тому назад военным судном «Тобол» на противоположной стороне бухты.

23 июля в 6 час. вечера отправились из залива Провидения в бухту Преображения, куда и прибыли на следующий день в 3 ½ час. дня; в 7 час. вечера были спущены на берег, отличающийся суровым гористым характером, две поисковые на золото партии, в составе 10 человек каждая, и в 9 час. (л. 3) вечера шхуна отправилась далее по направлению к м. Меечкен[XIV], что западнее бухты Преображения для спуска на берег здесь третьей партии. К мысу Меечкен пришли 25 июля в 3 ½ час. дня.

Общий характер здесь гор на берегу, вследствие значительного размыва, более спокойный; прежних острых гранитных пик и утесов не видно. Глаз впервые видит значительную равнину, по которой протекает небольшая речка с расположившимся на ней селением чукчей.

Сейчас же по отдаче якоря, спустили на берег две шлюпки с 16 чел. матросов и рабочих для исследования условий высадки, а в 7 час. вечера на трех моторых лодках была отправлена на берег третья партия в составе 15 человек. Встреченные здесь на берегу чукчи, в отличие от эскимосов бухты Эмма, по-русски совершенно ничего не понимали.

В полночь того же дня шхуна отправилась на север по направлению к м. Литке, что несколько южнее м. Дежнева, откуда предполагалось отправить 4-ю партию на месторождение графита, в вершине рч. Тильгариуэм, известной инженеру Корзухину еще по его разведочным работам в 1903 году.

[XI] Болл (Вилла) Томсон — торговец, владелец шхуны «Trader», на которой совершал поездки в Ном (Аляска) за товарами. Вел деятельность на Чукотке с 1910-х гг. Капитан Р. Бартлетт описывал встречу с Томсоном в мае 1921 г. следующим образом: «В гавани Эмма я встретил мистера Томсона, у которого был там торговый склад. Балтийский уроженец, он стал с юных лет мореплавателем, служил на немецких, французских и английских кораблях и прекрасно говорил по-английски». Из описи его имущества, составленной в 1923 г., следует, что Томсон владел домом с четырьмя комнатами и кладовой, складом-магазином для товаров (Бартлетт Р. Последнее плавание «Карлука». Л., 1936. С. 159; Ярзуткина А. А. Формы и характер торговли американских предпринимателей с коренными жителями Чукотки в конце XIX — начале XX века) // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 8 (9). С. 37, 42, 45, 46; Болл (Вилла) Томсон... // Odynokiy. Дороги... По дорогам странствий жизнь промчалась... Живой журнал. 16 октября 2013 г. URL: https://odynokiy.livejournal.com/227122.html?noscroll#comments (дата обращения: 26.01.2026).

[XII] Союз камчатских кооперативов был создан в 1920 г. в Петропавловске-Камчатском.

[XIII] Так в ркп. Современное название — Ном.

[XIV] Совр. название — Меэчкын.

26 июля к вечеру барометр стал резко падать, ветер все усиливался; налицо были ясные признаки приближающегося шторма. Пользуясь близостью шхуны к заливу Провидения, капитан шхуны решил укрыться от шторма в бухту Эмма; кстати, нужно было исправить кой-что в моторе.

27 июля на рассвете мы были уже в бухте Эмма.

К вечеру того же дня туда же пришла торговая двухмачтовая шхуна «Chukotek»[XV] американца Свенсена[XVI]. На шхуне оказалось двое русских — Лозинкин и Иванов, — которые торговали в заливе Св. Креста и в п. Меечкен и ныне, из-за боязни большевиков, в прошлом году ликвидировавших все русскую[XVII] торговлю на устье Анадыря (осталась торговля только Свенсена и еще какого-то американца), продали все свои товары американцу Свенсену.

28 июня, к вечеру, пришла вторая небольшая американская шхуна[XVIII], водоизмещением 10–15 тонн.

29 июля в 2 ½ дня, взяв на борт[XIX] 3 эскимосов в качестве рабочих, наша шхуна отправилась к мысу Литке.

К последнему подошли 30-го, часов в 5 вечера, однако, ввиду плохой стоянки и боязни появления из Берингова пролива льдов, на берег решили не сходить, т. к. сошедшая на берег партия на обратном пути могла не застать здесь шхуны, а вернуться и идти в залив Св. Лаврентия, несмотря на то, что от м. Литке до месторождения графита было всего 8 верст, а от залива Св. Лаврентия — 18–20 верст (л. 3 об.).

Дойти до залива Св. Лаврентия в тот же день не удалось из-за густого тумана, и в 9 ½ час. вечера был брошен якорь на глубине 22 саж. Туман рассеялся только к 2 пополудни следующего дня; в 3 ½ час. дня мы стали входить в бухту Св. Лаврентия, где остановились в п. Св. Николая в 6 час. вечера[XX].

На берегу, кроме видневшихся вдали 2–3 чукотских палаток, никакого жилья не оказалось, а от бывших здесь построек Северо-Восточного Общества[XXI] валялись лишь железные части печей.

[XV] Название шхуны вписано карандашом от руки.

[XVI] Олаф Свенсон (1883–1938) — предприниматель, путешественник, занимался торговлей на Чукотке с 1905 г. В 1913 г. выступил сооснователем компании «Хиббард-Свенсон» (с 1922 г. — «Олаф Свенсон и К°»), которая вела активную торговлю на Чукотке через своих агентов и местных коммерсантов. В 1923 г. торговые суда Свенсона были арестованы большевиками, однако в 1925 г. ему удалось заключить контракт с советским правительством, и торговля продолжалась до 1930 г. В 1931–1933 гг. Свенсон неоднократно ездил в Советскую Россию для решения дел, связанных с закрытием бизнеса. В 1914 г. Свенсон принял активное участие в спасении с острова Врангеля участников Канадской арктической экспедиции. В 1928–1929 гг. совершил поход на собачьих и оленьих упряжках с мыса Северный (ныне — м. Шмидта) до Иркутска. Автор воспоминаний «Северо-Запад мира: сорок лет торговли и охоты в Северной Сибири» (1944) (Olaf Swenson // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Olaf_Swenson (дата обращения: 26.01.2026).

[XVII] Слово «русскую» обведено карандашом и сверху подписано: «американскую».

[XVIII] Оставлено место для названия.

[XIX] В ркп ошибочно: берег.

[XX] Судя по грамматике, сокращение п. в данном случае обозначает слово «поселок», однако имеется в виду пост Святого Николая, который был основан в 1902 г. как база для Северо-Восточного Сибирского общества на косе Кытрын в заливе Лаврентия (Никифоров В. Уездная история // Проза.ру. URL: https://proza.ru/2022/04/24/694 (дата обращения: 26.01.2026).

[XXI] Северо-Восточное Сибирское общество (СВСО) было создано в 1902 г. отставным гвардейским полковником В. М. Вонлярлярским и по идее российских властей должно было противодействовать активной деятельности американцев на Чукотке. Однако Общество изначально было связано с американским капиталом и в конечном итоге стало проводником американских интересов. Общество получило концессию на добычу полезных ископаемых и торговлю на Чукотке. Для осуществления этой деятельности на побережье Берингова моря были созданы несколько постов, или станций: Св. Михаила у м. Дежнёва, Св. Николая в бухте Лаврентия и Св. Владимира в бухте Провидения. По свидетельству Н. Ф. Колесникова, путешествовавшего по Чукотке, деятельность СВСО велась нерационально, и в результате оно пришло в упадок. В последний год концессии (1910 г.) посты были закрыты из-за отсутствия товаров; вскоре Общество прекратило свою деятельность. Впрочем, есть сведения, что концессия была прекращена по истечении срока из-за того, что Общество преследовало интересы американцев (Тульчинский К. Н. Отчет по командировке на Чукотский полуостров для всестороннего ознакомления на месте с деятельностью Северо-Восточного Сибирского общества. СПб., 1906; Калинников Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912. С. 175–177; Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001. С. 67, 68; Krupnik I., Chlenov M. Yupik transitions: change and survival at Bering strait, 1900–1960. Fairbanks, 2013. P. 10–12).

Вскоре на шхуну приехал в лодке русско-подданный ингуш Добреев[XXII], торгующий на мысе Яндыгай[XXIII] (левый входной[XXIV] мыс в заливе Св. Лаврентия), в надежде обменять песцов на товары, которых, по его словам, ни у кого в п. Яндыгай, состоящем из 24 юрт, нет (особенно чувствовался недостаток в муке, патронах и сахаре). Впоследствии г. Добреев, будучи весьма любезным человеком, оказал нашей экспедиции, как знаток местных условий, целый ряд услуг.

На завтра решено было отправиться на месторождение графита в вершине рч. Тильгариуэм с тем, чтобы его заявить и чтобы, если позволит время (к 12 августа, согласно уговору, шхуна должна была подойти к м. Меечкен, где была спущена III-я партия), принять один отвод.

1 августа в 8 час. утра партия, в составе 9 чел., а именно, 2 русских (инженер Корзухин и я), 3 японцев (инж. Шибата и 2 рабочих), 3 эскимосов (рабочих) и 1 чукчи (переводчика), отправились на берег и в 11 час. утра двинулись пешком на месторождение графита.

Благодаря необходимости нести весь груз на себе и благодаря гористому характеру местности с заболоченными, покрытыми кочковатой тундрой долинами, скорость подвижки не превышала 1 ¼–1 ½ вер.[ст] в час, т. е. каждые 200–300 с.[аженей] рабочие садились отдыхать. К 7 час. вечера было пройдено немного менее половину пути, и, ввиду усталости рабочих, партия остановилась на ночлег.

Главнейшими встреченными как за этот день, так и за два последующих дня породами были роговообманковые граниты, местами переходящие в гранито-гнейсы и известняки, в большинстве случаев, кристаллические.

Дойти до месторождения графита не удалось и в течение следующего дня, когда из-за усталости одного молодого рабочего, остановились на ночлег в 5 час. вечера.

3 августа с утра пошел сильный дождь, и снять палатку и тронуться дальше удалось лишь к 11 час. утра (л. 4).

В 1 час дня мы были на месторождении графита, где нашли на довольно крутом склоне горы, расположенной на левой стороне вершины[XXV] рч. Тильгариуэм, полуразобранный американской постройки дом разм.[ерами] 9 с.[аженей] х 2 ½ саж.[еней]. По собранным впоследствии сведениям, можно подумать, что он был построен во время последней войны, для хищнической здесь добычи графита. В доме оказалось не менее 40 пудов хорошего качества графита и 2–3 ящика с испорченным динамитом. Вокруг дома валялись части ручного перфоратора, опрокинутая вагонетка, рельсы и разная железная ломь. С восточной стороны дома, в 11 от него аршинах находилось полуобвалившееся устье заложенной в горе штольни, в 9 арш. к востоку от устья штольни имелась вентиляционная шахта штольни в сечении 1 кв.[адратный] аршин, а далее к востоку шла на протяжении 40 арш. разведочная канава шириной в 4 арш. Помимо этого с той же восточной стороны к дому почти примыкали еще две разведочные канавы — одна протяжением 25 арш., а другая 41 арш. и шириной каждая от 2 до 5 арш. У канав этих лежало до 300 пудов добытого графита. К южной стороне дома примыкала разведочная канава длиной 15 саж. и шириною 1 саж.

Содержащая графит гнейсовая дейка залегает в гранито-гнейсах и имеет простирание почти с на[XXVI] при падении на[XXVII] в 50°. Наиболее обогащенная графитом часть ея в местах пересечения

[XXII] Ингуш Магомет Джентемирович Добриев (1884–1938) в начале XX в. отправился на Аляску, затем переселился на Чукотку, где женился на эксимоске Сиук'елан Чиэк'элын (Ксения Львовна) и стал родоначальником известной здесь семьи Добриевых. Жил в селении Яндогай, где у него была фактория, был торговым агентом Свенсона. В 1931 г. Добриевы переселились на Культбазу в заливе Лаврентия. Добриев работал заведующим собачьим питомником, завхозом культбазы и пекарем. В 1934 г. он принимал участие в организации спасения челюскинцев, перевозил их на собачьих упряжках из Ванкарема и Уэлена на Культбазу, награжден почетной грамотой. В конце жизни Добриев был арестован, от него требовали признания в связях с американской разведкой, хранении золота и долларов. Магомета Добриева освободили, но здоровье его было подорвано, в декабре 1938 г. он тяжело заболел и умер (Добриев Б. Кавказцы на Чукотке // Крайний Север. 10 июня 1998 г.; Ярзуткина А. А. Чукотские семьи американских торговцев: микроистория торговых отношений в начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов, 2012. № 4 (18), ч. 2. С. 223–227. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/57.html (дата обращения: 26.01.2026).

[XXIII] Совр. название — Яндогай.

[XXIV] Исправлено из «выходной».

[XXV] В ркп — «вершине».

[XXVI] Оставлено пустое место для цифровых данных.

[XXVII] Оставлено пустое место для цифровых данных.

разведочными канавами имела мощность в ½ арш. Графит, по виду, очень хорошего качества и напоминает цейлонский.

Половина дня 3 августа и весь день 4 августа были затрачены на осмотр местности, на заявку ее и на прием одной небольшой площади в отвод.

В течение 5 и 6 августа партия возвращалась к заливу Св. Лаврентия.

6 августа в 4 часа дня шхуна наша тронулась за двумя золото-поисковыми партиями, высаженными в бухте Преображения, и по пути решила зайти в залив Провидения, чтобы повидать г. Томсона, ожидавшегося к этому времени из Америки, для передачи ему телеграммы, содержащей краткие сведения об экспедиции, с просьбой отправить ее в Токио при первом представившемся к тому случае. Надо заметить, что с моменту ухода шхуны из Иокохамы, экспедиция лишена была возможности послать о себе радиотелеграмму (вопреки своему обещанию), т. к. специального мотора для приведения в действие динамо установлено не было, а слабый мотор шхуны слишком изнашивался от форсированной работы, и потому пришлось отказаться с самого начала пути.

На следующий день, 7 августа, шхуна из-за сильного тумана вынуждена (л. 4 об.) была с 3 час. дня остановиться и простоять на якоре почти до ночи. В бухту Провидения вошли только 8 августа рано утром.

При свидании с г. Томсоном, последний, между прочим, сообщил нам, что торговлю свою в бухте Провидения, которой занимался сряду 18 лет, он решил, из-за боязни большевиков, ликвидировать, передав дело старинной английской (частью американской) К-о Гудзон-Бай[xxviii]. Эта последняя, по словам Томсона, будет иметь в ближайшее время на Чукотском полуострове и на Анадыре 14 магазинов, так что фактически вся торговля здесь будет в руках англо-американцев.

В настоящий момент торговля на Чукотском полуострове сосредотачивалась в следующих руках: на мысе Сердце-Камень торгуют норвержец Ольсен[xxix] и Воол[xxx] (национ. неизвестна);

[xxviii] Компания Гудзонова залива (Hudson's Bay Company, «Гудзон-Бей») была основана в 1670 г. английскими предпринимателями для поисков Северо-Западного прохода, освоения территорий вокруг Гудзонова залива и торговли с местными племенами. С 1920 г. компания вела активную торговую деятельность на Чукотке, побережье Охотского моря и на Камчатке, составляя конкуренцию О. Свенсону. В 1923 г. компания получила от советских властей монопольное право на вывоз пушнины с Чукотского полуострова и Камчатки, обязуясь, в свою очередь, организовать снабжение местного населения необходимыми товарами. Факторий компании располагались на мысе Северный, на мысе Дежнёва (скорее всего, в поселке Дежнёв), в Яндогае, Заливе Креста, Анадыре, устье р. Канчалан, устье р. Белой и в селе Марково. Монополия Компании Гудзонова залива вызвала многочисленные нарекания со стороны местного населения, и договор был расторгнут (Кошкарева С. Г. Указ. соч.).

[xxix] Иол Ольсен, норвежец, предприниматель, агент О. Свенсона. В 1914 г. оказал деятельную помощь капитану Р. Бартлетту, добиравшемуся с острова Врангеля на Аляску для организации спасения участников Канадской арктической экспедиции (Бартлетт Р. Указ. соч. С. 146, 147). Ольсену принадлежал дом «американского типа» в селении Ванкарем, где в 1931 г., по свидетельству пограничного офицера А. А. Кампана, жила «оставленная им жена чукчанка Печяк с дочкой Мэри» (Калтан А. И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова 1930/31 г. / публ. Л. Богословской // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. М., 2008. С. 306; Ярзуткина А. А. Чукотские семьи американских торговцев... С. 224). Уточнение фамилии автора отчета по обследованию Чукотского полуострова в 1930/1931 г.: Шокарев С. Ю. Фотоальбом А. А. Кампана — источник по истории береговой Чукотки начала 1930-х годов // Кунсткамера. 2024. № 3 (25). С. 102–120).

[xxx] Бенд (Бернд) Бешвенсон Волл (1873–1944), норвежец, торговец. В девятилетнем возрасте он приехал с дедом на Аляску, где трудился рабочим на железной дороге, а затем стал золотоискателем. Работал на Клондайке, встречался с Джеком Лондоном, потом занялся китобойным промыслом, плавал на разных судах в Тихом океане. В 1902 г. нанялся старателем Северо-Восточного Сибирского общества и переехал на Чукотку. Сильный человек и надежный товарищ, Бенд получил прозвище Wall (Стена), которое затем стало фамилией. В 1906 г. Волл женился на чукчанке Тын'ат (Тынатваль) и поселился в Энурмино, неподалеку от мыса Сердце Камень. Волл успешно влился в местное сообщество, ходил с чукчами на охоту, владел шхуной, на которой вел морзверобойный промысел. С 1914 г. занялся торговлей, получая товары первоначально от Северо-Восточного Сибирского общества, а затем — от О. Свенсона. Огромная яранга Волла, обустроенная на европейский манер, была местной знаменитостью, в ней останавливались все европейцы, путешествовавшие по Чукотке (Р. Бартлетт, Х. Свердруп, Р. Амундсен, участники Челюскинской экспедиции и др.). В 1923 г. в результате несчастного случая лишился кистей обеих рук, но смог приспособиться и управлял протезами. В это же время из-за непомерных налогов со стороны советской власти и конфискаций был вынужден прекратить занятия торговлей. Впоследствии работал пекарем в поселке. Умер от эпидемии гриппа. Автор описания торговли на Чукотке в начале XX в. (до 1923 г.) (Ярзуткина А. А. Чукотские семьи американских торговцев... С. 223–227; Шокарев С. Ю. Норвежец Бенд Волл о торговле на Чукотке в начале XX века // Культурологический журнал. 2022. № 4 (50). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/599.html&j_id=54 (дата обращения: 26.01.2026).

на посту Дежнева[xxxi] торгуют австралиец Чарльз Карпентер[xxxii] и осетин Караев[xxxiii] (один из самых крупных местных торговцев), но последний торговлю свою, после двухкратных ограблений его большевиками (на Колыме и на Анадыре), решил ликвидировать, передав ее Канадской К-о Гудзон-Бай; в Яндыгае торгуют ингуш Магомет Добреев и осетин Караев (торговлю ликвидируют), в с. Лорине (в 21 милях южнее Яндыгая), состоящем из 13 юрт, торгуют осетин Габисов[xxxiv] и американец Свенсен; в с. Аканин[xxxv] (между Яндыгаем и Лориным) торговля[xxxvi] в руках Габисова; в 25 милях южнее Лорина торгует норвежец Джонсон[xxxvii]; в бухте Эмма торгует эстонец Томсон, предполагающий осенью продать дело К-о Гудзон-Бай и уехать в Эстонию, и Союз Камчатских Кооперативов; на мысе Беринга торгуют американец Свенсен и осетин Караев; в с. Меечкен и в заливе Св. Креста вся торговля, бывшая в руках русского Лозинкина, из-за боязни большевиков, в текущее лето перешла к американцу Свенсену.

9 августа в 9 час. утра прибыли к месту высадки двух первых поисковых партий в бухте Преображения. В 12 час. дня руководители партий были уже на шхуне и сообщили, что обеими партиями были встречены знаки золота в сист.[еме] р. Узловой, впад.[ающей] в Берингово море в 7 вер. на восток от мыса Шпанберга (восточная оконечность бухты Преображения). Ввиду краткости

[xxxi] Пост Св. Михаила (Дежнёвский пост), основанный Северо-Восточным Сибирским обществом, располагался южнее мыса Дежнёва, на берегу удобной бухты Дежнёва. Поселок, который возник здесь в начале XX в., получил название Дежнёв (в советское время — Дежнёво).

[xxxii] Кларендон Колсон Карпендель (Чарли) (1874–1951), австралиец, приехал на Аляску в 1900 г. В 1904 г. прибыл на Чукотку как золотоискатель. Вскоре после приезда женился на чукчанке (по другим сведениям, эскимоске) Пунг-я (Тонаник), которую звал Джесси. В семье было девять детей. Жил и содержал факторию в поселке Дежнёв. Около 1923 г., как и другие торговцы, был вынужден прекратить коммерческую деятельность. В 1926 г. семья Карпенделей переехала на Аляску на вельботе. Жили в Номе, затем в Сиэтле, потом перебрались в Канаду, где держали птицеферму (Ярзуткина А. А. Чукотские семьи американских торговцев... С. 223–225). Одна из дочерей К. К. Карпенделя, Камилла, некоторое время воспитывалась известным полярным исследователем Р. Амундсеном вместе с эксимосской девочкой Каконитой. Затем девочки вернулись в семью Карпенделей (см.: Итреберг Э. Сердце-Камень. История о Ните Какот Амундсен, Камилле Карпендейл и Руале Амундсене. М., 2022). Материалы о К. К. Карпенделе и его семье в значительном объеме представлены в Живом журнале пользователя Odynokiy. Дороги... По дорогам странствий жизнь промчалась... См. по тегу Карпендель. URL: https://odynokiy.livejournal.com/tag/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C/ (дата обращения: 26.01.2026).

[xxxiii] Федор Иванович и Александр Иванович (1886–1961) Караевы являлись крупнейшими торговцами на Чукотке. Фактории фирмы «Братья Караевы» располагались на м. Северный (Шмидта), в Ванкареме, Энурмино, Уэлене, Яндогае, Чаплино, Заливе Креста. Центром торговой империи Караевых на Чукотке был поселок (пост) Дежнёв. А. И. Караев, обладавший широкими культурными интересами, занимался исследованием местного края и даже создал особую письменность для эскимосов. Во время Гражданской войны братья Караевы и другие торговцы, возмущенные грабежами белогвардейцев, поддержали советскую власть. В декабре 1922 г. Ф. И. Караев, пользовавшийся большим уважением в крае, был назначен уполномоченным Камчатского ревкома по Анадырскому уезду и Чукотскому полуострову. Ф. И. Караев организовал отряды «народной охраны» («заградительные») из коммерсантов (среди них было немало выходцев с Кавказа — осетин, дагестанцев, ингушей) и местных охотников. После окончания Гражданской войны Караев, социально чуждый новой власти, был смещен с поста уездного уполномоченного. В 1923 г. имущество Караевых было национализировано и они покинули Дежнёв. А. И. Караев переехал во Владивосток, а в 1925 г. в Японию, где создал компанию по торговле с СССР. В 1947 г. он с семьей вернулся в СССР, работал в Свердловске главным механиком на заводах по ремонту и проектированию точных измерительных и оптических приборов. А. И. Караев оставил богатый фотоархив, дневники и воспоминания, которые ждут исследования и публикации. Ф. И. Караев и его племянник М. Х. Караев упоминаются как участники различных советских полярных экспедиций 1920-х гг. в Чукотском и Восточно-Сибирском морях. В 1930 г. Ф. и М. Караевы показаны в числе пассажиров, прибывших в США. Однако известно, что М. Х. Караев вернулся в СССР. Есть сведения, что в 1939 г. он был арестован, затем оправдан и вскоре после этого умер (Караев А. И. Чукотско-Анадырский край (очерки местного жителя) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926. № 4. С. 140–153; Караев Б. А. Восточный ветер: Воспоминания и размышления. Екатеринбург, 2003; Шокарев С. Ю. Кнуд Расмуссен на Чукотке... С. 331–333). Материалы по истории семьи Караевых в значительном объеме представлены в Живом журнале пользователя Odynokiy. Дороги... По дорогам странствий жизнь промчалась... См. по тегам: Караевы, Караевы продолжение, Караевы-промежуточные итоги.

[xxxiv] Возможно, этот человек упоминается К. Расмуссеном как Gobrinoff — один из разорившихся торговцев, с которыми датский исследователь встречался в Уэллене в 17 или 18 сентября 1924 г. (Rasmussen K. Op. cit. P. 371).

[xxxv] Совр. название — Аккани.

[xxxvi] В ркп — «торговлю».

[xxxvii] Возможно, имеется в виду швед Карл Джонсон (1875–1939). Он приехал в Сиэтл в начале 1900-е гг., затем жил в Номе, где выучил эскимосский язык. На Чукотке являлся торговым агентом фирмы «Phoenix Northern Trading C°». Известно, что он создал фактории на мысе Сенявина и в Колючинской губе, развозил товары и собирал пушнину на собственных ездовых собаках (Ярзуткина А. А. Формы и характер торговли американских предпринимателей... С. 34, 44, 46).

времени, бывшего в распоряжении партий, работы одной из них, встретившей лучшие знаки золота, решили продолжить, шхуна же направилась к губе Преображения, где предполагал сойти на берег геолог Ямагучи для отыскания и осмотра месторождения того колчеданистого кварца, образец которого нам был дан г. Томсоном.

10 августа утром остановились в губе Преображения, но сильный дождь, продолжавшийся весь день, позволил г. Ямагучи сойти на берег лишь на 2–3 часа (л. 5).

В 8 час. вечера на шхуну приехал в гости американский ученый зоолог[xxxviii] м-р Боригем[xxxix] (Председатель О-ва Защиты птиц в Нью-Йорке), палатка коего находилась в 10 милях от шхуны. Цель путешествия мистера Боригем, которое он, якобы, начал от границ Мексики, было изучение быта и мест нахождения горного барана (очевидно, кабарги)[xl].

В ближайшие годы он намерен продолжить свою работу вдоль всей Камчатки, перенести ее в центральную Азию и закончить в Гималаях[xli].

11 августа с утра поднялся сильный юго-восточный ветер. Отыскать месторождение колчеданистого кварца на берегу г. Ямагучи не удалось, т. к. вследствие сильного ветра, его спустили на берег не в том месте.

Несмотря на сильный ветер, в 11 час. вечера тронулись к м. Меечкен за третьей партией. Однако, пройдя 20 миль, 12-го августа, на рассвете вынуждены были, вследствие усиливавшегося юго-восточного ветра, бросить якорь, укрывшись за мыс Беринга. На берегу видны были 3 европ.[ейских] дома (здесь торгуют Свенсен и осетин Караев) и до 20 юрт чукчей.

12 августа к обеду ветер достиг силы 7 баллов, а к вечеру он перешел в настоящий шторм, продолжавшийся всю ночь.

Стояли все время на двух якорях.

К утру 13 августа юго-восточный ветер стих, переменившись на южный. В 11 час. утра тронулись к м. Меечкен, куда и прибыли в 6 час. вечера. Партии на берегу не оказалось.

В 8 ½ час. вечера на шхуну приехал один из караульных оставленного на берегу склада провизии и сообщил, что партия инженера Шмотина находился в 2 милях от берега. Инженер Шмотин с топографом Прокофьевым вернулись на шхуну лишь на другой день в 10 час. утра, а рабочие, ввиду затруднений, встреченных со спуском груженной моторной лодки по реке, возвратились только утром 15 августа.

Партией, обследовавшей береговую полосу со всеми впадающими в нее речками вблизи косы Меечкен длиной в 20 верст и вглубь до 10–20 верст, золота фактически найдено не было, т. к. мерзлота, начинавшаяся с 2 футов, а местами огромный поток воды не давали возможности в столь короткий срок углубиться до плотика донных отложений, но вероятность нахождения здесь золота была у руководителя партией настолько велика, что ряд заявок на золото партией был все же сделан.

15 августа в 5 час. вечера тронулись за партией, работающей в бухте Преображения, куда и прибыли на другой день в 2 ½ час. дня.

Партию взяли на шхуну 17 августа в 6 ½ часов вечера (л. 5 об.).

По словам техника Иджима, золотоносность р. Узловой дальнейшими работами партии подтвердилась, но закончить разведку партия не успела.

[xxxviii] В ркп — «зооог».

[xxxix] Имеется в виду Джон Бёрд Бёрнхэм (John Bird Burnham) (1869–1939) — деятель охраны дикой природы, путешественник, предприниматель. Президент Американской ассоциации защиты и распространения охоты (1911–1928). Возглавлял кампанию по принятию федерального закона Уикса-Маклина об охране перелетных птиц (1913 г.), а также договора об охране перелетных птиц между США и Канадой. В 1921 г. вместе с компаньоном Эндрю М. Тейлором совершил пятимесячное путешествие по Чукотке для поисков горного барана, увенчавшееся обнаружением единственного экземпляра этого животного, а также нескольких рогов. Автор книги «The Rim of Mystery: A Hunter's Wanderings in Unknown Siberian Asia» (1929), посвященной этой экспедиции (см.: DeSormo M. John Bird Burnham, Klondiker, Adirondacker and Eminent Conservationist. New York, 1977). Благодарю И. И. Крупника, который оказал мне помощь в отождествлении этого персонажа из Отчета В. М. Борейши.

[xl] Б. М. Борейша ошибается: целью поисков Д. Б. Бёрнхэма были горные бараны (архары) (Ovis ammon), а не оленевидное животное кабарга (Moschus moschiferus), отличающееся отсутствием рогов и наличием небольших клыков.

[xli] Эти планы не были реализованы, путешествие Д. Б. Бёрнхэма ограничилось Чукоткой.

Спустя 3 часа после возврата партии на борт шхуны, последняя снялась с якоря и отправилась в залив Провидения, откуда предполагалось спустить на берег на 5 дней две золотопоисковые партии, — направив одну во главе с инженером Шмотиным и инженером Шибата к западу от бухты Всадник (самая северная часть залива Провидения), и другую во главе с геологом Ямагучи к востоку от бухты Хэд (первая бухта к югу от бухты Всадник).

Зайдя по пути утром 18 августа на несколько часов в бухту Эмма, узнали, что недавно здесь была двухмачтовая японская шхуна[XLII] с какой-то японской научной экспедицией, останавливавшейся в Петропавловске и на Анадыре и прошедшей к мысу Дежнева.

В тот же день были спущены на берег обе партии, а именно, партия г. Ямагучи в бухте Хэд в 3 ½ час. дня и партия инженера Шмотина в бухте Всадник 6 ½ час. вечера. Сама шхуна предполагала остаться до возвращения партий в бух.[ту] Всадник, но отсутствие на самом берегу пресной воды заставило ее вернуться в бухту Эмма, где она и оставалась до 23 августа.

За это время, а именно, 22 августа, сюда снова заходила шхуна[XLIII], вернувшаяся из Номе.

Сняв с берега 22 августа в 11 час. ночи подошедшую сюда партию геолога Ямагучи, шхуна в 12 ½ час. дня 23 августа отправилась в бухту Всадник за партией инженера Шмотина.

В 6 час. вечера последняя была уже на шхуне.

Обеими партиями было встречено россыпное золото, но краткость времени не позволила им выяснить значение россыпей в промышленном отношении. Более интересные по содержанию золота данные были получены партией инженера Шмотина, встретившей контакт диоритов и гранитов с известняками и заявившей 4 золотоносных речки и один ключ[XLIV], сист.[емы] р.р. Васкаравая, текущих в Берингово море.

На маршруте, начатом геологом Ямагучи в бухте Хэд и законченном в бухте Эмма, и пересекшем, между прочим, осадочные породы (глинистые сланцы), а из изверженных — риолит, лотковыми проблами золото было обнаружено лишь в одном пункте[XLV]. В 9 час. вечера, ввиду сильного ветра, шхуна снова зашла в бухту Эмма, а 24 августа, в 7 час. утра, т. е., спустя ровно 2 месяца после выхода ея из Иокохамы, она тронулась в обратный путь в Японию (л. 6).

На обратном пути (от залива Провидения до порта Куширо[XLVI] — одного из самых северных портов о. Хокаидо[XLVII]), длившемся безостановочно 25 суток, шхуне пришлось выдержать два шторма, а именно: на 3 и 4-й дни после выхода из бухты Провидения, когда шхуну встречным -м[XLVIII] ветром снесло очень далеко на[XLIX] и, между прочим, был потерян один из парусов, и 3–5 сентября при приближении и проходе через гряду Алеутских[L] островов, когда в полночь с 4 на 5-е шхуна едва не наскочила на какой-то остров. Алеутскую гряду прошли между островами Ату и Агату.

Ввиду полученного 15 сентября вечером по радио извещения о двигающемся с о. Формозы нам навстречу тайфуне, решено было в Иокохаму не идти, а высадиться в одном из самых северных японских портов.

Согласно этому решению, наша шхуна 18 сентября в 11 час. утра вошла в порт Куширо, находящийся в северной части о. Хоккаидо, где и стала на якорь.

Все члены экспедиции сошли на берег лишь 19-го, 20-го сели на поезд и 22 сентября утром были уже в Токио.

Что касается шхуны, на которой оставалось все[LI] имущество экспедиции, то она должна была, выждав благоприятную погоду, отправиться в Иокохаму.

С 22 по 30 сентября я вынужден был оставаться в Токио в ожидании парохода во Владивосток, куда прибыл на пароходе «Хозан-Мару» 3-го октября.

[XLII] Оставлено место для названия шхуны.
[XLIII] Оставлено место для названия шхуны.
[XLIV] В ркп — «ключъ».
[XLV] Напротив этого абзаца на полях карандашом проставлено: NB.
[XLVI] Совр. название — Кусиро.
[XLVII] Совр. название — Хоккайдо.
[XLVIII] Оставлено место для направления ветра.
[XLIX] Оставлено место для обозначения стороны света.
[L] В ркп — «алеутских».
[LI] Слово «все» впечатано поверх строки.

За время экспедиции мной было получно от Горнопромышленной Корпорации Чукотского полуострова 27 заявок на золото, из коих по 10 заявкам я выдал дозволительные свидетельства на право подробных разведок, а по одной заявке сделал отвод и 1 заявку на графит, по которой, согласно данному мне Управлением Земледелия и Государственных Имуществ полномочию, я выдал дозволительное свидетельство на разведки; помимо сего, доверенным А. М. Мелких было подано 5 заявок на уголь.

Согласно желанию заявителей, мною были составлены акты осмотра местностей, заявленных под уголь и графит, с выдачей им копий актов, а также выданы Горнопромышленной Корпорации копии со всех сделанных ею заявок.

Горный Инженер В. М. Борейша
«18» октября 1921 г.
№ 66
гор. Владивосток.

References

Fedoreev V. N., Sidorenko G. S. [Periods and Stages of the Formation of the Geological Service of Kamchatka and the Main Achievements in the Geological Study of the Territory]. *Gornyy vestnik Kamchatki* [Mining Bulletin of Kamchatka], 2019, iss. 1 (44), pp. 55–71. (In Russian).

Garusova L. N. *Rossiysko-amerikanskiye regional'nyye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Russian-American Regional Relations in the Far East: History and Modernity]. Vladivostok: Izd-vo VGUES Publ., 2001. (In Russian).

Guseinova Z. M. [From the History of the First Publications about A. S. Dargomyzhsky]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedeniye* [Vestnik of Saint Petersburg University. Arts], 2013, no. 4, pp. 16–22. EDN: RMRZUX. (In Russian).

Karaev A. I. [Chukotka-Anadyr Land (Essays by a Local Resident)]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka* [Economic Life of the Far East], 1926, no. 4, pp. 140–153. (In Russian).

Kiselev M. Yu. [History of the Chukotka Peninsula Exploration in the Documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2015, no. 4, pp. 43–51. EDN: VKCIIF. (In Russian).

Koshkareva S. G. [Commercial Activities of "Hudson-Bay" in the Extreme North-East of the Soviet State (Early 1920s)]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association Educational and Scientific Center (KRASEC). The Humanities], 2016, no. 1 (27), pp. 26–30. EDN WYBSOZ. (In Russian).

Krupnik I., Chlenov M. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. (In English).

Makovtsova S. V. ["Tokyo — Harbin — Raichikhinsk" About the Fate of F. N. Storozhkov, Resident of Raichikhinsk, Participant of the 1949 Khabarovsk Trial]. Available at: https://museumamur.org/kraevedenie-i-obrazovanie/material%20conferencii/yanvar/2025/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0.docx (accessed: 26.01.2026). (In Russian).

Manko Yu. I. [The History of Putting Forests on the Coast of the Tatar Strait in the Long-Term Concession Use]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 5 (183), pp. 88–101. EDN: UYYSFX. (In Russian).

Petrov I. M. [I. A. Korzukhin — Author of the First Russian Monograph on Mechanical Processing (Beneficiation) of Minerals]. *Gornyi Zhurnal* [Mining Journal], 2022, no. 11, pp. 89–94. EDN: TONYFX. (In Russian).

Pliskina V. N. [Russian Translators from Harbin]. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka* [Culture and Science of the Far East], 2019, no. 1 (26), pp. 71–85. EDN: FAARSQ. (In Russian).

Popov F. A. [Formation of Zemstvo Statehood in Primorye (January–April, 1920)]. *Manuscript*, 2016, no. 9 (71), pp. 170–175. EDN: WJWRUJ. (In Russian).

Serkov A. I. *Russkoye masonstvo. 1731–2000. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–2000. An Encyclopedic Dictionary]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. (In Russian).

Shokarev S. Yu. [Knud Rasmussen in Chukotka: A Two-Day Journey in the Fifth Thule Expedition (1924)]. *Prikladnaya etnologiya Chukotki: narodnyye znaniya, muzei, kul'turnoye naslediye (K 125-letiyu poyezdki*

N. L. Gondatti na Chukotskiy poluostrov v 1895 g.) [Applied Ethnology of Chukotka: Folk Knowledge, Museums, Cultural Heritage (On the 125th Anniversary of N. L. Gondatti's Trip to the Chukotka Peninsula in 1895)]. Moscow: PressPass Publ., 2020, pp. 327–347. (In Russian).

Shokarev S. Yu. [Norwegian Bend Voll about Trade in Chukotka at the Beginning of the 20th Century]. *Kul'turologicheskiy zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2022, no. 4 (50). Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/599.html&j_id=54 (accessed: 26.01.2026). DOI: 10.34685/HI.2022.27.42.027 (In Russian).

Shokarev S. Yu. [Chukotka in 1921: A mining Engineer's Report]. *GoArctik*, 2023, July 7. Available at: https://goarctic.ru/kultura/chukotka-v-1921-godu-otchyet-gornogo-inzhenera/?ysclid=maigbxqguk42910882 (accessed: 26.01.2026).

Shokarev S. Yu. [Kampan's Photo Album as A Source on the History of Coastal Chukotka in the Early 1930s]. *Kunstkamera*, 2024, no. 3 (25), pp. 102–120. EDN: DSGIII. DOI: 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-102-120 (In Russian).

Yarzutkina A. A. [Forms and Nature of Trade between American Entrepreneurs and the Indigenous Inhabitants of Chukotka in the Late 19th — Early 20th Century]. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy* [All-Russian Journal of Scientific Publications], 2011, no. 8 (9), pp. 34–49 (In Russian).

Yarzutkina A. A. [Chukotka Families of American Traders: Trade Relations Micro-History at the Beginning of the XXth Century]. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2012, no. 4 (18), part 2, pp. 223–227. Available at: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/57.html (accessed: 26.01.2026). EDN: OUWKKD. (In Russian).

Географические реминисценции в литературе

УДК 929:82 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-90-99

Маштакова Любовь Владиславовна
к. ф. н., Государственный университет Чжэнчжи (Китай, Тайбэй); Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)
ORCID: 0000-0001-9664-6110
E-mail: lika170288@mail.ru

Становление «поэта края»: случай Л. В. Исакова*

АННОТАЦИЯ. В статье представлен последовательный сопоставительный анализ поэтических сборников оренбургского поэта начала XX в. Л. В. Исакова в рамках исследования региональной идентичности: как она искалась, конструировалась и продвигалась ее акторами. Пять сборников Исакова представляются в статье как путь становления «поэта края», в данном случае Оренбуржья. Как показывает анализ, в первом сборнике получает развитие тема «поэт и толпа», главный герой Исакова — непонятый критикой тонкий лирик. Во втором сборнике усиливается тема степи, родной природы. В третьем сборнике появляется ирония над юношескими надеждами, в сборник включены прозаические фельетоны. В четвертом сборнике впервые поэт назван «улюнше», то есть еленши, энши (казахск. — певец, акын), количественно увеличиваются переводы с восточных языков, отчетлива «киргизская» тема. Наконец, в пятом сборнике окончательно закрепляется образ лирического поэта, собирателя фольклора, открывающего широкому читателю природу окраин империи, своеобразие культуры степных народов, при этом не ощущающего себя на периферии столиц. Так, от первого сборника, ориентированного на европейскую и русскую поэзию конца XIX в., неоромантизм, импрессионизм и лирические переживания, не связанные с конкретным локусом, степью, поэт переходит к восточной и степной темам, преобладанию степных образов и мотивов, с каждым новым сборником более отчетливо проявляется территориальная идентичность «поэта края».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. В. Исаков, поэзия Оренбуржья, литература Урала, региональная идентичность, литературный процесс на Урале, литература начала XX века

Для цитирования:

Поступила в редакцию 20.01.2026
Принята к публикации 22.04.2026

© Маштакова Л. В., 2026

* Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «История литературы Урала: типы художественности в контексте социокультурных трансформаций», рег. номер 124032100049-6.

Geographical Reminiscences in Literature

UDC 929:82 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-90-99

Liubov V. Mashtakova
Candidate of Philological Sciences, National Chengchi University (China, Taipei); Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Science (Russia, Ekaterinburg)
ORCID: 0000-0001-9664-6110
E-mail: lika170288@mail.ru

Becoming a "Region's Poet": The Case of Lev V. Isakov

ABSTRACT. The article presents a coherent comparative analysis of the poetry collections of the early 20th century Orenburg poet Lev V. Isakov in the framework of the study of the regional identity (how the identity was sought, constructed, and promoted by its actors). Isakov's five poetry collections are considered as a way of establishing the self-identification of a "region's poet", the poet of the Orenburg region in that case. As the analysis shows, the theme *the poet and the crowd* is developed in the first collection, Isakov's main character is a sensitive lyricist who is misunderstood by critics. The second collection reinforces the theme of *the steppe, native nature*. In the third collection, irony over youthful hopes appears, and there are also prose feuilletons in it. In the fourth collection, for the first time, the poet is called *ulyunshe*, that is, elenshi, enshi (Kazakhian singer, akyn), the number of translations from Eastern languages is increased, and the *Kyrgyz theme* is clear. Finally, in the fifth collection, the image of a lyrical poet, a collector of folklore, is finally consolidated, revealing to the reader the nature of the outskirts of the empire, the originality of the steppe peoples' culture, while not feeling himself on the periphery of the capitals. Thus, from the first collection focused on European and Russian poetry of the late 19th century, neo-Romanticism, impressionism and lyrical experiences unrelated to a specific locus (the steppe), Isakov moves on to eastern and steppe themes, the predominance of steppe images and motifs, with each new collection the territorial identity of the "poet of the region" is clearly manifested.

KEYWORDS: Lev V. Isakov, Orenburg region's poetry, Ural literature, regional identity, literary process in the Urals, early 20th century literature

For citation:

Received 20 January 2026
Accepted 22 April 2026

© 2026 The Author

Рассуждая о взаимоотношениях центра и регионов в Российской империи, исследователи Е. К. Созина и К. В. Анисимов пишут о том, что Россия была «обречена» на громкое звучание региональной проблематики[1]. Сравнивая западные, кавказские, центральноазиатские территории с восточными, ученые отмечают, что Урал исторически складывался как этнический «котел», где постепенно закреплялись позиции русского «пришлого» населения, но и сохранялись при этом, несмотря на тенденции к ассимиляции, культуры коренных народов. Так, например, на юге Урала своей устойчивостью к имперским конфессиональным и вообще культурно иным установкам выделяется башкирская культура, складывавшаяся в зоне тюрко-арабо-персидского взаимодействия и имевшая свою фольклорную и литературную традиции[2]. В этих специфических условиях периферия, коей является Урал по отношению к центральной России, может быть переосмыслена в термине «маргинальность», который, в свою очередь, может ассоциироваться, следуя за идеей Н. Паркера, не с отсталостью дальнего края империи, а с «автономностью, маневренностью, умением использовать собственные ресурсы влияния»[3]. Такой подход к исследованию уральского региона конца XIX — начала XX в. особенно продуктивен на фоне роста в указанный период общей грамотности и формирования «культурных гнезд» и, как следствие, складывания «новых территориальных субъектностей, дополнявших привычные для домодерного и раннемодерного обществ партикулярные, конфессиональные и общегосударственные формы самоопределения»[4].

Материал для исследования региональной идентичности, как она искалась, конструировалась и продвигалась, дает в том числе творчество местных поэтов и писателей, рассмотренное в динамике: как менялись художественные ориентиры того или иного автора, как развивались локальные темы и образы, как эволюционировали представления об авторе в критике. Показателен в этой связи пример творческого пути оренбургского поэта Л. В. Исакова, в сборниках и отдельных публикациях которого на протяжении более чем двадцати лет постепенно формировался образ «поэта родного края», совершенствовалось изображение уникального культурного ландшафта Оренбуржья.

Лев Васильевич Исаков (1867 — после 1918) — один из значимых авторов оренбургского региона, автор пяти поэтических книг, стихотворений в прозе, литературных обработок восточных сказаний. Его произведения с 1890-х гг. публиковались на страницах «Оренбургской газеты», «Оренбургского листка», «Тургайской газеты», «Оренбургского края», «Оренбургского слова», выпусках альманаха «Степь» А. В. Афиногенова, оренбургском сборнике «Севы», газете «Голос трудового казачества» (позже — «Голос трудового казачества и крестьянства») и др. Первый сборник стихов «Юные грезы» вышел в Оренбурге в 1893 г. Через два года сборник был расширен и выпущен под другим названием — «Степные отголоски». В него вошли переложения киргизских[5] сказок и легенд. В 1904 г. увидел свет сборник «Уральские волны», затем — «Степные огни» (1910), «Пугачевщина» (стихотворная повесть) (1910), «Степные миражи» (1916). Все книги были изданы в Оренбурге. Забытый широкой публикой, современному читателю и исследователю поэт был заново представлен в многочисленных работах и университетских курсах по литературному краеведению А. Г. Прокофьевой[6].

Во всех сборниках стихотворений Исакова последовательно развиваются основные темы, к которым он обращался на протяжении всей жизни: это природа родного края, узнаваемые достопримечательные места (например, Илецкие соли), осенний или ночной романтический пейзаж, история Оренбуржья, связанная с Пугачевым, современные поэту события, тема Востока, заданная гео-

---

[1] Анисимов К. В., Созина Е. К. История литературы Урала в контексте региональных исследований // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 272.

[2] Там же. С. 273.

[3] Международная интеграция российских регионов: монография / отв. ред. И. И. Курилла. М., 2007. С. 29–31. См. также с отсылкой на данную работу исследование уральского региона: Анисимов К. В., Созина Е. К. Введение // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. Е. К. Созиной. М., 2020. Кн. 1. С. 25–42.

[4] Анисимов К. В., Созина Е. К. Указ. соч. С. 25.

[5] В данном случае принятый в начале XX в. и используемый нами вслед за поэтом экзоним (также: киргиз-кайсаки, Киргизская степь, Киргиз-кайсацкая Орда).

[6] См., в частности: Прокофьева А. Г. Творчество оренбургского поэта начала XX века Л. В. Исакова // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования / отв. ред. А. Г. Прокофьева. Оренбург, 2011. С. 100–105; Прокофьева А. Г. Поэт и баснописец конца XIX — начала XX в. Л. В. Исаков // Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю. Русские писатели — уроженцы Оренбургского края (XIX — начало XX в.). М., 2019. С. 212–258; Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю., Скибин С. М. Оренбургский край в русской литературе. М., 2015. 276 с.; Прокофьева А. Г. Оренбургский край в произведениях русских писателей: учеб. пособие по лит. краеведению. В 3 ч. Оренбург, 1995. Ч. 3. 151 с.

графическим расположением Оренбурга. «В его творчестве как поэта рубежа веков, — отмечает А. Г. Прокофьева, — заметно внимание к фольклорным источникам, поиски романтических героев, обращение к экзотической обстановке, ситуациям», и в то же время для Л. Исакова «важны были традиции русского реализма»[7]. Пять изданий составляют стихотворения, переходящие из сборника в сборник, иногда меняющие название и место в композиции, так что второй, третий и четвертый сборники, на первый взгляд, можно назвать дополненными редакциями первого. Каждый сборник, начиная со второго, открывается рецензиями критиков, к которым поэт прислушивается, сохраняя в последующих изданиях высоко оцененные произведения и отказываясь от менее удачных.

Все пять сборников поэта представляются нами как путь формирования идентичности поэта региона, в данном случае Оренбуржья. От первого сборника, подражательного, отчетливо ориентированного на европейскую и русскую поэзию к. XIX в., неоромантизм, импрессионизм и лирические переживания души, по большей части не связанные с конкретным локусом, степью, поэт переходит к усилению «восточной» темы, преобладанию степных образов и мотивов, более отчетливо представлено культурное своеобразие региона, самопрезентация поэта от «тонкий лирик» тяготеет к полюсу «поэт Оренбургской земли». Стихотворная повесть «Пугачевщина» не рассматривается нами специально, поскольку представляет собой отдельное издание, не примыкающее к тому или иному сборнику[8].

«Юные грезы» (1893): поэт и толпа

Первый сборник открывается стихотворением «Знаю я сам — моя песня тоскливая...». Произведение-самопрезентация, выбранное поэтом в качестве заглавного, по всей видимости, было ему особенно дорого: оно переходит из сборника в сборник и сохраняет свое место в композиции вплоть до 1916 г. В нем ярко представлен герой ранней поэзии Исакова — поэт, черпающий вдохновение в своих печалях, романтически противопоставленный «злой» толпе, неспособной оценить его робкий, неуверенный, заранее оправдывающий себя перед критикой, но честный голос:

Полную муки с тоской безнадежною,
Скорбную песнь я пою;
Знаю: в толпе с суетою мятежною
Встретят с улыбкой небрежною
Грустную песню мою[9].

Стихотворение задает настроение, ракурс восприятия и общую тематическую рамку всему сборнику: это переживания души, заведомо не ищущие признания многих, но направленные на откровенный диалог с понимающим читателем. Следующие произведения так или иначе раскрывают темы страдания, непонятости, отверженности поэта («Бывают порою бессонные ночи...», «В груди певца любовь и муки...», «Певцу», «Желание» и др.), их наполняют образы жемчуга слез, усталых очей, пустыни, где поет одинокий певец. Отдельные лирические стихотворения переходят из сборника в сборник вплоть до четвертого издания, но в пятом их остается чуть более десяти. В наиболее мрачных романтических стихотворениях поэт обращается к смерти, звучат темы любви к умершей возлюбленной, разочарования в мечтах («Похороны малютки», «Смерти», «Розы смерти», «Соловей и роза» и др.). Вступая в диалог с читателем, поэт неуверенно оправдывает мрачные темы своих стихотворений. «Знаю, что полны тоской безысходною…»:

Знаю, что полны тоской безысходною
Грустные песни мои...
Где же услышать мне песню свободную,
Тихую песню любви?[10]

---

[7] Прокофьева А. Г. Поэт и баснописец... С. 115.

[8] Подробный разбор «Пугачевщины» см. в работе: Прокофьева А. Г. Пушкинские мотивы в творчестве оренбургского поэта Л. Исакова // Два века с Пушкиным. Измайловские чтения. Оренбург, 1999. Ч. 2. С. 3–14.

[9] Исаков Л. Юные грезы. Оренбург, 1893. С. б/н.

[10] Исаков Л. Юные грезы. С. б/н.

Общего лирического сюжета в сборнике нет, или он развивается неравномерно: от разочарования к надежде и снова к разочарованию. Своеобразной рамкой можно считать два стихотворения о поэте-пророке, продолжающие классическую тему. Первое, «Пророк», — о божественном даре, обретенном героем:

Извлек меня из тьмы порока
И утвердил стопы мои,
И мне в уста глагол пророка
Вложил Он с песнями любви...[11]

Второе, «Я отдавал толпе мученья...», — о побиении камнями отверженного пророка. Первое, соответственно, располагается в начале сборника, второе завершает самую значительную в сборнике по своему объему лирическую часть.

Уже в первом сборнике появляются образы степи и узнаваемых пейзажей Оренбуржья («В степи», цикл «Илецкие мотивы»), образ Пугачева («Мертвые соли»), но они несамостоятельны и выступают лишь фоном интимных переживаний героя. Частично эти произведения вынесены в конец сборника, однако пока не составляют отдельного блока или цикла. «В степи»:

Унеси мою душу в ту синюю даль,
Где волнуется степь на просторе,
Широка, как моя роковая печаль,
Как мое безысходное горе.
<…>
На раздолье степном, далеко от людей,
На траву пусть слеза моя канет!
– Здесь никто над печалью сердечной моей
Ядовито смеяться не станет![12]

Также в конец сборника помещены восточные и киргизские легенды и мини-циклы («Таз-Таг», «Холера», «Две песни»). Они дополняют сборник, но не занимают значимого места и не собраны в раздел, в отличие, например, от самостоятельной части «Эпиграммы и шутки», куда в том числе вошли переводы шуточных киргизских стихотворений. Отдельно от «восточной» части стоит и стихотворение «Зара, вымолви словечко», которое позже войдет в мини-цикл «Киргизские песни».

Так, первый сборник стихотворений представляет собой пестрое собрание интимной и «ночной» лирики, переводов, эпиграмм, в которых уже намечены ключевые темы и образы поэзии Исакова как оренбургского поэта, однако они не получают полноценной разработки и не выделены в композиции. В центр сборника помещен лирический герой, страдающий непонятый поэт, в мире зла то обретающий надежду на добро, то призывающий смерть. В сборнике нет жанровых или тематических разделов, нет отчетливого единого сюжета или лейтмотива, могущего объединить разные произведения в пределах какой-либо части сборника.

«Степные отголоски» (1895): поэт мечты, надежд и родной природы

Второй сборник, «Степные отголоски», вышел с подзаголовком «Издание второе, исправленное и дополненное», претерпел значительные композиционные и тематические изменения. Сам автор в предисловии отметил, что изменил его в соответствии с замечаниями критиков и поместил рецензии на «Юные грезы» в начало, предваряя собственные стихи.

В первой анонимной рецензии из газеты «Оренбургский листок» критик характеризует поэзию Исакова как «подголоски Надсона» и резюмирует — «безграмотно». Сетуя на неизменную скорбь в стихотворениях первого сборника, он выделяет лишь его последнюю часть — «Илецкие мотивы», цикл «В зимнюю ночь» и восточные легенды, тем самым намечая путь, которым далее пойдет поэт. Во второй рецензии из газеты «Оренбургский край» отмечена незрелость поэта, но наряду с этим искренность и стройность формы.

[11] Там же. С. б/н.
[12] Там же. С. б/н.

Начало сборника осталось без изменений: это стихотворение «Знаю я сам — моя песня тоскливая...». Тему «поэт и толпа» продолжили уже известные читателю по первому изданию стихотворения «В груди певца любовь и муки...», «Бывают бессонные ночи», «Пророк», но на этот раз собранные вместе, более четко представившие героя, искреннего, противостоящего «грубым сердцам» поэта. Отдельные стихотворения получили подзаголовки. Так, «Пророк» в новом издании обозначен как «Переложение псалма Давида», по всей видимости, из-за желания формально размежеваться с Пушкиным, хотя ориентация на классический текст очевидна.

Мотивы скорби, обращения к смерти в новом сборнике уходят на второй план, самые мрачные стихи помещены в конец лирической части, акцентированы образы весеннего Урала, тающих льдов, надежды на светлое будущее. Состав сборника изменен мало, однако за счет новых стихотворений и переработки композиции усилены пасхальные, весенние, новогодние мотивы. Оренбургские пейзажи («Илецкие мотивы», «Мертвые соли») также помещены в конец, но на этот раз замыкает лирическую тему уже известное стихотворение «В степи», в котором тема одиночества перекликается с пейзажем, «степная» тема в финале лирического блока звучит ударно.

Отдельно в сборнике даны переводы с киргизского, значительно дополненные стихотворениями, в предыдущем сборнике не вошедшими в «восточный» раздел.

Так, вкупе с названием «Степные отголоски» поэт предстает в роли, подсказанной критикой, обретенной им и активно продвигаемой в последующих изданиях — певца юго-восточного Урала, переводчика, знакомящего читателя со степью и локальным культурным колоритом.

«Уральские волны» (1904): отказ от юных грез

Третий сборник «Уральские волны», в самом названии которого снова на первый план выводится конкретный локус, мало отличается от предыдущего. Он также начинается с рецензий, открывается тем же стихотворением, в последующих произведениях незначительно изменен порядок.

Также из значимых дополнений в новом сборнике появляются небольшие прозаические фельетоны на разные темы. Сентиментальная миниатюра «Дикий голубь» повествует о раненой птице, чьи страдания сравниваются с человеческим сердцем, не сдающимся под ударами судьбы. В фельетоне «Любовь жены и матери» поэт сравнивает двух скорбящих по своим близким женщин: одна скоро находит новое счастье, другая верна своей скорби. В фельетоне «Визит к знахарю Кузьмичу» главный герой едет к известному народному целителю, а обнаруживает талантливого коммерсанта. В «Чревовещателе» рассказчик Кактусов разыгрывает друзей-спиритов, изображая голос несуществующей погибшей девушки. В «Жертве суеверия» престарелая няня умирает, поверив в приметы. Фельетоны разбросаны по сборнику и не связаны с поэтическими текстами ни сюжетно, ни тематически, однако все их можно объединить одной отчетливой идеей: противопоставление тихой искренности и напускной чувственности, реальности и суеверий, мистицизма и трезвой объективности. Фельетоны, перемежающиеся с лирическими стихотворениями, задают всему сборнику печально-иронический тон: в третьем издании при незначительных изменениях в составе появляется рефлексия поэта над собственным творчеством и «юными грезами».

«Степные огни» (1910): появление «улюнше»

Четвертый сборник также представлен автором как очередное переиздание, однако именно оно претерпело кардинальную перестройку композиции. Подзаголовок ему дан следующий: «Сборник стихотворений, басен, сказок, киргизских и восточных легенд и песен». На первый план выходят фольклорные жанры, акцент смещен на региональную специфику, перед читателем — состоявшийся «поэт края». В начало сборника он также помещает рецензии, но отказывается от ранних, оставляя только отзывы на «Уральские волны», а самой первой помещает статью из газеты «Степь», в которой сообщается о подношении стихов великому князю Константину Константиновичу (К. Р.). Рецензии газет «Степь», «Русское чтение», «Бузулукский вестник» отмечают «восточный колорит» поэзии Исакова и удачное изображение степных пейзажей.

Это первый сборник поэта, разделенный на четкие тематические части. Первая часть, «Колокольчики мои, цветики степные» (цитата, судя по названиям других разделов, не столько из стихотворения А. К. Толстого, сколько из популярного романса), выводит на первый план две главные темы его поэзии — лирическую и степную, все стихотворения этой части посвящены киргизской

теме. Открывает и первую часть, и сборник на этот раз стиховторение «Певец (Улюнше)»[13], публиковавшееся и ранее, но без названия. На этот раз перед читателем не просто лирический поэт, но поэт именно востока империи. В стихотворении певец поет собравшимся у костра киргизам, мрак и тишина ночной степи побеждаются его словом. С зарей он переходит к песне о русском царе, а восхищенные слушатели совершают намаз.

То время дружбы и союза…
Певец сидит в толпе немой;
И вот поет степная муза
Преданья были вековой…[14]

В стихотворении, помещенном в начало сборника, показан уже не неопытный, отвергнутый толпой лирик, а поэт своей родины, могущий объединять народы, открывающий читателю национальное и природное своеобразие края. В новом издании степь — не просто фон интимных переживаний героя, а наоборот: чувства героя подчиняются природе степи. «Степь киргизская! Чудная вольная степь!..»:

Все, что сердце гнело, что мрачило мой взор,
Все, что слезы из глаз вызывало,
Это все поглотил твой широкий простор,
И тоски моей — как не бывало![15]

Киргизская тема еще не собрана поэтом в отдельный раздел, однако в рамках первой части появляется новый цикл, примыкающий к степной теме и составленный из переработанных фольклорных восточных текстов, «Киргизские песни», ранее представленный в виде разрозненных стихотворений. В него входит в том числе «Зара, вымолви словечко», ранее соседствовавшее с юмористическими стихотворениями.

В первой части, как и во всем сборнике, проявляется новая черта, не характерная для предыдущих: как минимум четыре стихотворения, ранее опубликованные в традиционном варианте, записаны в строку с сохранением ритма и метра («Весеннее половодье в степи», «Пилигрим», «Встреча Байрама», «Мертвые соли»). Предположим, если для автора были существенны только внешние формальные изменения, таким образом был усилен эффект фольклорной стилизации. За счет небольших изменений уже известных читателю произведений он перестраивает и достраивает всеми возможными средствами образ поэта — собирателя фольклора и знатока Центральной Азии.

Название следующего раздела, «И ночь… И любовь… И луна…» (романс на стихи Н. Грекова), также задает настроение вошедшим в него стихотворениям: это «ночная» лирика, но на этот раз лишенная мрачности. Многоточия, недосказанность, образы ночной природы, звукописные аллюзии на Фета объединяют старые и новые стихотворения, ранее публиковавшиеся розно. Завершающие раздел произведения «Nocturno» и «Две песни» (записано в строку) возвращают читателя к восточной теме. В первом печальная дочь султана выходит полюбоваться луной, во втором евнух и одалиска поют две разные песни: об успешных набегах бедуинов на запад и о тоске по родной земле пленной девушки.

Три следующих раздела, «Та весна далеко, те завяли цветы», «Осени мертвой цветы запоздалые», «Гайда, тройка! Снег пушистый. Ночь морозная кругом…», продолжают темы тоски по весне и ушедшим надеждам. Следующие друг за другом разделы формируют общую тематическую линию смены времен года. Названия же разделов, взятые из популярных романсов, задают настроение грусти, проникновенную чувственную эмоциональность, дают материал для мелодекламации. «Я вышел в сад и был готов…»:

На всех деревьях и кустах
Мороз угрюмо ставил метки.
И, о живых грустя цветах,
Ломал я с мертвых елей ветки[16].

[13] Елецчу, еленши — профессиональный путешествующий певец (казахск.). Вероятно, «улюнше» — случай неверной транслитерации.
[14] Исаков Л. Степные огни. Оренбург, 1910. С. 15.
[15] Там же. С. 16.
[16] Там же. С. 62.

От юношеских стихов, представляющих героя робким поэтом, доверяющего суду толпы свои тонкие переживания, Исаков также не отказывается, но собирает их в отдельный и финальный для лирической части раздел, в который вошло и декларативное «Знаю я сам — моя песня тоскливая…», ранее открывавшее сборники.

Значительно расширен в новом сборнике раздел «Басни, сказки и легенды»: в него вошли как новые произведения («Лиса и волк», «Благодарный проситель», «Историк», «Ворона и павлин» и др.), так и старые («Холера», «Керим» и др.), обозначенные автором как восточные, киргизские или индийские.

Продолжает восточную тему и завершает сборник расширенный раздел «Юмористика», включающий переводы с киргизского, басни и юмористические зарисовки («Признание киргизки», «Якши и яман», «Суд биев» и др.).

От сборника к сборнику, не отказываясь от юношеской роли непонятого критикой лирического певца, поэт утверждается в своей идентичности, усиливая национальные и специфически региональные темы, выдвигая на первый план стихотворения, связанные с пейзажными образами степи и южноуральской природы. В сборнике «Степные огни» восточная тема помещена в сильные позиции — это разделы в начале и в конце сборника. При этом в начале перед читателем поэт — певец степи, в конце — переводчик и знаток центральноазиатских культур. Разделы, тематически не связанные с Востоком, скомпонованы таким образом, что в каждом из них так или иначе представлена природа Оренбуржья, разная в зависимости от времени года, общего настроения в стихотворении и переживаний лирического героя. Протянутые через все разделы (несмотря на «романсовые» названия) киргизская и степная темы связывают их между собой и скрепляются, как и два предыдущих сборника, соотнесенным с конкретным локусом названием всего сборника.

«Степные миражи» (1916): служение быту окраин

Последний прижизненный сборник Исакова «Степные миражи» повторяет структуру предыдущего: это предисловие (на сей раз Н. А. Афиногенова, подготовившего издание) в начале, рецензии и стихотворения, поделенные на разделы. В сравнении со «Степными огнями», количество разделов было уменьшено, как и количество произведений вообще, прошедших, вероятно, строгий отбор. Названия разделов лаконичны и соответствуют жанрово-стилевому или тематическому единству текстов: «Отголоски войны», «Степь киргизская…», «Лирические стихотворения», «Юмористика». От строк из романсов поэт (самостоятельно или по совету редактора) отказался. В предисловии Н. А. Афиногенов (Степной) указал на кредо издательства и свою миссию: «Служение быту окраин — освещение в легендах, повестях и рассказах жизни аборигенов степи и соприкасающихся с ними новоселов, переселенцев и казаков»[17]. По всей видимости, именно так и должен был быть представлен Исаков в новом сборнике, композиционно ясном, стройном и лаконичном — как открыватель культуры «аборигенов степи» (что даже для начала XX в. звучит несколько архаично), экзотизированной провинции.

Существенным дополнением в новом сборнике стал отдельный раздел, посвященный Первой мировой войне. Герои Исакова в произведениях этого раздела — павшие солдаты, сестры милосердия, беженцы, девушки, провожающие возлюбленных. Призывы к защите земли и надежды на победу переплетаются с рождественской, святочной образностью, мотивами божественного предопределения, молитвами, что характерно в целом для литературы и публицистики тех лет. Раздел завершается легендой — излюбленным жанром поэта. Как и в стихотворении «Певец (Улюнше)», где посреди ночной степи киргизы слушают у костра еленши (акына), в стихотворении «Призрак» — бивуачный костер, вблизи которого сидит «солдатиков русских семья». Звучат рассказы о боевых подвигах героя русско-турецкой войны генерала Скобелева о том, что генерал не умер и является на поле боя, вдохновляя солдат. Именно это и происходит в конце: «солдатики» становятся окрыленными «героями-солдатами» под воинственный призыв призрака Белого Генерала. Если в стихотворении «Певец (Улюнше)» холод и тьма ночной степи побеждались одновременно песней о русском царе, должной объединять народы империи, восходом солнца и торжественным

[17] Те же слова помещены Афиногеновым, писателем и издателем, в первый выпуск альманаха «Степь» (1916). В альманахе публиковались рассказы и очерки о жизни казачества, восточные легенды и предания как самого Афиногенова, так и близких тематике издания авторов, в том числе Л. В. Исакова. Последний прижизненный сборник Исакова создавался, таким образом, «под крылом» Афиногенова, в русле продвижения «степной» темы, художественного осмысления своеобразия культуры Оренбуржья. См.: Щербакова Е. К. Жанровая специфика произведений Н. Степного, опубликованных в оренбургской периодике начала XX в. // Дергачевские чтения — 2014: материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.). Екатеринбург, 2015. С. 262–267.

намазом степняков, в «Призраке» с восходом совпадает луч победы, весть о котором приносит призрак генерала, и солдаты-ангелы поднимаются на подвиг. Тема Первой мировой войны, необходимо ввиду событий 1916 г. помещенная в заглавную часть сборника, раскрывается, таким образом, через традиционную для поэта сказовость, фольклорную стилизацию и романтические мотивы тайны и оживающей легенды.

За разделом «Отголоски войны» следует «Степь киргизская...», название которому дало уже известное произведение, оно же этот раздел и открывает. «Певец (Улюнше)» вообще вычеркнуто из состава сборника, а на более значимые позиции перемещены легенды и басни, хотя в более ранних сборниках они располагались в конце перед юмористикой. Так, в новом издании важна не личность состоявшегося поэта, уже не нуждающегося в самоутверждении, а, согласно идее Афиногенова, непосредственно киргизская и степная темы, особенно переводы и фольклорные стилизации Исакова.

Следующие за «восточным» блоком «Лирические стихотворения» также претерпели значительную переработку композиции. Традиционно открывающее блок интимной лирики «Знаю я сам — моя песня тоскливая...» уступило место стихотворению «Не говори, что в маловерце...», также раннему, юношескому, но более оригинальному и с менее очевидной самопрезентацией автора. Мрачные обращения к смерти, сюжеты трагической борьбы высоких идеалов с жестокой жизнью за редким исключением оказались вычеркнуты. Наконец, последний раздел «Юмористика» был расширен пародиями и фельетонами на актуальные социально-политические темы, но и здесь осталась широко представленной восточная тема со знакомыми читателю произведениями: «Сердобольный Тюбет», «Якши и яман», «Признание киргизки».

Так, в последнем прижизненном сборнике Исакова, значительно сокращенном, перестроенном и дополненном, окончательно закрепляется (вероятно, при значительной редакторской работе Н. Афиногенова) образ поэта родного края, переводчика, собирателя фольклора, открывающего широкому читателю природу окраин империи, своеобразие культуры степных народов, при этом не ощущающего себя на периферии столиц.

Стоит отметить, однако, что киргизская и степная темы, от сборника к сборнику занимающие более значимые позиции, отчетливее с каждым новым изданием придающие региональный колорит лирике Исакова, не превалируют над темами классическими: это искренняя любовь и дружба, разочарования, непонимание толпой чуткого сердца поэта, преждевременная смерть несчастных друзей и новые надежды героя-романтика. В своем ученичестве Исаков не отходит от классики конца XIX в. — это Фет, Надсон, Полонский, если пишет пародию — то на Лермонтова, если посвящает стихотворение — то Пушкину. Следуя за традицией, он как бы и самого себя помещает, с одной стороны, в русло общероссийского литературного процесса, с другой — дает полноправный голос имперской окраине. Доказательством тому служат и предреволюционные публикации Исакова в альманахе Афиногенова «Степь», где стихотворения наряду с произведениями других авторов (в том числе самого Афиногенова) становятся частью активно формирующейся локальной литературной традиции. Так, например, в третью книгу альманаха за 1916 г. были помещены два стихотворения — «Моряк» и «Смерть». Если второе особо не выделяется на фоне антивоенной лирики тех лет, то первое объединяет в себе сразу несколько тем — романтическую, военную и уральскую. Узнаваемые лермонтовские оппозиции земли и неба, лазури и бури дополнительно противопоставлены спокойствию степи и реки, родному дому героя:

И белой пены кружились цепи,
На небе алый закат играл.
Печально вспомнил я наши степи,
Родную вспомнил реку Урал[18].

Воспоминание о родном крае соотносится с предчувствием конца войны. Картины Урала, прообраза общего спокойного послевоенного будущего, включены в целостную картину мира героя.

В стихотворении «В степи», помещенном в пятую книгу альманаха за 1917 г., — наоборот, описание кибиток, костров и аулов степных народов продолжено песней весенней степи-невесты в духе любовного романса начала XX в., национальный колорит оренбургских степей дополнен элементами общероссийской популярной культуры:

[18] Исаков Л. Моряк // Степь: оренбургский литературный сборник. Оренбург, 1916. Кн. 3. С. 167.

Как ландыш бела и чиста,
Дрожу вся в любовном пылу я.
Горят мои жарко уста
И ждут твоего поцелуя[19].

Итак, пять сборников Исакова, в которых последовательно развиваются общие темы, мотивы и образы, редактируются и меняют свое место в композиции, «обрастают» более широким контекстом уже известные читателю стихотворения, могут быть представлены не только как путь становления поэта — от юношеских стихов к зрелой лирике — но и как путь обретения региональной идентичности. С каждым новым сборником или отдельной публикацией обращение к классике русской поэзии или к массовой культуре в рамках одного стихотворения, цикла или раздела у него дополняется локальными фольклорными сюжетами. Описание актуальных исторических событий, например, Первой мировой войны, соседствует с уральскими пейзажами, хотя бы данными в воспоминаниях героев. Общероссийское в зрелом творчестве поэта, как правило, соотносится с локальным, локальное же обретает свое уникальное место на общероссийской культурной карте.

Судя по публикациям 1918 г., Исаков принял Революцию. Как отмечает А. Г. Прокофьева, последние известные его стихотворения были опубликованы в газете Афиногенова «Голос трудового казачества и крестьянства» (это уже публиковавшиеся произведения из более ранних сборников, как, например, «Благородный проситель» или «Происхождение слова “сарт”»: Исаков Л. Благодарный проситель // Голос трудового казачества и крестьянства, 1918, № 52; Исаков Л. Происхождение слова «сарт» // Голос трудового казачества и крестьянства, 1918, № 19). После взятия Оренбурга казаками Дутова газета перестала существовать, а следы Исакова теряются[20].

References

Anisimov K. V., Sozina E. K. [Ural Literature History in the Contest of Regional Studies]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2011, no. 1 (87), pp. 272–284. EDN: NYBJHF (In Russian).

Anisimov K. V., Sozina E. K. [Introduction]. *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [A History of Ural Literature. 19th Century: In 2 Vols.]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK Publ., 2020, Vol. 1, pp. 25–42. (In Russian).

Mezhdunarodnaya integratsiya rossiyskikh regionov [International Integration of Russian Regions]. Moscow: Logos Publ., 2007. (In Russian).

Prokofieva A. G. *Orenburgskiy kray v proizvedeniyakh russkikh pisateley: ucheb. posobiye po lit. krayevedeniyu. V 3 ch.* [Orenburg Region in the Works of Russian Writers: A Textbook on Literary Local History. In 3 Vols.]. Orenburg: OGPI Publ., 1995, part 3. (In Russian).

Prokofieva A. G. [Pushkin Motifs in the Works of the Orenburg Poet L. Isakov]. *Dva veka s Pushkinym. Izmaylovskiye chteniya* [Two Centuries with Pushkin. Izmailovsky readings]. Orenburg: OGPU Publ., 1999, part 2, pp. 3–14. (In Russian).

Prokofieva A. G. [The Works of the Orenburg Poet of the Early 20th Century L. V. Isakov]. *Orenburgskiy kray. Arkhivnyye dokumenty. Materialy. Issledovaniya* [Orenburg Region. Archival Documents. Materials. Research]. Orenburg: OGPU Publ., 2011, pp. 100–105. (In Russian).

Prokofieva A. G. [Poet and Fabulist of the Late 19th — Early 20th Century L. V. Isakov]. *Prokof'yeva A. G., Prokof'yeva V. Yu. Russkiye pisateli — urozhentsy Orenburgskogo kraya (XIX — nachalo XX v.)* [Prokofieva A. G., Prokofieva V. Yu. Russian Writers — Natives of the Orenburg Region (19th — Early 20th Century)]. Moscow: Sputnik+ Publ., 2019, pp. 212–258. (In Russian).

Prokofieva A. G., Prokofieva V. Yu., Skibin S. M. *Orenburgskiy kray v russkoy literature* [Orenburg Region in Russian Literature]. Moscow: Akademiya Yestestvoznaniya Publ., 2015. (In Russian).

Shcherbakova E. K. [Genre Specificity of N. Stepnoy's Works Published in Orenburg Periodicals of the Early 20th Century]. *Dergachevskiye chteniya — 2014: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem (g. Ekaterinburg, 6–7 oktyabrya 2014 g.)* [Dergachev Readings — 2014: Materials of the 11th All-Russian Sci. Conf. with International Participation (Ekaterinburg, October 6–7, 2014)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2015, pp. 262–267. (In Russian).

[19] Исаков Л. В степи // Степь: оренбургский литературный сборник. Оренбург, 1917. Кн. 5. 73 с.
[20] Прокофьева А. Г. Поэт-баснописец… С. 115.

Сообщения

УДК 655.552 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-100-102

Выход в свет первой монографии по исторической картографии*

В 2025 г. вышла в свет монография «Историческая картография» (*рис. 1*)[1]. Ее цель — составить у читателя общее представление об исторической картографии в качестве особой картографической дисциплины, а также отдельного направления исторической науки. Последнее подразумевает критику и использование историко-картографических источников, построение авторских карт, обращение к уже имеющимся историко-картографическим работам. При подготовке монографии авторы опирались на собственный опыт составления исторических карт, а также постарались обобщить наиболее удачные, по мнению составителей, примеры картографических работ в области исторических исследований. В представленной работе было важно установить баланс между учетом специфики исторического картографирования и эффективного применения общекартографических приемов, для чего авторы широко обращались к наработкам классиков общей и тематической картографии, адаптируя их достижения к особенностям исторически ориентированных исследований.

Монография во многом предназначена для формирования навыков по составлению историко-картографических материалов и работе с ними. Историк, обратившийся к этой книге, если и не приступит после ознакомления с ней к построению собственных карт, то как минимум получит ясное представление о возможностях исторического картографирования; увидит, насколько важно не пренебрегать картографическими методами исследования. Вполне возможно, что после ознакомления с содержанием нашего труда у исследователя, который ранее работал только с текстом и результаты своей научной деятельности представлял исключительно в виде статей и монографий, возникнет запрос на исторические карты, позволяющие лучше раскрыть его собственные темы. Мы выражаем надежду, что благодаря этой книге он сможет четко сформулировать задачи и основные требования для построения исторических карт, даже если его навыки по картографированию при этом останутся недостаточными.

Вполне закономерно может возникнуть вопрос о целесообразности подобного рода обобщений: насколько методика одной исследовательской работы может быть применима в другом направлении, учитывая тематическое разнообразие исторических исследований, особенности регионов и другие факторы, определяющие уникальность фактографического материала? Ответим, что автор исторической карты, какой бы специфичной она ни была, в ходе ее построения решает ряд типовых задач: локализация населенных пунктов, векторизация картографического источника. Именно на этих типовых действиях мы старались сосредоточиться в своей работе.

Приводимые примеры следует считать не эталонными решениями историко-картографических задач, а скорее ориентирами, которые могут быть использованы в других подобных ситуациях. Эти примеры не всегда дают готовые рецепты, но часто побуждают к поиску собственных приемов по работе с исторической картой.

Структура монографии выстроена по принципу последовательности этапов работ.

Первая глава посвящена общим теоретическим вопросам исторической картографии, включая методологию этого направления, историю развития исторического картографирования, характеристику роли карт в приращении исторического знания и другие вопросы.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159.

[1] Историческая картография / Е. С. Гришин, Д. А. Крутов, К. С. Кунавин, А. С. Авилова; отв. ред. М. В. Михеев. Екатеринбург, 2025.

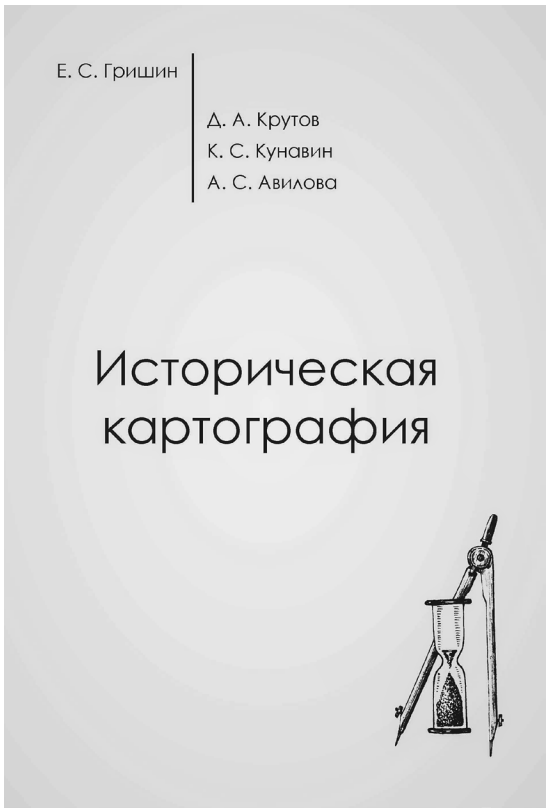

Рис. 1. Историческая картография / Е. С. Гришин, Д. А. Крутов, К. С. Кунавин, А. С. Авилова; отв. ред. М. В. Михеев. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2025. 374 с.
Fig. 1. Historical Cartography / E. S. Grishin, D. A. Krutov, K. S. Kunavin, A. S. Avilova; ed. by M. V. Mikheev. Ekaterinburg: Alfa-Print, 2025. 374 p.

Вторая глава раскрывает общий ход работ по составлению карты и содержит рекомендации по осуществлению некоторых из них: определение математической основы, составление картографической основы, структурирование карты.

Третья глава содержит разделы по работе с источниками по построению исторической карты. Каждый раздел посвящен определенной группе источников в зависимости от формы подачи информации и характера пространственных данных. Особое место занимает раздел по работе с картографическими источниками.

Четвертая глава дает описание об общем и тематическом историческом картографировании. Разделы раскрывают особенности отдельных тематических направлений, а также приводятся небольшие методические рекомендации.

Пятая глава посвящена языку исторических карт: вопросам семантики, построению условных обозначений, использованию подписей, формам картографирования.

В шестой главе содержится обзор приемов анализа историко-картографических данных.

Седьмая глава уточняет вопросы относительно итоговых действий по представлению исторической карты: формирование макета, публикация карты в интерактивном режиме, составление атласов, редактура, корректура и рецензирование картографических материалов.

Безусловно, значительная часть затронутых в главах направлений нуждается в собственном методическом развитии в виде отдельных пособий и монографий, которые станут логическим продолжением проделанной работы. В частности, вопросы использования картографических источников или приемы пространственного анализа данных, проблемы исторической топографии заслуживают самостоятельных методических руководств, которые раскроют обозначенные направления в более подробном изложении. Это не отменяет потребности на данном этапе развития исторического картографирования в обобщающем руководстве, которое отражало бы общий уровень методологической базы исторической картографии, задавало бы направления ее

использования, служило бы не только инструкцией по составлению карт, но и расширило кругозор историков в сегменте исторического картографирования.

Настоящее издание включает в себя две цветные вклейки, первая из которых является иллюстрациями к содержанию отдельных глав и разделов, вторая же представляет собой подборку типовых, репрезентативных карт разнородных тематик, отображающих различные способы картографирования, компоновки макета и иные картографические решения. Указанная подборка также содержит тематические наборы условных обозначений для исторических карт.

Авторы сопроводили монографию двумя приложениями. Приложение 1 «Список учебных задач для преподавания исторической картографии и основ геоинформационных систем» предназначено для преподавателей и студентов высших учебных заведений. Оно должно способствовать практическому использованию материалов книги в образовательном процессе. Приложение 2 «Рекомендации по построению маршрутов и итинерариев» раскрывает особенности наиболее распространенного, востребованного, сложного и вариативного направления в исторической картографии — подготовки маршрутных карт.

Книга написана авторским коллективом. Евгений Сергеевич Гришин — автор основного содержания монографии. Дмитрий Андреевич Крутов — соавтор разделов 1.2 и 1.3 Главы 1; автор Главы 7. Константин Сергеевич Кунавин — автор подраздела 1.2.4 Главы 1; разделов 3.5 и 3.6 Главы 3. Анна Сергеевна Авилова — соавтор разделов 2.8 и 2.9 Главы 2, автор раздела 5.1 Главы 5. Ответственный редактор — Михаил Викторович Михеев.

Е. С. Гришин, Институт истории и археологии УрО РАН,
Д. А. Крутов, Институт истории и археологии УрО РАН,
К. С. Кунавинк, к. и. н., Институт истории и археологии УрО РАН,
А. С. Авилова, Институт истории и археологии УрО РАН,
М. В. Михеев, к. и. н., Институт истории и археологии УрО РАН

УДК 005.745 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-103-104

XVII Географические чтения им. профессора В. А. Витязевой «Города Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее». Сыктывкар, 2 апреля 2026 г.*

Коми республиканское отделение Русского географического общества организовало проведение XVII Географических чтений им. профессора В. А. Витязевой на базе Сыктывкарского государственного университета. Организаторами также выступили Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Национальная библиотека Республики Коми.

Чтения были посвящены истории, современным проблемам и перспективам развития северных городов. С приветственными словами к участникам обратились ректор университета. О. А. Сотникова (д. пед. н.) и председатель Коми республиканского отделения РГО В. А. Щенявский (к. э. н., старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера, специалист в области экономики природопользования) (*рис. 1*).

Первый доклад М. И. Бурлыкиной (доктор культурологии) был посвящен В. А. Витязевой, профессору, доктору географических наук, первому ректору Сыктывкарского государственного университета (1972–1987 гг.). В докладе была раскрыта роль В. А. Витязевой в развитии научных исследований в городах Сыктывкар, Воркута, Ухта и Инта, организации геологических совещаний в Воркуте и научных совещаний с учеными и исследователями в Ухте. Автором доклада был отмечен вклад первого ректора Университета в изучение Печорского угольного бассейна.

В докладе «Демография городов Республики Коми» А. В. Смирновым (к. э. н.) были обозначены основные проблемы демографического развития городов Республики Коми: убыль населения, ранняя мужская смертность, увеличение доли населения пенсионного возраста и уменьшение числа горожан молодого возраста, зависимость развития городов от их экономической специализации. Также автором были рассмотрены потоки внутренней и внешней миграции, половозрастная структура населения городов, показатели рождаемости и структура причин смертности (*рис. 2*).

Ожидаемую дискуссию вызвал доклад «Угольные города Коми: если ли шанс на возрождение». Автор доклада О. В. Бурый (к. э. н.) посвятил выступление анализу ситуации в городах Инта и Воркута. В городе Инта добыча угля прекратилась в 2018 г., что привело к резкому сокращению населения и социальной сферы, в Воркуте добыча сокращается с каждым годом, ввиду того, что, по мнению автора, на общегосударственном уровне решено отказаться от шахтного метода добычи угля в пользу открытой добычи. По имеющемуся на сегодняшний день плану добыча угля в шахтах Воркуты должна закончиться в 2037 г., и поддержать экономическое развитие города О. В. Бурый предлагает за счет разработки и добычи известняков, производства щебня, стеновых материалов, керамзитов, организации арктического домостроения, развития железнодорожных путей и автомобильных дорог. Автор доклада выступил с критикой мероприятий по управляемому сжатию пространства города и челночному переселению, а также программы предоставления особых условий резидентам арктической зоны. В завершение было сказано, что, несмотря на то, что Воркута вошла в состав опорных населенных пунктов, в городе актуальными проблемами остаются интенсивная депопуляция, низкая транспортная доступность, некомфортная городская среда, замедление на грани прекращения освоения Печорского угольного бассейна.

* Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Рис. 1. В. А. Щенявский
Fig 1. V. A. Shchenyavsky

Рис. 2. А. В. Смирнов
Fig. 2. A. V. Smirnov

Доклад-экскурсию по городу газовиков Вуктылу представила директор Национальной библиотеки Республики Коми Г. Р. Идрисова. Вуктыл является самым молодым городом республики, он был основан в 1984 г. Более 40 % населения города трудятся в газовой промышленности. В Вуктыле располагается центральный офис Национального парка «Югыд Ва», одного из самых больших национальных парков России, на территории которого находится знаменитое плато Маньпупунёр.

Об экскурсионном потенциале исторического прошлого города Сыктывкара в докладе «Усть-Сысольск в XIX веке» рассказала И. И. Лейман (к. и. н.), которая отметила важность «знакомства с городом через призму географии». Особую роль, по ее мнению, в истории города сыграли купцы Сухановы и Латкины, которые основали магазины, храмы, учебные заведения, больницы и повлияли на развитие городского пространства (*рис. 3*).

Рис. 3. Доклад читает И. И. Лейман
Fig. 3. The report is being read by I.I. Leiman

В завершение чтений с докладами выступили ученики 8-го класса Технологического лицея Сыктывкара: И. Шаров, Ю. Почтаева «Блокнот по городу Сыктывкару» и В. Янников «„Своя игра“» по Сыктывкару».

Н. М. Игнатова,
к. и. н., Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

УДК 005.745 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-105-108

VII Уральский неолитический семинар «Гребенчатая керамика — феномен неолитических и энеолитических культур Большого Урала». Екатеринбург – Нижний Тагил, 24–26 февраля 2026 г.*

24–26 февраля 2026 г. состоялся Седьмой Уральский научно-практический семинар, инициированный Институтом истории и археологии УрО РАН. Партнерами и соорганизаторами выступили Музей истории Екатеринбурга и Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», спонсорами — «ВсеИнструменты.ру».

В работе семинара приняли участие более 50 российских исследователей из 15 научных центров — музеев, академических институтов и вузов Екатеринбурга, Тюмени, Перми, Нижнего Тагила, Кемерово, Сургута, Нефтеюганска (*рис. 1*).

Рис. 1. Участники семинара на заседании в Нижнем Тагиле
Fig.1. The participants of the seminar at the meeting in Nizhny Tagil

Семинар посвящен изучению неолитических и энеолитических культур Урала и Западной Сибири, на керамике которых преобладает гребенчатая орнаментация. В регионах Большого Урала (Прикамье, Европейский Северо-восток, Западная Сибирь (Зауралье), Южный, Средний и Северный Урал) гребенчатая керамика встречается повсеместно, но ее генезис, хронология, а иногда и культурная принадлежность часто остаются непонятыми. Прошедший семинар через призму «гребенчатой проблематики» продемонстрировал актуальность вопроса более широкого характера — методических и методологических принципов выделения отдельных типов керамики, синкретичных комплексов и археологических культур в целом. Вопрос о появлении

* Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования», рег. номер 124032100052-6.

«гребенчатого компонента» в неолитических комплексах Зауралья и Западной Сибири, механизмах его распространения и появления синкретичных комплексов остается одним из самых актуальных, но слабо разработанных. В той же плоскости лежит проблематика атрибуции комплексов периода энеолита, поскольку как минимум для лесостепной и подтаежной зоны Среднего Зауралья наметилось размытие критериев выделения культур. Малочисленность радиоуглеродных дат и однозначных стратиграфических наблюдений приводит к дискуссиям о времени существования комплексов сосновоостровского типа, соотношении комплексов аятской и липчинской культур. Исследование в последние годы археологических памятников в таежной и подтаежной зонах Западной Сибири, которые плохо вписываются в существующие культурно-хронологические схемы, приводит к появлению многочисленных новых типов памятников, что делает картину еще более мозаичной и запутанной.

Всего было заслушано 19 докладов, которые можно подразделить на следующие темы: неолитические культуры с гребенчатой керамикой: генезис, хронология и связи (8 докладов); культуры с гребенчатой керамикой позднего неолита и энеолита: генезис, хронология и связи, проблема перехода от неолита к энеолиту (6 докладов); особенности каменного инвентаря культур с гребенчатой керамикой (5 докладов). Типология рассматриваемых памятников разнообразна — стоянки, поселения (Мергень 6, 7, 8, Старый Московский тракт-5, Каквинские печи I, Нижнее озеро III, Горушки I, Мауша III, Гилево VIII, VIII пункт Андреевского озера, Карасье озеро X, Большая Умытья 100, Чашкинское озеро 2, 9, Нюхти 1-2, Хомутовское болото 1-2), святилища (Кокшаровский, Махтыльский и Усть-Вагильский холмы, святилища Вилижаны и Чертова Гора), могильники (Салехард 5) и производственные мастерские (Береговая IXа). В докладах участников поднимались методические вопросы о типологии каменного инвентаря и керамики; критериях и правомочности выделения культурных типов; необходимости объединения выделенных типов в археологические культуры или иные конструкты (культурно-исторические области, культурно-исторические общности, культурно-хронологические горизонты и т. д.); о хронологии и периодизации.

С докладом о современном понимании соотношения накольчатой и гребенчатой традиции орнаментации в культурах лесного Зауралья эпохи неолита — бронзового века выступил А. Ф. Шорин. Обобщающий характер носил доклад Д. Н. Еньшина о гребенчатом компоненте в орнаментальных традициях неолита Нижнего Приишимья; тезис о связях гребенчатой керамики с культурами Казахстана вызвал дискуссию. Н. М. Чаиркина представила современные данные о гребенчатой керамике энеолитических комплексов Среднего Зауралья.

Во многих докладах актуализировались материалы ранее изученных памятников: святилище Вилижаны (О. Ю. Зимина), Гилево VIII (С. Н. Скочина), VIII пункт Андреевского озера (И. В. Усачева), Кокшаровский холм (А. А. Шорина), Евстюниха I (Ю. Б. Сериков), Чертова Гора (Т. Ю. Клементьева), Усть-Вагильский холм (С. Н. Панина), Береговая IXа (С. Н. Савченко и др.). Эти материалы были исследованы на современном методологическом уровне, что привело к частичному пересмотру их хронологии, типологии и уточнению функционального назначения. Значительная часть докладов была посвящена и памятникам, исследованным в последние годы. Е. Л. Лычагина и Н. С. Смертина рассказали о новейших раскопках на слабоизученной территории Верхнего Прикамья. Е. Н. Дубовцева поделилась результатами разведок и раскопок в районе Северного Зауралья, который также является белым пятном на археологической карте России. Большое внимание привлекли новые исследования энеолитических комплексов: Старый Московский тракт 5 (А. Ю. Юракова), Немич 1 (С. А. Мызников), могильник Салехард 5 (О. В. Кардаш).

На заседаниях семинара были высказаны мнения о том, что культуры с гребенчатой керамикой Урала и Западной Сибири типологически близки, хотя и имеют локальную специфику. Типология и периодизация как неолитических, так и энеолитических комплексов нуждается в унификации и частичном пересмотре. Одной из задач видится анализ уже имеющихся и радиоуглеродных датировок, соотнесение их с археологическими контекстами и стратиграфическими наблюдениями, а также получение новых данных по стратифицированным комплексам. Семинар рекомендует археологическому сообществу сосредоточить внимание на изучении культур с гребенчатой керамикой в регионе и продолжить обсуждение этих исследований на следующих заседаниях.

Удачным было решение включить в программу семинара тематику, связанную с анализом каменного инвентаря. Тон этой дискуссии задал доклад Л. Л. Косинской «Каменные индустрии культур с гребенчатой керамикой Зауралья конца неолита — энеолита: вопросы без ответов». В ходе заседаний были поставлены вопросы о соотношении различных технологий (галечной, пластинчатой, отщеповой) в каменных индустриях, об источниках сырья и их взаимосвязи с техникой первичного расщепления, о времени зарождения бифасиальной техники, о возможных связях населения с Южным Зауральем и Казахстаном в неолите и энеолите. На археологическом материале (керамика, каменный инвентарь) поставлена проблема выявления системных связей приуральского и зауральского населения. Насущной темой изучения каменных индустрий определено сохранение в нео-энеолитических комплексах Урала призматической микропластинчатой техники, характерной для эпохи мезолита. Этому вопросу предлагается посвятить одно из заседаний следующего семинара.

Семинар носил практический характер, программа включала знакомство с коллекциями обсуждаемых памятников (*рис. 2*). Были представлены коллекции керамики и каменного инвентаря памятников, хранящиеся в фондах Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» — Евстюниха 1, Полуденка 1, Полуденка 2, Махтыльский холм, Кокшаровский холм, Усть-Вагильский холм, Береговая VI, Береговая III. В фондах Института истории и археологии УрО РАН участники семинара ознакомились с коллекциями поселений Горушки I, Макуша III (*рис. 3*), Карасье озеро X, Большая Умытья 2, 8, 100, Убья 3, Сосновый остров, Нижнее озеро III. Для ознакомления были представлены части коллекций поселений VIII пункт на Андреевском озере, Гилево VIII, (Притоболье), Мергень 6, 7, 8 (Приишимье), Старый Московский тракт-5 (Барабинская лесостепь), Хомутовское болото 1-2, Нюхти 1-2, Чашкинское озеро 2 и 9 (Верхнее и Среднее Прикамье).

Участники семинара рекомендуют:

— продолжить работу в формате научно-практического семинара на регулярной основе для оперативного обмена новыми данными и мнениями по актуальным проблемам конца каменного века Урала и сопредельных территорий;

– опубликовать результаты работы семинара в ведущих рецензируемых журналах: Уральском историческом вестнике, Вестнике Пермского университета. История, Вестнике археологии, антропологии и этнографии;

— при планировании тематики последующих семинаров следует учесть необходимость обсуждения вопросов методического и методологического характера и выработки единых подходов при изучении археологических комплексов, находящихся на стыках — территориальных, хронологических, культурных;

Рис. 2. Обсуждение археологических коллекций на площадке Музея истории Екатеринбурга
Fig. 2. Discussing archaeological collections at the site of the Museum of the History of Ekaterinburg

Рис. 3. Сосуд аятского типа с поселения Макуша III из фондов Института истории и археологии УрО РАН
Fig. 3. A vessel of the Ayat type from the Makusha III settlement from the archive of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

— продолжать исследования в слабоизученных районах Урала и Заполярья — Верхнем Прикамье (Хомутовское болото 2), Северном Зауралье (поселение Каквинские печи I), в черте г. Салехарда (могильник Салехард 5).

Участники семинара подчеркнули высокий уровень организации мероприятия, высоко оценили возможность работы с археологическими коллекциями.

Е. Н. Дубовцева,
к. и. н., Институт истории и археологии УрО РАН

УДК 005.745 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-1-109-110

Call for Papers: Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Новое прошлое-8. Природные и культурные ландшафты в истории: пространственный поворот в современном гуманитарном знании». Ростов-на-Дону, 22–23 октября 2026 г.

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета приглашает читателей Историко-географического журнала принять участие во Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Новое прошлое-8. Природные и культурные ландшафты в истории: пространственный поворот в современном гуманитарном знании», которая состоится 22–23 октября 2026 г.

Отмечая свой первый юбилей, наш журнал по-прежнему верен тому кредо, которое было заявлено при его основании, — содействовать поиску новых оснований для диалога с прошлым и расширению «территории историка». И именно эта пространственная метафора подтолкнула нас к выбору темы конференции — последнему по времени из тех эпистемологических «поворотов», которые преобразили историческую науку второй половины прошлого — начала нынешнего столетия.

Пространственный поворот, как и все предшествовавшие ему, имеет сравнительно короткую историю, но очень долгую предысторию. Определенная дискриминация пространственных параметров нарратива, в сравнении с темпоральными, была свойственна историописанию изначально — с того самого момента, когда Геродот, в отличие от логографов, определил предметом своего интереса не места и страны, а «великие и удивления достойные деяния». Лишь в Новое время наметилась обратная тенденция: по образному выражению Джо Гулди (Jo Guldi), «современная история начинается с пейзажа» — с того особого внимания, которое Жюль Мишле, Томас Маколей, Леопольд фон Ранке и другие классики историографии XIX в. уделяли в своих трудах описанию политического и социокультурного ландшафта, на фоне которого разворачивались описываемые ими события. Впрочем, подлинная «реабилитация» пространственного измерения историописания случилась значительно позже, причем инициаторами этого начинания оказались вовсе не историки.

Первой попыткой методологического «уравнения в правах» пространства и времени можно считать концепцию хронотопа М. М. Бахтина, состоящую в близком родстве с таким базовым элементом теории относительности А. Эйнштейна, как «пространственно-временной континуум». Но если путь этой мысли от физики до филологии занял без малого семьдесят лет, то следующий шаг — от словесности до истории — был преодолен всего за два-три десятилетия. Сегодня «спациализация» — акцентировка на пространственном измерении событий прошлого — не только преобразила облик исторической науки, но и стала триггером междисциплинарного синтеза в масштабе всего социально-гуманитарного знания. Это проявилось как в конкретных исследованиях, так и в становлении новых «гибридных» дисциплин. К их числу следует отнести не только историческую географию и экоисторию, на развитие которых повлияли, с одной стороны, достижения в области геологии и климатологии, а с другой — количественные методы, включая big data и ГИС-технологии, но и такую дисциплину на стыке истории, искусствоведения, культурологии, теологии и религиоведения, как иеротопия — история творчества в сфере созидания сакральных пространств.

Планируемая конференция видится нам дискуссионной площадкой, объединяющей представителей самых разных научных цехов, чьи исследовательские интересы сфокусированы на пространственном измерении исторического опыта. Предлагаются следующие тематические направления:

— пространственный поворот в социально-экономической истории,

— историческая география в свете цифровизации,

— пространство памяти и память пространства: идейное наследие П. Нора в современной гуманитаристике,

— литература путешествий как опыт освоения «чужого» культурного пространства,

— топография городских пространств,

— пространство политического действия в истории,

— иеротопическое творчество в истории: памяти А. М. Лидова.

Мы также открыты для обсуждения с коллегами других тематических направлений и панелей в рамках общей проблематики конференции.

Порядок участия в конференции:

Заявки с тезисами докладов и сообщений (300–500 слов) принимаются до 1 августа 2026 г. на сайте журнала «Новое прошлое / The New Past» через форму на странице Конференция-2026 (https://newpast.sfedu.ru/conference-2026/), а также по электронному адресу: aktualvopros@mail.ru с обязательным указанием темы: Новое прошлое_ФИО. Дополнительная информация: https://newpast.sfedu.ru/, контактное лицо: к. и. н. Кореневский Андрей Витальевич: koren@sfedu.ru.

Оргкомитет

Сокращения

GEP — геоинформационная программа «Google Earth Pro»
LM — Lietuvos Metrika
АЗР — акты, относящиеся к истории Западной России
АН ГССР – Академия наук Грузинской Советской Социалистической Республики
ВГПУ — Воронежский государственный педагогический университет
ВГУЭС — Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
ВДИ — Вестник древней истории
ВСО — Военно-Статистическое Обозрение
ГАВО — Государственный архив Воронежской области
ГЕОС — российское издательство научной и научно-популярной литературы по естественным наукам
ДАИ — Дополнение к актам историческим
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук
ИИиА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИРГО — Императорское Русское Географическое Общество
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КРАУНЦ — Камчатская региональная ассоциация Учебно-научный центр
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОК — Отчет Комиссии по исследованию Печорского края
ОКАРО — Охотско-Камчатское рыбопромышленное общество
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РИБ — Русская историческая библиотека, издававшаяся Императорской археографической комиссией
СВСО — Северо-Восточное Сибирское общество
Стб — Столбец
ТГФ — Территориальный геологический фонд
ТФГИ — Территориальный фонд геологической информации
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук

Научное издание
Историко-географический журнал. 2026. Т. 5. № 1

Главный редактор
М. В. Михеев

Корректор
Т. А. Качалова

Верстка
Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций
А. В. Темрюх

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м^2. Гарнитура Calibri
Уч.-изд. л. 7,16. Усл. печ. л. 12,94
Тираж 120 экз. Заказ № 000000
Дата выхода в свет 20.05.2026 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00